

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДГОТОВКИ КАДРОВ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы научно-практического семинара
(Нижний Новгород, 11-13 сентября 2002 г.)

Нижний Новгород – 2002

УДК 316.356.2 (063)

ББК 60.561.5я431

С 69

Социальные процессы современной России: Материалы научно-практического семинара (Нижний Новгород, 11–13 сентября 2002 г.) / Ред. Блонин В.А., Иудин А.А., Курамшев А.В., Шпилёв Д.А. Нижний Новгород: Издательство НИСОЦ, 2002. – 169 с.

Подготовлено при содействии НФПК – Национального фонда подготовки кадров в рамках Программы «Совершенствование преподавания социально-экономических дисциплин в вузах» Инновационного проекта развития образования.

ISBN 5-93116-006-X

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателя предлагаются материалы научно-практического семинара НФПК, осуществленного на факультете социальных наук Нижегородского госуниверситета 11-13 сентября 2002 г.

Материалы семинара состоят из двух частей, первая из которых включает в себя текст дискуссии и лекций, воспроизведенный с аудиозаписей. Вторая часть включает учебные планы курсов, предоставленные редколлегии их авторами по окончании семинара.

Стенограммы выступлений и дискуссии были подвергнуты минимальной редакторской правке: убраны повторы, минимизирована специфика устной речи, кроме того пропущенные, но подразумевавшиеся слова (выражения), а также уточнения были вставлены в текст [в квадратных скобках].

В семинаре принимали участие ученые из университета города Эссен (ФРГ) – профессор Панкокке и профессор Хаберль. В течение всего семинара с ними работал переводчик Д.А. Шпилёв, осуществлявший не только синхронный перевод с немецкого на русский и обратно, но и перманентное консультирование немецких коллег по вопросам, связанным с российскими традициями, имевшими отношение к теме семинара.

ЧАСТЬ I. СТЕНОГРАММЫ ЛЕКЦИЙ И ОБСУЖДЕНИЙ

Материалы круглого стола СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.А. Блонин: Это уже третий день работы, но впервые мы собрались вместе, поскольку первые два дня проводились лекции, встречи на параллелях, и я думаю, что не все здесь присутствующие знакомы с консультантами, участниками нашего семинара. Мы пригласили их, и рады, что они откликнулись на наше предложение и находятся здесь в этом зале. Поэтому я сначала представлю наших коллег, начнем слева направо или справа налево, ну давайте так: Анатолий Александрович Овсянников – доктор экономических наук, профессор [зав. кафедрой прикладной социологии и маркетинга] Международного университета (г. Москва); я думаю, Александра Анатольевича Иудина вы знаете – [доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой прикладной социологии ФСН ННГУ], Елена Леонидовна Омельченко – [кандидат философских наук, доцент] представляет Ульяновский [государственный] университет, кафедру культурологии; Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова – Саратовский [государственный технический] университет [доктор социологических наук], профессор, зав. каф. социальной антропологии и социальной работы; профессор Эккарт Панкокке, Эссенский университет (Германия), профессор социологии; Владимир Александрович Ядов, которого думаю не нужно представлять данной аудитории [доктор философских наук, профессор, руководитель центра «Исследования социальных трансформаций» Института социологии РАН, г. Москва]; Сергей Исаевич Голод – доктор философских наук, профессор, директор Института социологии РАН (г. Санкт-Петербург); Зару Михайловну Саралиеву тоже особо не представляю [доктор исторических наук, профессор, зав. каф. общей социологии и социальной работы ФСН ННГУ], как и профессора Отмара Хаберля [профессор Эссенского университета (Германия)].

Начинаем работу нашего круглого стола.

Тема круглого стола – «Социальные трансформации: реальности и перспективы». У нас с вами есть неплохая возможность посмотреть на эти проблемы с разных сторон, с разных точек зрения. Я имею в виду не только точку зрения научную, социологическую и несоциологическую, а

взгляд изнутри и взгляд извне, тем более что проблемы, с которыми столкнулась Россия, затронули определенным образом и Германию, например, проблема интеграции Восточной Германии тоже создает комплекс проблем, требующих социологического осмысления. Плюс к тому, когда мы говорим о социальных трансформациях, то, конечно же, речь не идет только об уникальности России и Германии, поскольку это и проблемы глобального характера, глобализации, современного мира в целом. Ну и, конечно же, наша реальная специфика, а события, происходящие в последнее время, это только подтверждают.

Сегодня, насколько это получится, мы, наверное, будем обсуждать самые важные проблемы, по крайней мере, мы их поставим. Затронем также кроме собственно проблем социологических исследований и научных, проблемы преподавания социологии.

Ну, а теперь мы предоставим слово Владимиру Александровичу Ядову, который бы мог поставить некоторые из проблем, очертить круг вопросов для дальнейшего обсуждения.

Выступление В.А. Ядова

«Модернизация и трансформация: постановка проблемы»

В.А. Ядов: Я действительно хочу сформулировать какие-то основные проблемы, не на основе своих собственных размышлений, а на основе того огромного общего материала, который появился за последние годы, благодаря, как минимум, если не ошибаюсь, восьми [9] сессиям, конференциям, годичным и международным, которые проводит в Москве Татьяна Ивановна Заславская. Там участвуют многие коллеги из стран Восточной и Центральной Европы, под общим названием «Куда идет Россия?». В конечном счете, мы начинали с того, что хотели четче определить наши позиции, а к выводу пришли, что все-таки мы [находимся] на одной ступени.

Во-вторых, источником для моих тезисов, скажем, является работа, такая подготовленная уже, большая, страниц 700 наверно, под названием «Трансформации в России: теории и практики...», которая написана пятнадцатью или четырнадцатью авторами, прошедшими такой довольно жестокий отбор. Эту работу спонсирует Сорос. В том числе там есть один [автор], который написал о том, что происходит, сравнительный анализ переходных состояний стран Центральной и Восточной Европы...

Вот это все вместе дает основание выдвинуть какие-то наиболее важ-

ные задачи. Некоторые я потом запишу на доске, что вынуждает дискутировать... Потому что, есть разные положения, кое-где более-менее ясно, кое-где ясности вообще нет, а это принципиально: понять, что и как.

Первое утверждение простое, я думаю, что его и доказывать не надо, что надо намертво забыть термин модернизация. Модернизация, модернизация... это ошибочно, по-видимому, потому, что и сама ее идея протекает из нашей [социологической] классики, начиная с Ф. Тённиса, М. Вебера и других, которые предполагали, что все страны объективно и необходимо проходят определенные стадии, проходят естественноисторический процесс от примитивного, простейшего, традиционного общества к современному, постсовременному, потом постпостсовременному и т.д. Так было, если обратиться немножко назад в историю, то можно сказать, что было общество, по К. Марксу, и такое, и такое, и феодальное, и капиталистическое и т.д. Можно говорить, что было традиционное, потом современное.

Можно концептуализировать, если с одной стороны, постмодерное, свободное, то с другой, постмодерное – рисковое, глобальное, в общем настолько все не жестко предопределено, что говорить о модернизации просто глупо. И теперь мы вряд ли найдем нормального исследователя, который бы этот термин употреблял.

Второй термин возник после распада СССР, Югославии, его придумали, так сказать, кремленологи, которые зарабатывали себе на хлеб тем, что изучали ситуацию в СССР и в других странах социалистического лагеря. Когда все это развалилось, они переименовали себя в транзитологов. Появился термин «транзит» – переход, переходный период. Потом оказалось, что транзит опять связан с этой чертовой модернизацией, то есть, все должны перейти в модель западноевропейскую: каждый русский, китаец, немец и т. д. должны стать немцами. Немцы сами бы мучились, если бы все превратились в немцев. То есть и культура, и тип демократии, и тип отношений между людьми, институты социальные и т. д. Они не могут стать уникальными, они универсальны во всех странах. Значит транзитологи тоже похоронили себя. И последний семинар транзитологический, на котором я присутствовал в Польше, назывался «От транзитологии назад к социологии»...

Единственный термин, который остается сейчас более менее нормальным, нейтральным, не нагруженным какой-то заданностью – это трансформация. Вот это первое.

Второе. Если это трансформация, то отчего зависит движение в ту или иную сторону. Оно зависит, безусловно, от отношения каких-то социальных сил. Концепции и теоретические модели это лучше всего объ-

ясняют и помогают понять в каком направлении может развиваться общество. Это конечно активистская парадигма, деятельностно-активистская парадигма. Представители этого направления во Франции это П. Бурдьё, в Англии – Э. Гидденс или М. Арчер, в Америке [США] – Дж. Александер, в Германии нет наверное [никого] сильнее, чем Н. Луман. В общем это вот активисты, они сами себе еще не знают наименования. И П. Штомпка, безусловно...

П. Штомпка, кстати, один из интересных персонажей, ученых, который написал книгу, она переведена у нас [Социология социальных изменений]. И есть смысл в том, что если эта парадигма наиболее правильная, что вместо естественноисторического процесса надо говорить о социально-историческом процессе, в котором вектор будет зависеть от соотношения сильно-ресурсных и слабо-ресурсных социальных групп, движений, политиков, персонажей, разных сообществ. В общем, суть понятия вектора многообразно... им могут быть и люди, облеченные властью, президент, и общественное движение, и какой-то класс, и какой-то народ, террористы, в конце-то концов. В общем, эти социальные группы разные, социальные субъекты разные, в том числе и индивиды, их социальные нормы и правила поведения...

Значит наиболее разумное предположение и утверждение, что мы говорим об этих трансформациях, о том, что в основе этой концепции лежит деятельностная парадигма, она, кстати, исходит от К. Маркса. Все эти вот активисты – М. Арчер, П. Штомпка, Дж. Александер, Э. Гидденс – они в молодости были леваками, одни были марксистами, другие – троцкистами, третьи еще какими-то, но все они из Маркса. Из К. Маркса они взяли одну идею, генеральную. Маркс сказал: «Люди рождаются при одних обстоятельствах своей практической деятельности...». Это не тот К. Маркс, который ассоциируется с формациями и другими атрибутами исторического материализма, которого потом В.И. Ленин преобразовал в такого Маркса, по которому коммунизм неизбежен и все такое... А это тот К.Маркс, ранний Маркс, который действительно отмечал дивность человека – концепции отчуждения, деятельности человека.

Ну вот, значит повторю, первое утверждение – социальные изменения зависят от социальных субъектов, а значит все сводится к проблеме: «Что это за социальные субъекты?», и, конечно, «При каких обстоятельствах?». Не снимается задача объективных условий обстоятельств при наличии ситуации глобальной и в данной стране, и в данном регионе, и особенно остро стоит вопрос о том, что за социальные субъекты имеют возможность выйти на поверхность, возможность какого рода...

Второй вопрос такой, что надо как-то понять, что такое состояние переходное, «пост» состояние, транзит – это все состояние сдвига. Момент сдвига от одной системы экономических, политических, нравственных, культурных и прочих отношений к какой-то другой системе, которые переживают все наши страны (наши это значит и Восточная Германия). Наиболее интересна, как мне кажется, мысль, которую высказал Р. Дарендорф, германский социолог, который сказал, что состояние «пост» имеет два смысла. Первый смысл, что ученые не могут сказать, что это такое, то есть атрибутивно определить, что это такое, ну, нельзя. Поэтому «пост» – посткоммунизм, постреализм, постсоветский человек и т.д., поскольку никакого названия придумать нельзя, но это не главное.

Главное в том, что в этом состоянии сильны традиции прошлого, они давят, они, так сказать, тяжелым грузом лежат на обществе, которое хочет освободиться. А с другой стороны как одно тотальное отрицание прошлого. Это такое жесткое противоречие: с одной стороны стремлением удержать что-то у многих людей и, в том числе, у политиков, а с другой стороны ответно, если говорить о России, (я это очень просто проиллюстрирую). В советское время общественные интересы, государственные интересы, коллективный интерес были важнее индивидуально-группового, локального, местного, национального, а общесоветский важнее. То есть все общее было важно, а все частное и индивидуальное не важно. Теперь все наоборот. Б. Ельцин начал с того, что берите власти сколько хотите, корпорации между собой договориться не могут, предприниматели палят друг в друга, каждый хочет захватить себе побольше. То есть общегражданская солидарность в России абсолютно отсутствует, как и в Польше; в Германии ее тоже нет потому, что здесь и здесь два разных парламента, это я знаю точно, и германские коллеги со мною согласятся. Это два разных народа, а в России, повторяю, что угодно. Это демократы, это не-демократы, казаки – заведомо патриоты и хорошие люди, какие-то не-казаки, которые не известно кто такие, и еще доказать должны: хорошие они люди или плохие. С одной стороны, повторяю, тянется шлейф прошлого и мы часто пользуемся старыми догмами, старыми манерами поведения, моделями решения, а с другой стороны, пытаемся отрицать это все старое и никак не удается найти хороший баланс.

Второй пункт – это пункт о том, что состояние пост – особое состояние, связанное с противоречивостью норм, правил поведения, моделей действия, системы ценностей и т. д. Наилучшем образом это состояние пост диалектически осмыслил П. Штомпка. Уверен, что об этом можно говорить. Потому, что П. Штомпка предложил теорию культурной трав-

мы. Он называет этот переходный период – травматическим. И на последнем конгрессе, который был в Монреале, я там не был, но мои коллеги были и рассказывали, что П. Штомпка был фигурой номер один, его и Дж. Александер очень активно поддерживал.

В общем там и дискуссия теоретическая была в основном вокруг теории П. Штомпки, его же и выбрали президентом Международной социологической ассоциации. В чем смысл этой травмологической концепции Штомпки. Он считает, что всякое социальное резкое изменение, не обязательно посткоммунистическое, не обязательно наше, любое социальное изменение, революционное у авторов представляет собой культурную травму. В каком смысле культурную травму? Никто не ожидает этого изменения, в принципе оно всегда неожиданно. Те реформы, перестроечные, например, хотя конечно естественным путем как бы предполагались, мы говорили, что надо бы что-то делать, но сам факт объявления гласности и остального – это была травма. Раньше было все понятно, одна газета все объясняла, теперь одна говорит одно, другая другое, третья – третье. Ну, короче говоря, это травма. Люди потеряли, что очень важно, свой капитал или свой социальный ресурс, накопленный ранее: свойственные им системы взглядов, убеждений, правил поведения, норм взаимоотношений. Например, были трудовые отношения, но одно дело трудовые отношения в советское время, другое дело в рыночное время, в рыночной экономике. Как их совместить? Я не хочу продолжать развивать эту тему, но это существенная проблема.

И так вот это значит, состояние пост, это состояние травм и из этой травмы надо как-то выходить. Во-первых, Штомпка П. обращаем внимание, на то, что бы понять суть этой травмы надо понять, что ее в конце концов продуцирует, какие обстоятельства внутренние. Ну, можно говорить о нашей стране, что это в первую очередь экономические обстоятельства, мы отставали радикально, у нас не было модернизации оборудования, производительность труда была очень низкой, она и остается, крайне низкой на фоне передовых стран. Мы теряли возможность конкурировать в экономической сфере. Я не говорю уж, о политическом устройстве, которое было у нас централизовано, было невозможно учитывать особенности того или иного региона, той или иной отрасли народного хозяйства и так далее, это был просто тупик. По-моему, предпосылка была очевидна. В других странах другие предпосылки, я не буду очень много говорить об этом...

Второй момент, очень важный, этой травмы, в чем она заключается? Я уже частично сказал, потеря прежних ресурсов каждого человека. Есть в принципе две модели выхода из травм, важно посмотреть в пропорции

ях, где, как и какая модель больше и лучше представлена. Одна – чисто пассивная, отстранение своего рода, какой-то ритуализм, даже, по Р. Мертону, действуй по-старому не зависимо от изменившихся обстоятельств, то есть как жил, так и живи. Вот вам, пример: на заводе будут говорить, у нас там коллектив, это не наша корпорация, а наш коллектив. В этот коллектив входит и дирекция, и все рабочие, а сегодня это уже не коллектив, там есть представители хозяина, и есть наемные работники, которые говорят: коллектив. Правда они могут говорить наша корпорация, потому, что они понимают, что здесь люди с разными интересами и они едины потому, что им выгодно на конкурентном рынке выйти вперед и соответственно делить прибыли: начальникам и ответственным лицам, владельцам соответственно побольше, а наемным работникам поменьше. И все-таки это старое. Ритуализм – это попытка сохранить старое, старую систему отношений, связей и все такое прочее: уповать на государство, требовать от него.

Вторая – активная адаптация – это новые русские, новая молодежь, которая контрастирует с нами, они такие-сякие, компьютеры, в общем активные и пассивные.

Если считать, по данным исследования в России, то примерно 30% на вопрос: «Кто я, опишите кто Вы?» – Говорят: «Я – простой человек». Это пассив. Если брать наши данные по идентичности, там есть такая группа, которую мы выделяем как: человек, который себя сам сделал. Другой вариант: он активен, он считает, что от него зависит будущее. Это около 10%, в разные годы плюс-минус, но около 10%. В любой популяции таких активистов мало, хотя в странах где больше интерналов, это страны в основном протестантские, те люди, которые понимают, что от них зависит больше чем от обстоятельств, а в странах экстерналов, к которым мы относимся, их гораздо меньше.

Итак, выбор страны будет зависеть от соотношения этих активных, деятельных и тех, которые готовы терпеть, мучиться. Россия увы от конца на первом месте – и это православие, которое нам теперь предлагают как главную идеологию, но оно не учит быть активным, но учит быть послушным. Может это кое-кому выгодно, чтобы люди научились быть послушными и Господу Богу, и Президенту и своему начальнику. На этом же и строилась наша религия, это же Петр I ее сделал государственной, чтобы слушались императора, а церковь при императоре. Сейчас она отделена от государства, но священник освящает космический корабль, какую-то бомбу, подводную лодку атомную и т. п., а то и в школе начнут преподавать [Закон божий] обязательно, а если не обязательно, но большинство идет, тогда ты Вася, что нехристь что ли иди тоже. Зна-

чит, в этом смысле я лично ничего хорошего не вижу. Это не увеличивает долю деятельных людей, а увеличивает долю пассивных, послушных, рассчитывающих на обстоятельства, на Господа Бога, на господина генерала, на губернатора, на Президента... Значит это важный фактор выхода из травмы, соотношение актив–пассив в популяции, населении.

Следующий момент, который очень важен для России, специфичен для России, – это то, что Светлана Кирдина называет институциональными матрицами, у Кирдиной С. и книга под названием «Институциональные матрицы», есть издание прошлого года и позапрошлогднее издание, два издания. Это вопрос дискуссии. Матрицы – это надо обсуждать. С. Кирдина говорит, что есть культура типа А и типа Б. В начале она говорила восточная и западная, а теперь просто типы А и Б, чтобы не сталкивать... Один тип культуры, где социальные матрицы, социальные институты – это система правил, система организаций, форма организаций все это вместе. Они устроены вертикально сверху идут распоряжения, снизу идут жалобы, как говорится, так устроена система управления власти в России испокон веков и, конечно, и советская, и после. Экономика тоже так устроена. Даже гражданские формирования, которые возникают, они тоже иерархичны. Возьмите казаков, возьмите некие национальные, ну не знаю... Например, в Москве существует 12 таких этнонациональных образований, независимых, там тоже жесткая система иерархии. Те же самые немцы, немцы в России, там жуткий раскол. Немецкое сообщество в России расколото – одни начальники хотят одного, другая группа, название не важно, – другого, между собой договориться не могут. Но в одном случае, надо слушаться своего президента, руководителя, этого сообщества немцев в России, а в другом, надо слушаться другого. Одни получают поддержку из самой Германии, другие получают поддержку где-то в другом месте – нету там солидарности. Выходит все устроено по-русски, вот именно так, правда и по-немецки тоже, потому что в Германии, понимаете ли, гражданские силы тоже разные. Но все-таки Р. Михельс сказал, что есть «железный закон олигархии», а это Германия. Значит матрицы вот такие. Почему президент столь популярен? Потому что порядок в стране, а что говорит президент о стране, а президент говорит: «Управляемая демократия». Так что, мы идем обратно туда?

Второй тип матриц Б – это матрицы горизонтальные, там, где гражданские структуры доминируют. И там, и там есть гражданские структуры, нельзя сказать, что их нет, есть, конечно, движение женщин, зеленые, разные... А вот в матрице типа Б, там гражданские структуры доминируют, а вот эти вертикальные, они как бы на втором плане. Есть

очень хорошее выражение Антонио Грамши, который в тюремной тетради, это были двадцатые годы, после октябрьской революции, после февральской, после всех событий в России, он написал, что если в западных странах слабеет государство, стабильность общества обеспечивают гражданские структуры, которые выходят на поверхность. Если в России слабеет государство – рушится все. Вот это и есть отличие.

Значит, гражданские структуры обеспечивают стабильность, в том числе и тем, что они как волчок, и чем он быстрее вращается горизонтально, тем устойчивее. А эти наши – вертикальные – это как пирамиды Хеопса, чем шире основание и чем выше там наверху мощная власть, тем она прочнее стоит. И вот, вопрос про матрицы: могут ли наши матрицы перестроиться в другие? Это, значит, сможет ли в принципе Россия быть, так сказать, обществом а-ля западного типа или вообще не может никогда. Это как если обострить проблему, вот когда С. Кирдина выступает, то тут до крови доходит, вот одни говорят: «... вот, может, новое поколение, оно придет ... оно ...». Ну, новое поколение придет, конечно, оно по-другому воспитано, но кто же его пустит. Оно же не просто так – перебили всех из автоматов, старое поколение – и пришли к власти. Ничего подобного. Они потихоньку приходят к новому, к власти, они создают себя материальную базу разными путями: дикторами радиотелевидения, журналистами, но там уже сидят и старенькие... И старенькие потихоньку их начинают обрабатывать. В ЦК КПСС тоже были эти «неверы», эти «неверы» туда приходили, а, значит, там «Александры Павловичи» их обучали. Если этот не обучался в ЦК, его выгоняли из ЦК, он там не удерживался. Потому и матрицы, потому они так долго и держат структуру, что они ее формируют. Сможет ли новое поколение так выжить, это уже вопрос отдельный. Матрицы и поколение – два пункта, которые мы здесь отметим...

Следующий вопрос, не очень дискуссионный, а просто факт: в России очень важную роль в этих переходах, преодолении травм играет религия, функцией которой [является] поддерживать такую позицию, которую занимает властвующий лидер, властвующий в любых смыслах: экономически, политически, культурно и т. д. Они [религиозные и «властвующие» лидеры] солидарны в том, чтобы страна шла в каком-то направлении, определенном, неважно, к своим корням или к западу. Какая-то программа у них есть общая, принятая большинством представителей или нет такой программы, они расколоты. Вот тут есть две большие разницы. Например, элиты в Польше абсолютно солидарны, что вот движение «Солидарность», бывшее, бывшие коммунисты, там, не знаю, правые, левые, они все говорят – назад в Европу. Потому что они уже были

в Европе; надо вернуться в Европу – и в этом они все солидарны. В Эстонии, где я много времени провожу, абсолютно солидарны, там у русских немножко особая проблема, у русской популяции, но сами-то эстонцы абсолютно солидарны – в Европу! В России нет и никогда не было [солидарности элит], со времен Петра I [Алексея Михайловича(?)] начался раскол церковный – одни по-старому, другие по-новому; потом появились западники–славянофилы (среди священников их было больше); потом их стали называть космополиты в советское время и патриоты; сейчас их называют атлантисты и опять же патриоты; короче, одни – на запад, другие – на сохранение и усиление наших национальных и исторических инициатив. Согласия между нами, как и между элитами, нет – они расколоты. А. Ахиезер, который этой темой занимается очень основательно, написал три тома, показал на протяжении всей истории до последних дней, что наши лидеры договориться не могут. А есть только два [варианта]: или к власти приходят прозападники, вроде М. Горбачева, или потом приходят патриоты, вроде Б. Ельцина, или В. Путин, которого оценивают вроде как западника, посмотрите, что сейчас у нас происходит, правительство говорит: «Давайте немножко вернемся к западу поближе». Это не Китай, где конфуцианство требует золотую середину. Мы золотой середины не понимаем. Мы либо один экстрим, либо другой экстрим – это черта социального характера: главное набить морду и уничтожить противника, а договориться с противником очень тяжело. Это факт, и по-моему, обсуждать здесь нечего.

То согласие, которое сегодня политологи наблюдают или фиксируют, например, сейчас более или менее солидарно – это солидарность временная, ситуативная, связанная с положением во всем мире, и экономической ситуацией, и это временное состояние, которое завтра же может расколоться. Начнутся там какие-нибудь дискуссии в дополнение к Чечне, конфликты, и будет раскол – более явный. Начнется там, ну, например, Америка [США] начнет там [активные действия] против Ирака, обижать его, и будет раскол. Тут уж солидарность никак невозможно ожидать, я не сомневаюсь ни на йоту – завтра же произойдет раскол. Президенту мы все так и говорим – ты их поддерживаешь, а смотри, что делается: они начали войну, Потомак отравили, к чертовой матери, а теперь что делать, мы рассчитывали, что нефть они будут покупать, а они как еле живые. Ну не знаю, что там произойдет... Подумаешь, один малый вернется к Потوماку, ну и не знаю, что дальше..., в общем это без нас...

Значит, единственный вид, российский, который сегодня наблюдается, это не есть стабильное состояние, а стабильное, обычно, это – как

правило – застой. Россия анклавизирована, то есть у нас есть места, которые можно назвать Гонконгом по-китайски – это Москва, Петербург, теперь это официально называют Северной столицей и просто Столица. Ну, поскольку В. Путин из Петербурга, так бы никто не осмелился называть Ленинград – столицей. Значит две столицы, а потом есть огромная территория, разные этносы и глубинка. А потом, это образ жизни, так, в целом, деревни глубокой, провинциального города и этих столиц просто не сопоставимы. Это было и в период перестройки, когда основная жизнь была такая: ветер дует – верхушки шумят, а внизу абсолютно спокойно. И сейчас примерно так же, поезжайте в город Ярославль – там никаких бутиков не будет, там никаких супермаркетов, там будут универмаги, магазины и все такое прочие. А в Москве вы найдете бутик, а там продают швейные машины и какие-нибудь ботинки, это, чтоб к слову было. Ну, в общем, очень много анклавизации, вот эту анклавизацию называют у нас гибридной и сравнивают с Мексикой. В Мексике есть город Мехико, который мало чем отличается от современных крупных городов, индустриальных, и огромная территория, на которой до сих пор живут пеоны, которые по-прежнему пасут своих коров, ходят в этих ... шляпах, правда, транзисторы у них есть, а все остальное – все как было. Так и в России. Посмотрите особенности национальной охоты, национальной рыбалки, что хотите, чем они отличаются от того, что было сто-двести лет назад, только, что моторные катера, да вертолеты, а все остальное то же самое, в точности такое же, ничуть непрозападное, ничуть. Значит анклавизация, которая надолго-надолго.

Следующий вопрос – это, конечно, особенности российского социального характера. Это не есть просто специфика России, это население особого социального характера и когда мы говорим об этих трансформациях и изменениях, нельзя не учитывать особенности культуры и особенности социального характера. Какие особенности социального характера наиболее заметны, там есть и плюсы, и минусы. Например, можно назвать плюсом способность терпеть трудности, переживать трудности. Так как трудностей у нас достаточно много, и невыплаты, и то, и другое, ведь не развалились же, ведь люди это выдержали все. Не известно, как бы выдержали все это представители народов других стран. Когда у нас произошел дефолт, Шляпентох В.Э., коллега наш, который сейчас в Америке работает, он начал посылать нам посылки с колбасой, у вас же, говорит, есть нечего. Мы говорим: у нас три сорта колбасы всегда есть, это у вас, когда три сорта колбасы – голод, так у нас мы же забыли, что это, для нас, это уже нормальное состояние. Пока есть хлеб, пока есть одна колбаска, мясо или сало, это нормально для нас, очевидно, а там

трагедия. «Почему у вас, – писали американские газеты, – в России, люди не выходят на улицу, когда их деньги пропали». Всегда так было: не жили хорошо, не к чему привыкать. На самом деле, вот это терпение, трудности из-за истории в стране – оно и плюс, оно не только минус, оно скорей [даже] плюс. Оно помогает жить ради будущего, готовить что-то ради будущего.

Вторая типичная особенность, которую плюсом не назовешь, это глубокая экстернальность. Экстерналы от интерналов отличается тем, что экстерналы уповают на обстоятельства и на других и т.д., тогда как интерналы только на себя. Мы к сожалению экстерналы, поэтому важна власть, важна система управления, система организации, та которая организует людей. А вот такая значит вольница, она пользе большой России не приносит по той причине, что люди не интерналы, они начинают ... сразу ищут лидера какого-то, если это не голый псих, то они за ним пойдут, но все равно это плохо.

Дальше циклоидность – это отмечают очень многие авторы, психологи, и не только. Это состояние такое, что в отличие от немцев, которые умеют так вот вскакивать утром, пойти на работу, отработать сколько там часов, я не знаю, 7–6, потом начисто забыть об этой работе, пойти выпить пива, [поесть] шашлычка, постричь газон – работы уже нет. Наш человек так не может. Он на работе может выпить, а после работы это другое дело, но я хочу подчеркнуть, что циклоид – он либо очень энергично делает, рвет вперед, потом долго отдыхает, как Иванушка долго на печи лежит, или пока там не надо было змея Горыныча убивать, Илья Муромец спал. Или наш первый президент – то на танк, то с моста падает, потом пьянство и полная апатия. Пока нету какой-то со стороны угрозы – он просто дремлет. И эта циклоидность типична – это черта характера, это не индивидуальная особенность... Не надо ее путать с отсутствием готовности работать систематично, оно не искусственно. Черта характера обусловленная, если хотите, географически, территориально, климатически, нет должного климата, нет суровой... в какое-то время можно и нужно усиленно работать, пока не начались дожди и холода, а потом делать нечего зимой. Чего зимою делать? Ну, пьянствовать. Конечно, можно кое-что приготовить и летом, но когда еще, а там весна, а так ничего. Потом опять. И в принципе вот есть специалисты по социальному характеру, они этим занимаются, вот они объясняют многое климатическими особенностями страны.

Ну, например, эти черты нельзя назвать плохими или хорошими, просто надо учитывать, не может быть постоянного. Иногда пишут социологи, что люди стали апатичными, не ходят на выборы, не интересуются.

А сколько можно ходить и интересоваться? Был период перестройки, был период полный надежд, все рвали вперед. Потом поняли, что не обязательно все получится, так как ожидали, то есть, стали апатичными. Придет время, наверняка будет снова какой-то взрыв, движение. Я, лично, связываю это с событиями в мире в целом, они приведут к острому конфликту, и тогда поднимется снова движение, будет какая-то солидарность, в какую-то сторону. Потому, что нельзя иначе, это, так сказать, критичное состояние.

Дальше надо сказать о ситуации в глобальном мире, миросистеме. Россия не развивается автономно. Очень важно, что происходит в миросистеме. Есть период, когда существовала как бы отдельная история, будем прямо говорить, нет отдельной истории Соединенных Штатов, Франции, Англии, России и кого-то, а есть общая всемирная история. Ни один народ не может прогнозировать развитие своего собственного общества без учета каких-то событий в глобальном пространстве. Сегодня это все ясно и объяснять все это не надо. Но куда эти события развиваются, в какую сторону они развиваются, с одной стороны, можно ожидать правдоподобно... Такие концепции развивают У. Бек в Германии, Э. Гиденн в Англии. Мы становимся мировой системой, становится обществом повышенных рисков, конечно, неконтролируемость при том. Это электронные системы, которые могут выйти из строя, это катастрофы, природные, это войны и террор, и т.д.. Причем переход к электронным системам в передаче управления может вызвать чрезвычайно глубокие катастрофы. Я читаю внимательно, что пишет военный по поводу стратегии конечной нашей обороны. Известно, что американцы собираются, они уже заявили такую доктрину, что они собираются отказаться от сухопутной армии, танков и т.д. А вот в основном, значит, мобильные войска специализированные, точечные удары по наведению из космоса, все это стоит бешеных денег, там миллионы на космос, буквально, нам это не снилось и возможно никогда и не будет, пока Ахиллес догоняет черепаху, отсюда и такая любовь к нам, потому что вообще против Америки мы ничего не можем.

В Европе тоже существует такая небольшая солидарность: как бы нам быть относительно независимыми, сколько же можно. Эта дружба, эта солидарность, иногда говорят солидарность президентов, как только президенты, ныне действующие Т. Блэр, как наш В. Путин, Дж. Буш, они уйдут со своего поста, так все это и развалится, и Европа захочет иметь свою какую-то систему электронной обороны. А как Россия – у нас есть головы, у нас есть компьютеры, денег правда нет, но деньги ваши. Не обязательно внутри НАТО, ну, союз, особый союз с НАТО, тем

более, что Украина туда уже ползет, западные наши балтийские страны будут там, венгры там, поляки там, что же мы будем делать. Это фантазии, но дело в том, что в этом глобальном пространстве Россия тоже. Вот говорят, что сейчас имеет место процесс локализации, то есть глобальные тенденции и стабилизирующие вызывают сопротивление локальное и народы хотят сохранить свои особенности: культурные, экономические, национальные, это процесс неизбежный. Я бы добавил, уровень блоков... блоков региональных, потому что есть анклав Европы, есть анклав североамериканский, есть СНГ, есть анклав дальне-восточный, несомненно. И как это будет развиваться вот в этих анклавах, может Россия захочет создать свой анклав и как-то договориться с Китаем, с кем-то еще... с азиатскими республиками. Может это будет российский анклав, денег правда не хватает. Нужно сказать, что нужно материально-экономическую сторону укрепить, чтобы создать свой анклав и укрепить...

И самое последнее или самое предпоследнее. Предпоследнее заключается в том, что не все то, что можно назвать модерном, индустриальным, западным и т. д. хорошо не только потому, что мы А-матрицы, а не Б-матрицы. Мы экстерналы, мы А-матрицы, а они интерналы и Б-матрицы, исследователи, по факту, говорят, что они совершенно разные, это разные типы общества, не культур, а обществ. Разные А, Б, и не только, если абсолютизировать А-систему с ее ментальностью, с ее матрицами и Б-систему ничего хорошего не получится и то плохо, и это плохо. Потому что касается вот этого общества рационального, целерационального, по крайней мере, жестко-организованного по правилам, где нет исключений, это ведь ужасно. Это не только мы видим, что ужасно, это и Запад осознает как это ужасно. Отсюда рождается новая концепция, которую Э. Гидденс и англичане называют, не только американцы и новые демократы, они называют это «третий путь». Что такое третий путь? Это не путь правых и не путь левых, это не путь либеральной экономики и социал-демократический как они в действительности социальные программы, а это третий путь. Два варианта: один вот такой, где социальные поддержка и социальные программы государства семье – социал-демократический несколько; а второй – сугубо социал-либеральный. А вот третий путь выглядит так, как это Э. Гидденс записывает: надо значительную часть средств из бюджета, рассчитанную на социальные программы отдать муниципальным образованияам или как он их называет community, то есть всяким [территориальным] общинам (по месту). Почему? А потому, что государство, такое как Англия (Великобритания), стало очень многообразным, там много разных групп населе-

ния. Нельзя их как-то суммировать, там есть люди разных этносов и люди разного благосостояния, люди с разными ориентациями сексуальными, там мальчики с мальчиками, девочки с девочками живут семьями, и т.д. И только местные, локальные, муниципальные академии и общины самоуправления, имеющие средства, имеющие бюджеты из государственного бюджета могут учесть все эти обстоятельства и сделать жизнь людей более обеспеченной, более защищенной. А это возврат к тому, что Ф. Тённис называл *Gemeinschaft*. И взять – *Gesellschaft*, чтоб тебя, так сказать, развернуло и показало свое семейное нутро, а *Gemeinschaft* – нормальные человеческие отношения – это мы потеряли. В России не только были общинные, человеческие отношения, мы никогда не считали, что только по закону, мы всегда говорили, что можно друг с другом договориться. Я рассказываю своим студентам, мы проводим исследования по взаимоотношениям и задаем вопрос рабочим, что если будет КЗОТ, что если в кодексе о труде будет записано, что администрация предприятия обязана заключить контракт с каждым рабочим, где будет сказано, за что он получает то-то и то-то, за что его будут наказывать. Хорошо ли это будет? Рабочие в большинстве говорят, что это будет плохо. Почему плохо? Потому, что если я чего-нибудь там опоздал или выпивши, тут-то я всегда могу договориться, а тут он ткнет мне в параграф и все. Когда говоришь с представителем администрации, они говорят: «Это будет хорошо, потому, что надо же в конце концов приструнить». Ну, а реально ситуация такая, те кто хорошо изучал языки, германские, в том числе, авторы, не изучали наши бытовые отношения, наши предприятия, где описывали работу, находят, что симбиоз между межличностными отношениями и формализованными. По видимому, вот эта схема комбинаций межличностных, человеческих отношений и формализованных, фиксированных параметров, это и есть, что-то такое, ну если не самое то уж близкое, тривиальное. Отношения сугубо рационализировано-нормализованные – ужасны. Отношения только общения – неперспективны, неэффективны, непродуктивны и теперь это уже ясно. Дальше идет беллетристика, и дальше можно что угодно рассказывать.

Приедете в Америку – «Владимир и так далее» – а как только твои отношения с этим персонажем закончились, он начисто выкинул тебя из головы, и если ты вдруг скажешь, что мне нужна какая-то помощь он даже и не вспомнит о тебе. Целесообразно иметь с ним отношение, я ему нужен – да, а если я ему не нужен, ну, и черт с тобой, я его тут же выкинул. В Европе все несколько иначе. Некоторые пишут о том, что в Европе возникает снова вот этот «*Gemeinschaft*» как глобальная деревня в Интернете.

Человечество, повторяю, хочет как-то вернуться к естественным, межличностным, эмоциональным отношениям, как-то ведь хочет вернуться, Ф. Теннис, кстати, тоже ведь говорил, что переход к современному обществу [Gesellschaft] не гладок. Он говорил, что мы будем терять что-то очень важное, традиционно необходимое, естественное в человеческих взаимоотношениях.

Интернет один из заменителей вот этой общины, потому, что ты можешь вести переписку, ты можешь представить себя – я могу себя представить – девушкой молодой, бабулька может представить себя юношей, и мы там можем болтать и разговаривать в общем. Значит есть перспектива в смысле нашей национальной гордости, такова, что какие-то процессы, которые происходят на западе, также как у нас, они могут быть драматичнее, они будут другие и взаимодополнение этой А-Б-системой, оно, наверное, дает какой-то смысл.

И последний вопрос, который я только обозначу – это молодежь. Потому что, вообще-то говоря, многие концепции – это и Р. Дарендорф, К. Манхейм, они как бы отмечали, что сдвиги социальные связаны с поколением, что вообще-то радикальные сдвиги ведут за собой определенные поколенческие когорты. Понимаете, приходит молодая когорта в жизнь, и она начинает занимать ведущие места везде: в экономике, в политике, в воспитании и т. д. Что это за личности? К чему ведет вот это поколение? Что можно ожидать от прихода на сцену истории молодого поколения? Вот две проблемы мне кажется очень острыми: матрицы и поколение.

Еще один вопрос – последний. Когда закончится переходный период? Где тот момент, где можно сказать – да период трансформации закончен, начался стабильный процесс, стабильный, управляемый, как говорят. Он заканчивается в тот момент, по-видимому, когда развитие событий экономических, политических и прочих становится предсказуемым, предвидимым, ну на какой-то десяток-полтора десятка лет. В этот момент можно сказать – да период вот этот травм преодолен, переход завершен. В некоторых странах Восточной, Центральной Европы это уже произошло, скажем, в Польше – да, Венгрия – понятно, все можно предсказать, рассчитать. В России – черта с два. В России пока просчитать нельзя, по многим причинам: нет многих законов, которые необходимы, законы о банкротстве не установился, трудовые отношения тоже не сформированы, ну и так далее, этого еще нет. Но когда наступит такой момент, тогда действительно можно сказать – да, этот период закончился, началось какое-то более или менее стабильное развитие одновекторное, но предсказуемое, просчитываемое.

Аплодисменты...

В.А. Блонин: Слово предоставляется профессору Панкокке.

Выступление Э. Панкокке «Трансформация в реальных социальных процессах»

Э. Панкокке. Большое спасибо дорогие коллеги. Я очень рад снова встретиться с Вами в Нижнем Новгороде. Мне также радостно продолжить обсуждение тех вопросов, о которых мы уже не раз говорили в Эссене. И также я очень рад, что смогу дополнить, что-то к тому, что уже сказал мой коллега.

Дело в том, что понятие трансформации было специально выбрано в социальных науках для того, чтобы обозначить новые направления исследований и также для того, что бы определить определенную дистанцию между тем, что было раньше, а именно такими понятиями как революция, эволюция, трансфер. В том и состоит отличие этого нового направления, оно заключается в том, что многие акценты расставляются по-новому. Речь идет об исследовании очень больших объемов, речь идет не только об их исследовании в культуре, не только в сфере экономики и политики, речь идет о взаимовлиянии всех процессов и это является для него характерным. Существует зависимость между структурой или, так скажем, имитацией структуры или полуструктурой и зависимостью от культурной модернизации. Исследования трансформации отражают взаимозависимость и взаимовлияние этих процессов, между внешними обстоятельствами какого-то человека и внутренними, из-за того, что культура изменяется и того, что есть в человеке, это его ценности, его ожидания, его настроения. Трансформация – это анализ процессов, причем главным условием является большая сложность, при этом уделяется большое внимание тем взаимосвязям, которые существуют между структурой и структурой их модернизации.

Естественно, что процесс трансформации есть динамика, я в этом соглашусь с моим коллегой, и поэтому все старые обозначения, например, модернизация – классическая гражданская модернизация, которая началась в XVII веке, не отражают современную действительность. Сегодня можно сказать, что мы находимся в такой ситуации, когда классическая гражданская модернизация переживает период полного обновления. Я повторю еще раз, что трансформация – это значит изменения и перемены большой сложности.

Во-вторых, это проявление внимания к тому, что происходит с человеком внутри, то есть внутренними факторами. Поэтому сейчас говорят, например, об исследованиях организации, ориентированной на субъекта или по-другому говоря, ориентированной на актора. Сейчас мы можем говорить не только об организации, но и об исследовании трансформации, учитывая при этом строение, пути и т.д. Противники политической модернизации в Германии, часто не учитывали это политический фактор.

Третья и четвертая особенность трансформации заключается в том, что трансформация это изменение, управляемое политически, в отличие от других процессов модернизации, которые неуправляемы. Конечно же, когда просто люди или политики вмешиваются в отношения, которые складываются в обществе, естественно, что и они допускают при этом ошибки и это приводит к кризису.

То есть, еще раз, третья особенность – это то, что трансформация это изменение, но управляемое.

Четвертой особенностью этого процесса является то, что вся история его существования, вся история его осуществления наблюдалась представителями социальных наук, исследователями. То есть, можно сказать, что этот процесс разворачивается не вслепую, а существовали политические акторы и наблюдатели со стороны науки.

Если мы посмотрим на развитие социальной науки в Германии, мы увидим, что в тех случаях, когда речь идет непосредственно о человеке, то в этих случаях всегда говорят о качестве личности или о депривации. То есть процессы настолько сложны, что необходимо постоянное наблюдение за тем, и анализ того, что я добился, а чего я не добился, где я допустил ошибку и т.д. И поэтому, если мы вернемся к процессу трансформации или ее особенностям, то мы можем сказать, что, в том числе и в Германии, этот процесс очень современен, так как он осуществляется под постоянным наблюдением как представителей социальных наук и под постоянным контролем политических акторов. Когда начался процесс объединения Германии, процесс модернизации, то важными чертами этого процесса было то, что его осуществляли не только политики, а тут же к этому процессу подключились и представители социальных наук. И его особенностью является то, что происходило постоянное наблюдение за тем, что происходит в сфере культуры, с одной стороны, а также, с другой стороны, что происходило постоянное наблюдение за тем, что происходит внутри каждого человека, внутри каждого индивидуума во время этого процесса. И комиссия, которая состояла из политиков и представителей социальных наук, наблюдавшая и управлявшая

этим процессом изменения была настолько прилежна, что они тоже очень много написали – не только 700 страниц отчета, а даже значительно больше – 7000.

Я привез с собой книги, в которых очень детальным образом отражены исследования и выводы, которые они сделали. Также есть у меня с собой и другие материалы... Эта комиссия, которая работала более пяти лет, называлась Комиссией по исследованию социальных и политических изменений отдельных структур. С одной стороны, они, конечно, занимались исследованиями новых федеральных земель, то есть исследованием бывшей ГДР. Есть у этой комиссии сокращение – КСГМ. Поскольку в эту комиссию входили не только политики, которые имеют обыкновение рапортовать только об успехах, а также и ученые, то также определялась информация о тех неудачах, которые были допущены, что было особенно важно во время ключевых моментов происходящих трансформаций.

В последние годы появилась книжка под очень интересным названием – «Трансформация Восточной Германии». Я думаю, что эта книга рассказывает не только о проблемах трансформации Восточной Германии, она отражает все немецкое общество, которое за последние годы благодаря многочисленным кризисам и модернизации, которые оно преодолело, прошло очень серьезный путь. Должен сказать, что это книга не только о радикальных и сложных изменениях, которые произошли в немецком обществе. Это книга и о процессе трансформации и модернизации, которые произошли во всей Восточной Европе, которая за последние годы, конечно же, очень сильно изменилась. Очень важным является тот факт, что представители социальных наук постоянно выдвигают новые гипотезы.

Еще одной важной чертой работы этой комиссии, которую нужно упомянуть, является то, что туда входили представители социальных наук не только бывшей ФРГ, но и ГДР. Они работали в тесном сотрудничестве друг с другом и эта работа привела к тому, что те материалы, которые описаны в многочисленных изданиях представляют не только взгляд Западной Германии на эти процессы, но и есть такая взвешенная интерпретация, включающая в себя точку зрения и представителей другой стороны.

О. Хаберль. Позволю себе замечание, здесь говорилось об ученых-социологах: это были социологи из ГДР, или которые учились там, или это были социологи из Западной Германии, которые после объединения получили должность в Восточной Германии и переехали туда на работу.

Э. Панкоке: Конечно же, это были ученые и профессора из ГДР, которые закончили там академии наук и учились и работали в восточногерманских университетах, а не только известные специалисты из ФРГ, которые переехали в ГДР после объединения. Дело в том, что процесс объединения осложняется тем, что знания и власть несимметрично разделены между западногерманским и восточногерманским народом. Дело в том, что на жаргоне существуют названия – западники и восточники, те кто является западниками, то есть представителями западной науки и западной власти, они считают себя и более умными и более умудренными властью, и, поэтому, они пытаются влиять и подавлять своих коллег из Восточной Германии, и это приводит к несимметричности, и, кроме того, говорят также на жаргоне, что западники как бы всегда лучше, они все лучше знают и, что больше у них власть, в результате этого процесс управления трансформацией идет в ту сторону, что западная модель как бы априори признается лучшей и представители Восточной Германии вынуждены следовать этой модели. А те модели, которые развиваются в восточной части Германии они как бы хуже и, поэтому, естественно, что представители восточногерманских ученых в принципе обижаются на своих коллег. В результате существования такой точки зрения, такого направления развития, было очень много конфликтов и разочарований в процессе модернизации. Потому что представители западногерманской науки считали, что все те модели, которые существуют у них и те модели, которые у них разрабатываются, могут быть просто наложены на восточногерманское общество без учета того, что у восточных немцев также есть свои субъективные чувства, свои ценности и свои ожидания.

Поэтому часто возникала такая ситуация, что с точки зрения структуры все модели и устройства организации, которые существовали на востоке, на западе их пытались просто транспортировать в новые федеральные земли – бывшую ГДР – без учета тех особенностей, которые существовали в другой сфере, без учета того, что модели существовавшие на западе Германии всегда накладывались на структурную ось. Поэтому очень часто люди, жившие в Восточной Германии, ощущали себя филиалом или колонией запада. Конечно же, не нужно сразу же говорить о том, что процесс объединения – это плохой процесс – нет. У нас было очень мало времени для проведения этого процесса, поэтому во время его осуществления было сделано очень много ошибок и во многих случаях мы просто рисковали. Нужно также сказать, что в ходе [трансформации] ожидания восточных немцев развились в новую социально-экономическую реальность, например, безработицу. Но тем не менее, можно сказать, что процесс объединения, процесс модернизации являет-

ся хорошим примером управляемых изменений в большом обществе, который также явился причиной того, что демократия была также перенесена и на другие страны Восточной Европы, они начали развиваться по демократическому пути. Все это послужило причиной того, что Европа стала очень большим домом. Конечно, были ошибки, но, тем не менее, процесс в целом можно охарактеризовать как положительный.

Россия также сейчас находится в процессе управляемых изменений, может в чем-то он гораздо более драматичен, но, тем не менее, он также важен для будущего России, для всего того, что в дальнейшем будет происходить в нашем сотрудничестве. Поэтому, когда мы говорим о процессе изменений в России, то речь идет не только о России, а о том, что будет дальше при модернизации и постмодернизации. Каким путем пойдет дальше Россия, какой путь дальнейшего движения она выберет и это будет очень важно для Европы и не только для Европы, а так же для всей глобальной конфигурации системы, которая складывается во всем мире. Во время осуществления трансформации в Германии у нас возникли две проблемы, связанные с будущим развитием страны, но о них, наверное, я поговорю в течение следующей недели более подробно.

То, что я сейчас упомянул – первая проблема, о ней некоторые немецкие социологи говорили и до объединения – это кризис рабочего общества.

Вторая проблема – это будущее гражданского общества. Я убежден, что общество сейчас развивается и развивается в том направлении, что отходит от очень простых структур традиционалистских – атомизма, крайнего индивидуализма и развивается в сторону солидарного общества. Вы помните, что господин В. Ядов говорил о третьем секторе. Я тоже в заключение хочу не много коснуться этой проблемы. Конечно же, мы социологи, представители социальных наук не можем предвидеть будущее. Мы социологи, например, не смогли предвидеть объединение Германии, также мы не могли предвидеть процесс трансформации, который происходит сейчас в России. Потому что раньше постоянно задавался вопрос о том, что будет, если революция будет экспортирована в страны Западной Европы, но практически никогда не задавался вопрос о том, как западный капитализм может трансформировать восточноевропейские страны. Это было крайней точкой абстрактного рассмотрения проблемы. Я в общих чертах могу вам об этом рассказать, а если вы мне дадите еще 5 минут дополнительно.

Я хотел бы высказаться по вопросу третьего пути, о котором говорил мой коллега, профессор В. Ядов. Он говорил об А и Б-культурах, но я бы назвал их чуть по-другому. Есть культуры, для которых очень важным

является порядок – это культуры, которые американцы называют сильными культурами, для этих культур очень важно ощущение мощи, кроме того, что есть ощущение мощи, важность этого ощущения также в людях этих культур закреплено чувство и готовность солидарности. Есть и второе направление развития культур. Для этих культур, очень важным является порядок и единство – как бы само собой разумеющиеся. Для этих культур, пожалуй, важными являются такие ценности как свобода и идентичность (идентичность здесь нужно понимать как противопоставление понятию солидарности). Нужно, пожалуй, трактовать это так, что в современном развитии культур, те ценности, которые были важны до революции 1789 года – это свобода, равенство и братство, от этих ценностей не отказались, но в разных типах культур эти ценности вылились по-разному. И то, и другое направление может оказаться достаточно опасным, если оно будет развиваться однобоко. Направление культуры, для которого нужна свобода, для него, вообще, очень важным является понятие ценностей. В этом направлении существует определенная потребность самостоятельности. Эта потребность может оказаться очень опасной, то есть человек представитель этой культуры очень сильно сосредотачивается сам на себе, на своем «Я» и для него опасными становятся такие тенденции как крайний индивидуализм, крайний атомизм.

У меня в Германии очень часто возникало такое ощущение, что собственное «Я» ценится слишком высоко и немцы не всегда готовы к работе по изменению его. Но есть и положительные моменты – это определенные тенденции к солидарности, которые мы видим, например, во время борьбы с последствиями наводнения. Но и развитие только в сторону одного этого направления, для которого важными являются такие качества как порядок, единство, солидарность, большое значение понятия «Мы», и в поисках авторитета, авторитет нужно рассматривать как противопоставление автономии – это тоже очень опасно. Когда господин, профессор В. Ядов отмечал то, что отличает современное российское общество, то мы увидели, что существует как бы наследие авторитаризма и марксизма, которые были раньше в России: люди боятся проявления своего «Я», проявления самостоятельности, они не отваживаются на какие-то самостоятельные решения.

Среди историков до сих пор продолжается дискуссия о так называемом немецком пути. Как я понимаю, вот эта попытка найти немецкий путь, является на протяжении примерно последних 200 лет попыткой такого переплетения, взаимной трансформацией этих культурных направлений. Но попытка такого синтеза, как вы понимаете, не удалась. Как раз именно в Германии произошло то, что во времена фашистов, такие каче-

ства, как солидарность, стремление к «мы», они получили наибольшее развитие. То есть, попытка синтезировать эти два типа общества, два вида культур, на которые была поделена Германия, постоянно было сопряжено с определенным количеством затрат, что приводило к неудачам. И самым последним этапом этой катастрофы, после победы над фашизмом, это было разъединение Германии. В результате этого разъединения Германии возникло как бы две системы. Одна из систем – Западная Германия, в ней слились такие качества, как индивидуализм, это произошло из-за сильного влияния западной культуры, в частности, американской и англо-саксонской. Индивидуализация, конечно, имела очень много хороших черт, в частности, развитие демократии, но это привело к тому, что преобладающим стал индивидуализм. Что же касается Восточной Германии, то она как бы была оттеснена на восток. Во время существования Восточной Германии осуществлялся синтез того, что типично для немецкого общества и черт так называемого советского марксизма, где общество, для которого важна была солидарность, но в то же время это сочеталось с большой авторитарностью, развивалось своим собственным путем; и в конечном итоге, это привело к созданию новой социальной культуры, которая впоследствии имела острое противоречие с той культурой, которая развивалась в западной части Германии.

Мы видим, что тот кризис, который сопутствовал процессу модернизации, доказывает, что оба эти направления развития, которые были в Восточной и Западной Германии, уже достигли практически своей высшей точки. Что касается Восточной Германии, пожалуй, большим недостатком было то, что централистская культура, централистская система была очень сильной и не способной к дальнейшей трансформации. Существовавшая система и аппарат этой системы были не чувствительны к тем проблемам, которые возникали в обществе и к тем силам, которые влияли на него. Закрытие систем усложнило те проблемы, которые были в прошлом. Если, говоря о Восточной Германии, мы говорим о кризисе культуры, то, говоря о Западной Германии, мы, пожалуй, должны говорить о кризисе в сфере культуры. Это связано с тем, что общество Западной Германии пришло к тому состоянию, когда процесс индивидуализации привел к тому, что такие качества, как солидарность, способность к кооперации вытеснялись крайней атомизацией и индивидуализацией. Можно сказать, что та и другая система должны изучаться, но изучаться совместно.

Конечно же, объединение Германии – это управляемый процесс, трансформационный, но и большой эксперимент. Общество обучается отказываться от однотипности того и другого культурологического на-

правления. Учиться перестраиваться и овладевать новым методом саморефлексии. Наблюдения представителями социальных наук за этими попытками, оно ведется совершенно осознанно. Под диктатом представителей Западной Германии осуществлялись попытки собрать те ценности, которые были типичны для того и другого культурологического направления. То есть пытались прийти к такому обществу, где солидарность является продуктом отдельной субъективности. Те люди поняли, что их инициатива, их компетентность приводит их к физическому и общественному одиночеству. Я очень надеюсь, что шанс найти так называемый немецкий путь еще не полностью утрачен. Я также убежден, что если этот немецкий путь будет найден, то он будет не только немецкий путь, а путь в новую Европу вместе с Россией, Францией, Италией и, конечно же, Германией. То, что я сейчас рассказал, по всей видимости, это только тезисы, оглавление того, о чем я с вами буду говорить в течение следующей недели.

А пока большое спасибо за внимание.

Аплодисменты.

В.А. Блонин: Наш круглый стол продолжается, начинается обсуждение вопросов, которые нам только что поставили проф. В.А. Ядов и Э. Панкоке. Сергей Исаевич, Вы не желаете ли, что-нибудь сказать по этому поводу?.. Впрочем вижу, что профессор Хаберль хочет что-то добавить. Пожалуйста, Отмар.

Выступление О. Хаберля «Политические трансформации в Европе»

О. Хаберль: Я хочу сказать о трансформации, о которой сегодня дискутировали коллеги. Мы тоже сегодня являемся свидетелями трансформации, которую я называю культурно-политической трансформацией. Существует дискуссия, она происходит и сегодня, здесь, в Нижнем Новгороде, дискуссия между Западом и Востоком, так было и так наверное будет дальше.

Мы свидетели политической трансформации.

Западная Германия до сих пор (и в ближайшем будущем это сохранится) вкладывает в развитие Восточной Европы более 150 миллионов евро в год, чтобы помочь им осуществить переход от тоталитарных систем к демократическим. Это много...

Политические трансформации в Европе особенно отразились на трансформации, происходящей в международных отношениях между

Европой и Россией, Восточной Европой и Россией.

Во-первых, Россия всегда играла значительную роль в отношениях с Западом. Когда в декабре 1991 года Советский Союз распался, то место СССР в Совете Безопасности ООН перешло к России. Однако Россия никогда не была единственным представителем в ООН, Советский Союз представляли Россия плюс Украина и Белоруссия. Другие державы, которые тоже распались Чехословакия, Югославия, их членство в ООН пропало. Таким образом, Россия всегда играла особую роль, которую запад признавал.

Во-вторых, в отношениях между Восточной и Западной Европой есть те тенденции, которые не противоречат друг другу, но дополняют друг друга. Одна тенденция состоит в том, что Европейский Союз расширяется, то есть у отдельных стран Восточной Европы есть возможность стать полноправными членами в этом союзе, однако еще никто не знает, когда это произойдет точно. Однако уже есть план расширения Европейского Союза, он уже подписан с Польшей, Венгрией, Эстонией, Латвией, Литвой и еще с некоторыми странами. Однако для его ратификации необходимо согласие действующих членов Европейского Союза, а в некоторых из них для этого необходимо провести референдумы, например, во Франции, Италии и т.д. Европейцам известно, что средний уровень жизни после расширения Союза уменьшится, но они выступают за такое расширение, даже несмотря на то, что у них будет меньше денег, чем прежде, поскольку это отражает их настроение. Однако точно сказать, сколько новых членов будет в Европейском Союзе к 1 января 2003 года крайне сложно.

Вторая тенденция, для тех держав, которые не станут новыми членами Европейского Союза, но с ними будет очень тесное сотрудничество. Это относится также к России и державам, которые возникли на территории бывшего Советского Союза, а также страны Восточной Европы, особенно Юго-Восточной Европы: Болгарии, Македонии, Сербии, Хорватии, Албании и др. В дальнейшем расширении НАТО большую заинтересованность проявляют США.

Таким образом, ожидается очень тесное сотрудничество и с теми державами, которые вступят в Европейский Союз, а может быть и в НАТО, и с другими, я такое тесное сотрудничество приветствую.

Например, первым шагом, по-моему, стало предложение НАТО в начале 1990-х годов об основании, так называемого Североатлантического партнерства по миру, это было предложение, чтобы бывшие враги могли сотрудничать не только на политическом, но и на военном уровне. Это широкий шаг в сторону изменения внешнеполитических ориентиров,

направленный, в том числе, и на пользу России, и не только в сферах торгово-экономических и политических, но и в военной сфере. Такого сотрудничества еще никогда не было и было даже трудно себя это представить несколько лет назад...

Во-вторых, в мае 1997 г. в Париже подписан договор о взаимоотношениях НАТО и России. С 1997 года Россия влияет на все решения, которые принимаются в НАТО, повторяю, влияет, но не решает. Россия имеет своих представителей в штаб-квартире НАТО в Брюсселе, принимает участие в обсуждении многих проблем. Напомню к тому же, что и среди полноправных членов НАТО по решению ряда вопросов мнения часто не совпадают, например, по вопросу Косова или Ирака.

В-третьих, есть очень тесное сотрудничество между Россией и Европейским Союзом. Уже вступил в силу договор между Россией и Европейским Союзом об очень тесном сотрудничестве не в политических сферах, а в экономике, торговле, в области таможенных пошлин, которые стали значительно ниже. Действие договора вступило в силу с декабря 1997 г. Это значит, что западные товары для вас стали дешевле, а для нас дешевле стали российские товары. Этот договор действует и у него есть и политические составляющие.

Уже с начала прошлого века в Европе дискутировали по поводу основания международной торговой организации, по образу политической организации объединенных наций. Попытки такие были, например, сразу после Второй мировой войны, но они не осуществились. В 1960-ые годы стало ясно, что такая организация должна была иметь мировой характер. Но для коммунистических и социалистических стран и для Китая, и для СССР, и для Польши и др., фактически это было похоже на строительство экономической системы взаимопомощи – так называемый СЭВ. Это было более политизированное, чем экономическое объединение.

Вы знаете, что сейчас Россия входит полноправным членом в мировой торговый рынок, в Мировую торговую организацию, однако здесь тоже есть обязанности и определенные проблемы, хотя общий вектор носит характер улучшения экономического положения России.

Первый раз в истории Российской Федерации, во второй раз в истории СССР и России, потому что первый раз представители СССР в ООН голосовали за военную интервенцию, они поддержали интервенцию против Ирака ("Буря в пустыне").

Первый раз была очень широкая международная политическая акция, когда Россия помогала Америке в ее борьбе с международным арабским терроризмом, это очень помогло России в ее борьбе в Чечне. До 11 сен-

тября США и Западная Европа очень остро, не всегда лучшим образом, реагировали на российскую политику в Чечне. С 11 сентября такой критики вообще нет в официальных отношениях США и России и Западной Европы. Значит, проблема состоит в том, что настали очень эффективные изменения в отношениях между Россией и западными странами. Однако никто не знает, что будет в будущем. Хотя я указал на эти же изменения, которые действительно подтверждают новые качества в отношениях между государствами бывшего СССР, в том числе России, и западными странами, никто не знает, что будет в будущем в отношениях России и США. Мне кажется, что есть возможность улучшения этих отношений, не вследствие только изменения американского курса внешней политики, а вследствие очень широкого, глубокого международного антитеррористического сотрудничества.

Аплодисменты

В.А. Блонин: Будут вопросы к коллегам из Германии?

В.А. Ядов: Отношения по поводу Чечни резко ухудшилось снова, отношение США и Европейского Союза, они снова стали критичными. То есть ситуация, Вы сказали, после 11 сентября не было такой критичной по ситуации в Чечне, а сейчас снова возрастает эта критичность.

О. Хаберль: Это тоже последствия изменений внешнеполитического взаимодействия США и России.

В.А. Блонин: Есть еще вопросы?

А.А. Овсянников: Народ переваривает...

В.А. Блонин: Кто хотел бы еще выступить? В продолжение разговора, я предоставляю слово нашим гостям.

Комментарий проф. Овсянникова

А.А. Овсянников: Времени очень мало, поэтому я вам расскажу одну историю и без комментариев. Я перескажу, не называя фамилий, разговор, который состоялся у меня с одним очень крупным чиновником в администрации Президента.

– Да, уверенно он говорит, имея в виду постельцинскую Россию, мы пришли к власти.

Да, мы понимаем, что у нас есть проблемы и эти проблемы обусловлены тем, что мы сейчас не знаем, как говорить с нашим народишком.

Да, мы хотели бы найти формы выражения своих политик с тем, чтобы нас понимали, хотя бы. Но, впрочем, мы готовы делать то, что хотел бы видеть народ, глядя на нас.

Да, говорит он, мы заинтересованы в поиске некоего социального документа, манифеста.

Да, мы хотели бы создать, как образец, взяв три документа: первый документ – «Манифест коммунистической партии» К. Маркса, это блистательный социальный документ, который получил в Европе и в мире потрясающее понимание и огласку. Второй социальный документ, как образец, – это то, что Путин сказал в Астане, что мы будем мочить чеченцев в известных местах – эта фраза есть социальный документ, который просто всколыхнул всю страну. И третий социальный документ, как образец – это книга В. Жириновского «Распахни душу...». Люди понимают, доходчиво, а, впрочем, был еще один пример – фильм «Брат-2». Это что такое? Это русские вмазали американцам, это наши и т.д.

Если вы, социологи, установите, что «бей жидов» – мы официально заявим, что будем бить жидов. Если вы, социологи, ... и дальше идет набор, вот чего бы надо сказать народу. Мы провели исследование: большое неформализованное интервью. Я только кратко вам скажу, что же все-таки сейчас является продуктом или предметом обсуждения политических авторитетов. Еще одна очень важная фраза, сказанная мне чиновником – мы сейчас сконцентрировали гигантскую власть у себя в Кремле, мобилизованы гигантские административные ресурсы, какое там самоуправление, закручены гайки настолько, что и губернатор вякнуть боится против любого сколько-нибудь выразительного чиновника в Кремле. Но – власть-то большая, а модель сложившейся политической системы как гигантский мощный компьютер – без программного обеспечения, softa там нет, поэтому мы не знаем, что делать с этой властью.

Русские хороши только тогда, когда появляется что-то мобилизационное. Федор Михайлович Достоевский еще 140 лет назад, отвечая на вопрос: «Почему мы такая дрянь?», ответил – «Великого нет ничего».

Результат – сакрализация В. Путина – состоявшийся факт. Путин? Уберите руки от Путина. Путин – молодец! Это наш! Вокруг него – гадьё, чиновники, казнокрады, евреи, пофамильно перечисляется список тех, кого бы надо... И. Сталина – воскресить, а Чубайса – расстрелять. Отменить выборы. Демократия – это полнейшая дискредитация, потому что она показала то, что от нас ничего не зависит, во-первых, во-вторых, просто дурят и обманывают нас демократическими прибабамсами, пусть Путин назначает губернаторов, а губернаторы – своих начальников. Русских надо пороть... Мы без порки не можем жить...

И последний тезис, продолжая В.А. Ядова, циклизм и т.д. Мы – русские, очень доверчивы, поэтому нас все время дурят. И одна женщина, поясняя доверчивость русского народа, приводит пример: вот, народ,

например, я, учительница, где-то в какой-то деревне под Сыктывкарком... Сыктывкар – это Коми, я напоминаю себе и присутствующим здесь... Учительница приехала туда и рассказывает: «Вот, я приехала после окончания пединститута, лет 30 назад, в эту самую деревню под Сыктывкарком, и за мной стал ухаживать парень, тамошний тракторист... Однажды ночью он провожает меня домой, прижал меня к забору и говорит: «Танька, выходи за меня замуж!» Я испугалась, думала, что-нибудь сделает со мной, подумала и согласилась...

Благодарю вас, желаю здоровья.

Аплодисменты...

Выступление Е.Р. Ярской-Смирновой «Трансформация и культурный шок»

Е.Р. Ярская-Смирнова: Вы знаете, я просто хочу высказать несколько слов, которые всколыхнули во мне выступления других социологов, и возможно это связано с темой моих исследований. Поскольку многое из того, что здесь говорилось, проходит и у нас в Саратове. Прежде всего, мне кажется, важно помнить о том, что мы, социологи, не только отражаем, фиксируем то, что происходит вокруг, создаем какие-то классификации, типологии, стремясь разместить среди них вас, народ, Россию.

Мы на самом деле делаем эту реальность, делаем, когда выступаем, делаем, когда пишем статьи, делаем, когда не выступаем и не пишем статьи, хотя что-то нас в глубине волнует. Я приведу примеры не отечественных социологов, а зарубежных, но которые получают гранты, зарплату за то, что исследуют Россию, пишут о России. Вы знаете, на западе, существовало много таких традиционно известных, более известных и менее известных людей, которые называются советологами, а потом некоторые из них стали этнографами, которые изучают Россию не просто где-то за рубежом, а приезжая в Москву; например, и проводя беседы со знакомыми своих знакомых, иногда они случайно едут в поезде в Сибири и встречают «сибирскую бабушку», как они ее называют; иногда вдруг в орбиту их внимания попадает человек, которого их друзья называют «маркерным». Так и создаются новые стереотипы, вернее они создаются на уже удобренной почве, они создаются на тех основаниях, которые давно уже были известны про Россию, и просто вставляют новые акценты. Например, есть автор, который написал книжку «Рабская душа России», потому что по-английски раб будет «slave». И «slave» очень близко к слову «slav» – славянин, есть даже гипотеза, что

эти слова однокоренные. Подзаголовок этой книги называется «культурный мазохизм и культ страдания». Вот он на основе учения Фрейда создает теорию того, какова составляющая культуры России. Книга написана очень увлекательно, очень интересно, по-моему, она даже переведена на русский, я ее читала на английском. В этой книге очень много узнаваемого о нас, о том, что в какой-то тип, в какой-то «А» или в какой-то другой поместить, но вместе с тем, там есть такие примеры, которые читать забавно. Когда читаешь их, кажется, а может быть и вся эта теория ничего не стоит. Например, там говорится, что русские стали мазохистами, и они любят страдания, потому что в бане они привыкли друг друга бить вениками. И другие подобные примеры. Ребенка туго пеленают с детства, он привыкает к страданию, и, таким образом, развивается.

Есть еще книга Нельси Ризен, современного американского этнографа. Она долго прожила в Москве. Она проводила исследования, брала интервью у сотрудников музея русской этнографии. Ее книга называется «Русский разговор. Культура и повседневность». В этой книге тоже очень много схем. Например, начинается она с того, что когда я приехала в Россию, первой, кого я увидела, была «сибирская бабушка», и она каждый год ездит на могилу к матери, хотя дорога занимает двое суток. А, потом, когда она уезжала из России, то последняя встреча была с Иваном, который вырос в Сибири. Это та схема, в которую укладываются, это привычная схема, которую купят, ее будут читать. Если мы вспомним дальше, например, здесь вспоминали про кино «Брат-2» – это же местное производство; вспомним «Армагеддон», «Золотой глаз», вспомним другую массовую продукцию 1990-х годов. Там много клише – это генерал КГБ, продающий информацию, это предатель, русский Ваня в ушанке, которого забыли на станции «Мир», который был такой мастеровитый, но вообще-то пьяница – и вообще-то русские такие растяпы. Эти образы не просто стереотипы, они научно обоснованы теорией и типологией. Мне, как социологу, который занимается качественной социологией это интересно, поэтому я хочу опираться на факты. Владимир Александрович Ядов привел много примеров – это интересно, но я хочу их немного расширить.

Вот, например, как люди действительно справляются с этим культурным стрессом, с этой культурной травмой. Владимир Александрович назвал два пути: один – игнорировать, вообще не обращать внимание, жить как жили, «Особенности национальной охоты». Другой способ – жить новым и как-то адаптироваться. На самом деле, интереснейшим исследованием может быть, Елена [Омельченко] будет выступать, расскажет нам, как молодежь российская пытается жить западными ценностными

идеалами. И действительно, таких исследований может быть очень много в любой социальной группе. Я вспоминаю профессора Наталью Ильиничну Хазову, вот она на своих лекциях говорила: «Я своим студентам всегда говорю, когда они мне говорят: “Это совок, мы не хотим изучать биографии наших родителей”. А что вы знаете об это совке?» Вот это еще одна из стратегий, такого... знаете, есть такой фильм голландский «Оставить багаж», в нем как раз речь идет о культурном стрессе, речь идет о еврейском народе... Или фильм «Фанатик», может быть, вы его видели... Там то же самое... То есть вот эта стратегия как бы стигматизация прошлого и стереотипизация его, то, что было в совке – это было бы так, это был коллективизм, а сейчас у нас индивидуализм. И, понимаете ли, есть уже исследования, которые доказывают, что не было там никакого коллективизма. Вы живете в общежитии, вот у меня здесь есть с собой студентка, она живет в общежитии, и она мне рассказывает каково это – жизнь втроем в общежитии – каково это питаться в общак. Если кто-то из ваших родителей, дедушек жил в коммуналке – что это был за коллективизм, все прекрасно об этом знают. Понимаете, этот коллективизм под большим вопросом тоже. И поэтому вот эти стратегии забывания, вспоминания, воспроизводства, я бы не стала вот их так прямо таки ориентировать.

Конечно, это просто особый вид социологии – это называется нарратив – социология макроуровня, когда мы просто говорим, что вся Россия – это вот то-то, а, там, вся Германия – это то-то. Действительно, русские никогда не поймут немцев. Но, извините меня, сегодня новые поколения появляются, они вытесняют старые формы, старые ценности. Сейчас уже появляется монетарная мотивация. Это же элементарно, что там человека никогда не возьмут на работу или уволят на следующий день с новой фирмы, если он недоливает пепси-колу или разбавляет молоко.

Мы можем говорить о том, что многие социологические теории, которые сейчас систематизируют в России, – это теории уходящих поколений.

В.А. Ядов: Прошу прощения. Я считаю, Вы некорректно противопоставляете разные поколения социологов – это запрещенный прием...

Е.Р. Ярская-Смирнова: Хочу углубить тему в этом направлении, пафос в том состоит: все эти «А» и «Б», все эти типологии нужны, иначе нашу науку не назовут наукой. Но мы всегда, мне кажется, можем себе позволить увидеть в этих типологиях много разнообразия. И увидеть, например, в стратегиях новых социальных субъектов, опять же, профессор Ядов говорил, интересно сегодня социологам смотреть, а кто из социальных субъектов может оказаться на поверхности и сделать что-то. Я, например, изучаю инвалидов. Казалось бы, что можно ожидать от

людей, которых мы видим каждый день – сидят и попрошайничают на улицах. Но, наверное, многие из вас тоже знают, сами изучают, что среди них встречаются чрезвычайно активные, они многим из нас не уступят. Люди, которые были за рубежом, и здесь вот возглавляют организации бизнеса и общественные организации, помогают друг другу, они не ждут милости от природы, от государства.

И последняя мысль, чем мне еще неуютно в этих типологиях, когда говорят о культуре, культура «А», культура «Б», еще какие-то там названия, матрицы... Мне кажется, что здесь опять вот какой-то патрулизм, эта культура, она всегда была, есть и будет. Мое глубокое убеждение, что все эти типы поведенческих проявлений, типы мотиваций, во многом зависят от политики социальной, от политики заработных плат, от экономической политики, от политики занятости и т.д. Например, можно точно так же говорить не о культуре «А» и «Б», а о культуре мужчин и культуре женщин. Сказать, что женщина всегда пассивная, а мужчина всегда идет на работу. Извините меня, если у нас есть возможность для женщины, даже если она одна родила ребенка, у нее нет мужа, все-таки работать, все-таки автономно содержать свое домохозяйство, воспитывать своего ребенка, а не пытаться выйти замуж, чтобы выжить, чтобы ее ребенок выжил. Вот тогда мы тоже можем говорить о том, что женщина тоже будет активная.

Вот на такой патетической ноте я свое выступление хочу закончить. Спасибо.

Аплодисменты...

В.А. Блонин: Есть ли вопросы? Если нет, то переходим к следующему выступающему.

Выступление Е.Л. Омельченко «Молодежь в трансформирующемся обществе»

Е.Л. Омельченко: Я продолжу тему, которую начала Лена [Е.Р. Ярская-Смирнова] и немножко поверну к молодежи. Честно говоря, мне не то, чтобы не нравится, мне трудно и сложно в этих рамках, дихотомиях культурных, разделениях на строго очерченные пограничья, строго очерченные и выделенные черты, для того, чтобы по стране, культуре, такому образу мышления... И, конечно, я согласна с Леной, что ситуация с Россией и разными ее образами, ликами мне не по душе...

Что касается молодежи, то мне кажется, что молодежь, исследование молодежи, современные исследования молодежи позволяют получить

настолько разнообразны образы, ценности, что мыслить Россию в едином пространстве или в едином облике уже будет практически невозможно. В современном взгляде на молодежь, в академическом дискурсе, политическом дискурсе заметно меняется преобладавший ранее дискурс идеализации молодежи, а потом был дискурс догматизации молодежи, о котором я вот рассказывала в своем курсе.

Сейчас сохраняется в академической литературе все-таки довольно взвешенный подход. Потому что на самом деле, как идеализация ситуации, когда в молодежи видели исключительно строителей коммунизма, все какие-то позитивные вещи, которые происходят сегодня... носителем их была молодежь..., были всяческие преимущества, и Павлики Морозовы были героями страны – это крайности.

Или проблематизация молодежи, когда исключительно всю молодежь, на основании только одного признака – возраста, объединяют и называют девиантами, называют полностью деградировавшим поколением, поколением, которое ничего не способно сделать здорового и хорошего. Когда занимаются проблемами наркотизации, говорят не о наркотизации, а о наркомании, говорят не о наркотизирующей молодежи, а о наркоманах и т.д. Действительно говорят не о новых видах потребления, не о символическом потреблении, как реализации, как самоактуализации, а используют понятия потребительства и видят в этом еще одну угрозу, еще одну моральную панику. На самом деле, для меня самой большой проблемой является связь, вернее отсутствие всяческой связи, огромный разрыв между исследованием молодежи и так называемой молодежной социальной политикой в России.

На самом деле вот это спорадическое внимание к молодежным проблемам, опять-таки и к молодежи вообще, и к молодежи, как проблеме, проявляется в кризисной ситуации. После общения с беспризорным мальчиком, давайте все свое внимание бросим сюда или сюда, на беспризорников, и опять же это внимание носит лишь поверхностный, очень несерьезный характер, потому что нас, людей, которые исследуют подобную тему, очень мало. Честно говоря, каких-то рекомендаций, консультаций мы не даем и, я так понимаю, в них не нуждаются. Буквально недавно я вернулась с Московского семинара, где было заседание комитета «Социология молодежи» Европейской социологической ассоциации. И туда пригласили представителя департамента по работе с молодежью Министерства образования РФ. Само название говорит уже о тех подходах, которые используются. И вот он говорил фразами, полностью воспроизводящими советское время, о необходимости формировать трудовые отряды, социализировать молодежь. И новым любимым

детищем правительства, администрации Президента, является, на мой взгляд, достаточно опасное движение «Идущие вместе» – это пропутинская молодежная организация, которую непосредственно финансирует государственный бюджет. Например, одна из акций свелась к сжиганию книг писателей, с точки зрения этой группы портящих и нравственно разлагающих молодежь. Среди них были книги Бояна Ширянова, Соколова и Левина, например. Такие вот открытые акции протеста я не могу считать нормальными. Причем скорость, с которой в каждом городе разворачиваются выступления этой группы, говорит о том, что власти для подобной группы выделяют очень много денег, административный ресурс – огромный.

И если вернуться все-таки к позитиву, то на самом деле мы проводим много наших исследований. Они [молодежь] не представляют собой однородной группы ни с точки зрения социально-экономического статуса, ни духовных ценностей, ни с точки зрения взросления мальчиков и девочек, ни с точки зрения территориально-географического положения: провинциальная молодежь, молодежь крупных городов; ни с точки зрения каких-то политических пристрастий. Она очень разная – это является самым принципиальным.

С нашей точки зрения представляются совершенно неэффективными так называемые ковровые замеры, представляющие собой огромные поля, огромные выборки всероссийские, поскольку там все микшируется, сводится к некоей усредненной единице. Специфика, особенности исчезают. Поэтому мы ориентируемся на качественные исследования, локальные замеры, пытаемся говорить молодежным языком, не предлагать им наши взрослые контексты, взрослые интерпретации понятий, а пытаемся выявить собственные интерпретации тех понятий, о которых говорит молодежь. Если говорить о какой-нибудь классификации, то, в принципе, очень грубо можно говорить о пяти-семи основных группах, то есть, как Владимир Александрович рассказывал, я тоже работаю, к моему большому счастью, в этой новой работе по трансформации, с его помощью мы соорудили такую классификацию. Здесь одна группа активных реакций на происходящие трансформации и другие... Среди них есть два типа: одна на Запад ориентирована, естественно что «на Запад» понимается в кавычках, Запад воспринимается как условное, присущий Западу прагматизм, карьеризм, работа, которая является более значимой, чем семья. Вот такой прозападный тип продвинутой молодежи. И второй тип, пассивный, тоже продвинутый, но пассивный тип. Реакция на проявления трансформации сводится у него к «пофигизму», ожиданию, пассивному, без сопротивления, принятию нового, но, тем не менее, с вы-

ключением из нового.

Затем выделяем их по каким-то политическим основаниям: молодежные право-ориентированные группы, в том числе и профашистские организации. Самое интересное для нас было, когда ехали в поезде из Воркуты, что, например, в городе Воркуте – крайнем северном городе – достаточно развито движение скинхедов. Причем это не просто для красного словца: вот скинхеды, модно, у всех на устах. На самом деле мы с ними встречались, поговорили, у них серьезная активная организация, имеющая связи и контакты. То есть, правые действительно существуют: это и футбольные фаны, и скинхеды, это прошовинистские, профашистские группы. Но как-то все это осторожно, это маленькие города, всякий раз разговариваем и выясняется их истинная позиция... Есть левые группы. Ну, вот одна из левых это коммунистическая единая молодежная организация, коммунистическая партия и т. д. Есть центристы. Есть, конечно, криминально-настроенные, так или иначе уже практически сросшиеся с нелегальным транзитом. То есть их очень много. Ну, есть обычная, нормальная молодежь, которую ни в одну классификацию невозможно включить, но, тем не менее, отличающуюся.

И последний момент: отношение к Западу. Действительно, мы завершили исследование, у нас было большое исследование посвященное тому, как российская молодежь реагирует на Запад, как она воспринимает Запад, что она принимает, что отторгает, чему сопротивляется. И буквально несколько выводов.

Да, молодежь, опять-таки, по-разному реагирует на Запад, но принимает, безусловно, превосходство запада с точки зрения культурного производства, а именно: кинопродукции голливудской, музыки продвинутой – это Британия, каких-то культурных находок. Она достаточно отчетливо, а в некоторых группах очень отчетливо отторгает то, что называют западный образ жизни, западной культурой, увы, не понимая западного образования. Самым негативным образом среди этих западных образов оказалась Америка, а самым позитивным образом среди западных образов оказались Великобритания и Германия. И именно в образе Америки ведущую роль, негативную роль, играет стремление, претензии Америки на мировое господство, пренебрежение культурным своеобразием других стран, и, прежде всего, России. Отсутствие интересов со стороны Америки (таково восприятие молодежи) ко всему происходящему за ее границами, и низкий уровень образования в качестве подготовки и т. д. При этом наиболее критичным по отношению к Западу оказались люди, имеющие какой-то собственный опыт. Чем теснее и ближе молодежь контактирует с западом, например, учились с детьми, которые

вернулись. Рассказывали, что живя в Москве, они постоянно контактируют и общаются с представителями запада, тем более критично они оценивают, чем более они далеки и чем более информация о Западе опосредована всякими видео носителями, по слухам, тем более критично они относятся к Западу. Иначе говоря, принимая и всячески впитывая, часто копируя образцы западной культуры, молодежь, тем не менее, критически, а подчас и негативно относится к образам стран запада. Поэтому говорить вообще об отношении к Западу нельзя. Надо объяснять о каком отношении говорим мы, и о какой группе молодежи мы говорим в том или ином смысле. У меня все.

Аплодисменты

В.А. Блонин: Есть ли вопросы?

А.В. Сорокина: Меня интересует, как человека, который имеет отношение к прикладным исследованиям, вот такой вопрос. Я понимаю, что качественная методология не предполагает количественных показателей, естественно, но, тем не менее. Вы говорили об активно включенных, которые как-то преобразуют действительность и пассивную включенность, которая предполагает некоторое «пофигистичное» отношение к инновациям. А есть ли у Вас данные о том, какая приблизительно часть молодежи российской оказывается вообще выключенной из социального контекста и ничем не интересуется, кроме своей повседневной жизни. Мне, кажется, что, в принципе, таких людей достаточно много и активную-то позицию надо еще поискать. Я не уверена в своей позиции, у меня никаких количественных подтверждений нет, есть ли они у Вас?

Е.Л. Омельченко: Ну прежде, чем ответить, хочу рассказать, что понимаем под социальной позицией. Очень часто мы под ней понимаем политическую позицию.

А.В. Сорокина: Не обязательно... Гражданскую, политическую, хотя бы ту самую активность, которая влияет на преобразование нашей собственной жизни. Экстернальность, интернальность... ответственность за то, что происходит с тобой, с твоим ближним кругом, хотя бы так...

Е.Л. Омельченко: Вы понимаете, наверно, я на Ваш вопрос не отвечаю... У нас было исследование по молодым специалистам, здесь мы изучали... и знаем определенные стратегии жизненные. Если говорить о молодых специалистах, то, действительно, очень ярко проявились две ориентации: когнитивное восприятие, активное преобразование, активная реализация потенциала, имеющегося. И пассивная, ожидание, не то, что бы привилегий, в принципе, как по сравнению с взрослыми, но, тем не менее, сидеть, выжидать...

С.И. Голод: Назовите хотя бы их соотношение?

Е.Л. Омельченко: Активных среди них процентов 15...

А.В. Сорокина: А безразличных?

Е.Л. Омельченко: А безразличных вообще нет.

Е.Р. Ярская-Смирнова: Это неправильно, что значит безразличных?

Е.Л. Омельченко: Вы понимаете... У человека может быть просто ориентация на семью, на воспитание детей, на скорейшее замужество... В нашей выборке были ребята, которые содержали семьи, поэтому они как бы карьеру себе не делали, не держались за место свое, могли себе позволить переехать в другой город, мобильные...

А.В. Сорокина: То есть молодежь без каких бы то ни было внятных приоритетов в жизни вообще?

Е.Л. Омельченко: Нет, конечно, все формулируют свои цели...

А.В. Сорокина: Спасибо.

В.А. Блонин: Время нашего круглого стола истекает. Слово **З.Х. Саралиевой.**

З.Х. Саралиева: Мне хочется сказать о нашей профессии. Есть еще одна опасность – еще один риск в нашей профессии – это поверхностное отношение к этой профессии нас самих, людей, которые занимаются социологией. И я позволю себе тоже одну притчу.

В одной семье крупнейшим специалистом по хоккею считалась бабушка. Она смотрела все матчи, она знала кто, в каком составе, где играл, с каким счетом завершилась игра на выезде и у себя. Она была в курсе личных дел семей почти всех хоккеистов нашей страны. И однажды, когда шла трансляция матча, из комнаты бабушки раздался дикий вопль: «Батюшки, да они, оказывается, на коньках!»

Дай бог, вам никогда не заорать таким благим матом, как эта бабушка.

Я вас целую. И как всегда вам желаю – не будьте дураками...

С.И. Голод
ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Сегодня и завтра я буду читать разные лекции о перспективах семьи сейчас, «Нелегитимные сексуальные стандарты» будет называться вторая лекция, а завтра – «Сравнительные социокультурные любовные отношения».

Лекция 1. Моногамная семья: кризис или трансформации?

Итак, сегодня «Трансформации и перспективы современной российской семьи». Сегодня я хочу вам изложить две лекции, связанные с трансформацией семьи. Первая лекция будет называться «Моногамная семья: кризис или трансформации?».

Не только в отечественной литературе, но и в зарубежной, широко распространены две оценки современного состояния семьи: одна – кризисная, а другая – трансформационная. Сторонники первой, то есть кризисной, доказывают свою правоту, ссылаясь на показатели роста числа разводов; раздельное проживание супругов; снижение уровня рождаемости, вплоть до депопуляции; увеличение, так называемых, материнских семей, то есть таких семей, где есть мать и ее ребенок; неполных семей, то есть таких семей, где есть ребенок и один из родителей, неполные, с точки зрения, определения семьи как социального института. Поэтому сторонники кризисной оценки убеждены и активно пытаются внедрять свою версию о кризисном состоянии семьи.

Один из сторонников этой точки зрения, профессор МГУ, Анатолий Иванович Антонов. Он является заведующим единственной в стране кафедры социологии семьи и рождаемости. Он считается большим специалистом по семье. В частности, он пишет в своей книге, которая называется «Микросоциология семьи», и издана два года назад, что происшедшее на наших глазах «вымывание» матери из семейно-домашнего производства в рыночную систему с индивидуальной оплатой труда, заложило основы конкуренции жен и мужей, создало базу для разводов, для распространения после- и внебрачных матерей-одиночек.

В этом тезисе очень много противоречий. Во-первых, «вымывание» матерей из семей произошло вовсе не в наше время, а в конце XIX века. В XIX веке, как известно, женщины стали профессионально трудиться. Поэтому вовлеченность женщины в профессиональную работу происхо-

дит во всех западных странах и в России в конце XIX века. Женщины, которые были вовлечены в профессиональную работу, их социальное состояние заключается в том, что женщины всегда работали, не только в семье, но и вне семьи, но до конца XIX века они получали вознаграждение за свой труд не индивидуально, а все деньги отдавали главе семьи. С конца XIX века за индивидуальный внесемейный труд женщины стали получать индивидуальную зарплату. Поэтому то, что происходит сейчас – «вымывание» женщин из семейного, домашнего производства – на самом деле, вовлечение женщины в рыночную экономику конца XIX века. Вообще не этот труд, а индивидуальная оплата труда, создала базу для разводов и для распространения, как он [Антонов А.И.] говорит, внебрачных материнских семей. Дело в том, что все эти процессы также проходили давно. Поэтому справедливость этого высказывания или обозначение этих тенденций, которые могут быть доказаны цифровым материалом, конечно, не должно вызывать никакого сомнения.

На самом деле, все эти процессы, которые были перечислены: и увеличение разводов, и уменьшение количества детей, и т.д., действительно происходят. Я приведу несколько цифр, чтобы подтвердить, что такой процесс происходит. Один из самых знаменитых американских исследователей семьи, профессор Колумбийского университета У. Гуд написал в начале 1960-х годов книгу «Кризис семьи и кризис индустриального общества». Он приводит там целый ряд цифр, которые доказывают, что происходит снижение рождаемости. Например, в этой книге такие данные: во Франции на тысячу населения (промилле) в 1881 году было рождено 24 ребенка, а в 1959 году – только 18 детей – значит действительно во Франции такой процесс проявился. В Германии в конце XIX века, в 1890 году было 35 рожденных на 1000, а в 1960 – только 17. В Италии в конце XIX века – 38, в середине XX века – 17. Эти цифры он приводит и по Финляндии, Испании и т.д., они подтверждают, что действительно происходит процесс снижения рождаемости, но он начинается не сегодня, а с конца XIX века непрерывно снижается количество детей приходящиеся на 1000 населения или на 1 брачную пару.

Снижение продолжается и в XX веке, например, в России в 1980 году на 1 женщину приходилось 1,9 ребенка, столько же было и в 1990 году, т.е. меньше, чем простое воспроизводство. Вы знаете, чтобы просто происходила замена старых поколений детьми, нужно в среднем 2,1 ребенка на 1 женщину. 0,1 потому что некоторые вообще никогда не рожают, некоторые рожают меньше, например 1 и т.д. В 1995 году было 1,3 ребенка, и в 1999 году 1,1. Действительно, данные по России показывают, что такой процесс происходит.

То же самое можно показать и по поводу того, как происходят другие [демографические] процессы, например, повышение разводимости. Количество разводов все время увеличивается с конца XIX века и особенно в XX веке. Эти количественные ряды, которые действительно показывают, что снижается количество рождений и увеличивается количество разводов, внебрачных и добрачных сексуальных отношений и т.д., это все можно показать на любом статистическом ряду. Такой количественный ряд только фиксирует данность и ничего не объясняет. Да, действительно такие процессы происходят, но нужно их не только показать, но и попытаться объяснить, почему происходят такие глубинные изменения.

Последователи второй точки зрения, т.е. те, которые указывают на процессы, но определяют их как не кризисные, а трансформационные, я могу и себя причислить к ним, не отрицают всех этих процессов, но приходят к иному выводу – семья преобразуется радикально под влиянием глобальной модернизации общества. То есть происходит процесс интенсивной миграции населения, перемещении его из сельской местности в города, урбанизация, происходит повышение образования и т.д., все это способствует преобразованию семьи. В частности, происходит качественное изменение семейных отношений, которое выражается в следующем: происходит процесс автономизации брачности, сексуальности, прокреации.

Почему именно это приводит к трансформации семьи? Дело в том, что эти процессы, которые были вскрыты в середине XX века, могут быть интерпретированы как не отклонения от нормы, а должны скорее рассматриваться, как признаки существенных и необратимых изменений, происходящих с моногамной семьей, именно с моногамной семьей. Моногамия – это такие отношения семейные, которые опираются на единобрачие и теоретически считается, что женщины и мужчины вступают в брак один раз и на всю жизнь. Это теоретически понимается как моногамия. Другое дело сегодня семья тоже себя называет моногамной, хотя она не такая, вот она и трансформируется. Сдвиги в семье произошли следующие: [современная семья] характеризуется снижением рождаемости, малодетностью, сознательной бездетностью, массовым распространением добрачных сексуальных практик, которые, это самое важное, по своим мотивам непосредственно не связаны ни с брачным, ни с *прокреативным* поведением. Другими словами, это отношения не центрированы на матримониальное поведение. Одно из следствий того, что сексуальные поведения стали не связаны с прокреативным поведением, было зафиксировано, в связи с тем, что нет у молодых людей и не было к середине века твердых навыков по регуляции сексуального поведения,

другими словами, отсутствовали знания о контрацептивах. Поскольку отсутствовали знания о контрацептивах, то некоторые из этих отношений молодых людей либо заканчивались вступлением в брак, и тогда все было в порядке, в другом случае возрастало количество материнских семей. Об этом мы еще поговорим. Для того чтобы показать, что действительно навыки современных методов контрацепции у нас развиты очень плохо, я приведу табличку по методам контрацепции: какими методами пользуются в трех странах: в России, Нидерландах и США. Все эти методы делятся на две простые части: современные методы и традиционные. Россия – 1999 год, Нидерланды – 1993 год, США – 1995 год. Вы наверняка знаете, что Нидерланды в этом смысле самая раскованная страна, где уже давно легально есть добрачные связи, на них уже никто не обращает внимание, есть наркотики легальные и т.д.

	Россия, 1999	Нидерланды, 1993	США, 1995
Современные методы, в том числе:	53	79	76
Женская стерилизация	2	5	24
Мужская стерилизация	–	11	13
Оральная контрацепция	7	49	15
Внутриматочные спирали	25	4	0,7
Презервативы	15	8	13
Традиционные методы, в том числе:	19	2	5
Периодическое воздержание	12	–	2
Прерванное сношение	7	–	2
Не используют никаких методов	27	21	23

Я привел эти данные для того, чтобы показать, что действительно в России сексуальная неграмотность на высоком уровне, и как следствие появляется очень много материнских семей. Отмеченные факты и некоторые эмпирические закономерности нуждаются в теоретическом осмыслении, иначе это просто статистика, ничего не дающая.

Первое, что надо понять, в традиционной семье было основное нормативное требование – это требование сводилось к тому, что в традиционной или патриархальной семье была слитность, строго заданная последовательность брачности, сексуальности, прокреации. Сначала надо было вступить в брак, только после этого можно было вступить в сексу-

альные отношения и после этого появлялся ребенок, но не наоборот. Эти три вида поведения были слитны и следовали одно за другим, поэтому сексуальные отношения до брака, рождение ребенка вне брака и, более того, самоцельность сексуальных отношений между мужем и женой считались церковью, общиной и более широким социальным окружением нарушением социокультурной нормы. К нарушителям этих традиций и обычаев применялись различные по жесткости санкции. Муж и жена должны были вступать в сексуальные отношения только для того, чтобы появился ребенок.

Одна из известных наших исследовательниц – этнограф, социальный антрополог – сравнила семью и сексуальную этику двух конфессий: православия и католицизма. Она показала, что католицизм более жестко контролировал сексуальное и брачное поведение, чем православие, но и православная религия тоже жестко контролировала эти явления. Санкции применялись разной степени, но обязательно либо то или иное: количество поклонов делали, так или иначе заставляли их не вступать в сексуальные отношения. Были разные принципы, но обязательно это поведение контролировалось. Можно предположить, что эта нормативность – брачности, сексуальности, прокреации – в европейской культуре так или иначе исторически разрушалась. Это можно показать, на примере проституции.

Проституция – это одно из явлений, которые позволяют вступать мужчинам в несанкционированные сексуальные отношения. Когда говорят о проституции, то очень часто говорят о том, что это одна из древнейших профессий. На самом деле это не так, это выдумка. Дело в том, что проституция появилась сравнительно недавно. Это явление древнегреческое, впервые институционализировалось в VI веке до нашей эры. Сделал это Солон. До Солона никаких докторионов, т.е. публичных домов, не существовало. Дело в том, что Солон был сторонником патриархальной семьи, целостность патриархальной семьи можно было контролировать только так, чтобы женщины никак не нарушали сексуальное поведение, они жили в докторионах, а для неженатых мужчин нужно было придумать отдушину. В Афинах, в полисе, в VI веке было так, что приезжали в этот полис молодые мужчины, мигранты, (была волна миграции), которые не имели экономической возможности вступать в брак в Афинах, поэтому они стали засматриваться на замужних женщин. Для того чтобы прекратить этот процесс, Солон специально набрал женщин вне Афин, привез их в Афины и создал специальные докторионы, в которые могли ходить все мужчины, в том числе и женатые. Докторионы были экстерриториальными, т.е. туда мог прийти любой мужчина, его

нельзя было ни за что арестовать, он имел право пользоваться этими женщинами.

Кроме того, в тех же Афинах, был распространен институт гетеризма. Гетеры – это не проститутки, это иностранки, которые не имели право вступать в брачные отношения, но имели право вступать в сексуальные отношения. Это были женщины очень высокого уровня, недаром мы до сих пор знаем их поименно, а 2500 лет это не такой уж маленький срок: Аспазия, Хриза – эти гетеры не имели права выходить замуж, но были содержанками у людей с высоким социальным статусом в Афинах.

Существовал еще институт, который назывался конкубинат. Это чисто римское явление. Конк – режим, бинат – совместный. Это были конкубины, они тоже не были замужними, но они были конкубины, которые так или иначе вступали во внебрачные отношения с женщиной. Этих примеров достаточно, чтобы показать, что, несмотря на все жесткие санкции, которые были введены религией и патриархальной семьей, для того чтобы брачность, сексуальность, прокреация все-таки контролировались, тем не менее, конечно, были возможности выйти из этого круга контроля. Поэтому жесткость этих санкций поддерживало в обыденном сознании и в массовом сознании представление о браке и брачной рождаемости как о социокультурной норме. Скажем, в России вплоть до конца XIX века брачность была почти всеобщей. В возрасте 45–49 лет, т.е. конец репродуктивного возраста, лишь 4% мужчин и 5% женщин никогда не состояли в браке, т.е. 95% всех мужчин и женщин состояли в браке. Это была социальная норма.

По исследованиям современных демографов (Михеева А.Р.), в сельской местности в Сибири до сих пор почти всеобщее брачное состояние, почти все мужчины и женщины состоят в этих отношениях. Исходя из этого, раз это норма, то мужчины или женщины, которые не состояли в браке или состоят в браке, не имея детей, ощущали себя изгоями. В сельской местности в России, если молодой человек не состоял в браке в 20 лет, он назывался парнем. Человек, которому 20 лет считается парнем, человеком, который еще не вырос, еще ребенок, потому что он не состоит в браке.

Мы можем сказать, что брак в то время обладал монополией на рождаемость и на сексуальность. Именно от этого исходят какие-то непонятные названия. Что такое добрачная сексуальность и что такое внебрачная сексуальность? Какое имеет отношение сексуальность к браку? Брак это социальный институт, который имел монополию на регуляцию сексуальности (потому она добрачная, брачная, внебрачная) и на рождение детей (потому есть дети, рожденные в браке, и есть дети, рож-

денные вне брака). Хотя, казалось бы, раз ребенок рожден, то у него есть отец и мать. Необязательно они состоят в браке, но, тем не менее, у него есть отец и мать, поэтому казалось бы «внебрачное рождение или брачное» не имеет никакого значения. И вот на самом деле в те годы, вплоть до середины XX века, брак имел монополию на рождаемость и сексуальность.

В новое время, сперва постепенно, затем интенсивно переосмыслиется значимость сексуальности. Во-первых, становится тривиальным понимание несводимости супружеской сексуальности к деторождению. Это понимается только в XX веке. Выдающийся современный английский социолог Э. Гидденс писал по этому поводу следующее: теперь, когда зачатие можно не только контролировать, но и осуществлять искусственно, сексуальность наконец-то стала полноценной, автономной. Освобожденная сексуальность может стать свойством индивида или, как говорят, сексуального актора. К такому же выводу приходят и демографы. При изучении демографами современного прокреативного поведения, они столкнулись с интересным явлением: сегодня европейская женщина могла бы в среднем родить 10–12 детей, потому что репродуктивный период увеличился до 35 лет, за этот период она могла бы родить 10–12 детей. Это подсчитано на людях, которые имеют самую высокую степень рождаемости. На самом деле сегодня в среднем на европейскую женщину приходится 1–2 рождения. Вместо 10–12 – 1–2. В чем здесь дело? Демографы очень правильно объясняют, что произошли перемены в структуре демографического поведения.

Сегодня массовое репродуктивное поведение обособилось от полового и брачного и стало автономным. Это еще одна автономность. Сегодня само репродуктивное поведение обособилось от полового и брачного и стало автономным, благодаря тому, что можно регулировать зачатие. Во-вторых, сексуальность раздвигает границы и выходит за пределы самого брака. Она приобретает сегодня как для мужчин, так и для женщин равное значение. Другими словами с середины прошлого века происходит процесс отмирания двойной морали, двойного стандарта. Традиционно был двойной стандарт: один стандарт для мужчин, другой стандарт для женщин. Для мужчин он был либеральным и очень жестким для женщин. Кроме того, сегодня происходит активная переориентация на возможность других отношений вне института брака. То, что сегодня меняется сексуальность вне брака, об этом я буду говорить позже. Сегодня как для мужчин, так и для женщин внебрачная сексуальность становится достаточно распространенной.

Не менее существенные сдвиги характеризуют процесс рождаемости.

В частности, за последние десятилетия, после 80-х годов, выборочные данные по разным регионам бывшего СССР фиксируют довольно стабильный рост добрачных зачатий. Больше того, стала реальностью внебрачная рождаемость. Внебрачную рождаемость характеризуют такие цифры: в 1980 года (точка, откуда берет рост внебрачная рождаемость) – 10% внебрачных детей от общего числа рождений; через 10 лет, в 1990 году – 14,6%, в 1992 году – 17%, в 1999 – 28%; т. е. каждый третий ребенок с 1999 года рождается вне брака, причем этот процесс происходит как в городе, так и в деревне.

Это не чисто российский процесс, такое происходит почти во всех индустриальных странах, кроме Японии. В Японии даже нет такого понятия «внебрачное рождение». Там культура такая, что не указывают на то, что ребенок родился вне брака. У нас в стране этот процент все время увеличивается, есть некоторая стабилизация, но происходит рост внебрачного рождения, которое регистрируется по желанию отца и матери. Отец и мать не состоят в браке, но регистрируют своего ребенка как брачного. Такой процесс имеет тенденцию к увеличению. Этот процесс разными темпами происходит по всей Европе. Самый большой процент внебрачного рождения в Северной Европе: Швеции, Норвегии. Средний – Западная Германия и Бельгия, где он примерно на уровне 20%. В некоторых странах Северной Европы до 50% всех рожденных являются внебрачными. Этот процесс показывает, что понемножку изменяется и внебрачная рождаемость. Когда стали наблюдать, женщины каких возрастов больше всего рожают внебрачных детей, оказалось, что есть два возраста женщины, которые рожают чаще всего внебрачных детей: это женщины 15–19 лет и женщины старше 44. Когда эти две группы обнаружили, то казалось, что это все легко объяснить. Почему рожают детей женщины от 15–19 лет? Скорее всего, по неграмотности чисто физиологически. Девушки 15–16 лет вступают в сексуальные отношения, но не умеют регулировать отношения, поэтому дети появляются «случайно». Даже если часть из них потом вступают в брак, то этот брак непрочный. Рождение внебрачных детей женщинами после 44 объяснялось тоже очень просто: не дождалась она рыцаря и решила родить ребенка без рыцаря. Тоже красивая версия. Труднее стало объяснить, когда женщины стали рожать более интенсивно в 25–27 лет. Не скажешь, что они неграмотные, с другой стороны не скажешь, что они не дождалась своего рыцаря. Поэтому это непонятно: и демографы, и социологи ответа дать не могут. И, тем не менее, этот процесс активно происходит.

Далее еще одна проблема, которая стала неожиданностью для социологов. Определенное количество людей, независимо от пола вообще не

воспринимают деторождение как необходимый атрибут брака. Они стали говорить о том, что лучше, когда в браке нет детей. Тогда непонятно что такое брак. Брак, по определению – институт деторождения. Если бы нужно было определить что такое институт брака, я бы сказал что брак – это социальный контроль разными методами, разными механизмами через табу, обычаи, традиции, религии, мораль и т.д., это механизм социальной регуляции сексуальных отношений между мужчиной и женщиной с целью воспроизводства потомства. Это и есть брак. Если взять такое понятие брака, то понятно, что подобных гомогенных браков не бывает. Не может быть брак между мужчиной и мужчиной или между женщиной и женщиной. Это гомосексуальные отношения, это кооперация. Понятно, что ни один юридический институт не может утвердить это как брак, хотя во многих странах есть такие юридические постановления (в Германии, в Финляндии, в Голландии, особенно), что отношения между мужчиной и женщиной, женщиной и женщиной можно называть браком, они стали их узаконивать как брачные отношения. Но даже английский Парламент, который может все что угодно, не может заставить мужчину рожать детей. Поэтому это не брачные отношения, это кооперация. Действительно, во всех странах кроме Голландии до сих пор запрещено в гомогенных отношениях иметь ребенка, дети не признаются в таких семьях. Голландия признает детей в гомогенных браках. Лесбиянки могут завести себе ребенка и гомосексуалы тоже могут завести себе ребенка.

Демографы стали обнаруживать еще в 60-е годы, впервые это было открыто в Латвии, что многие женщины, до 5-6 %, считали, что не нужно иметь ребенка в браке, что даже в браке без ребенка лучше, чем с ребенком. Впоследствии такое стали показывать исследования и в других республиках, в том числе и в России. По выборочным опросам Госкомстата, около 2% молодых супругов не желают иметь детей. Все приведенные данные, о которых я только что рассказывал, высветили фундаментальный процесс, суть которого автономизация матримониального, сексуального и прокреационного поведения. Сейчас я попытаюсь нарисовать эту картину (рис. 1). Как же соотносятся между собой эти три вида поведения: матримониальное, т.е. брачное, сексуальное и прокреационное в традиционной культуре и в современной культуре?

Таким образом, мы видим, что совпадающие области трех видов поведения в традиционном были максимальные, а в современном – минимальные. Это значит, что сегодня можно вступить в брак и не рожать детей, можно вступить в сексуальные отношения никакого отношения не имеющие к браку, можно рожать, независимо в браке или нет. Поэтому область

совпадения минимальная, когда все эти три поведения совпадают, когда вступают в брак, потом сексуальные отношения, потом рожают детей. Кажется бы традиционный – нормальный путь. Сегодня можно вступать в сексуальные отношения, не думать ни о каком браке, нелегитимных отношений достаточно. Сегодня можно вступать в брак и не рожать детей, потому что, как говорят сами брачующиеся, без детей еще лучше. Сегодня можно рожать, не вступая ни в какой брак, потому что можно родить и зарегистрировать своего ребенка. Поэтому, как правильно говорят, сегодня все равно в браке состоять или в сожительстве. Нет никакой разницы между браком и сожительством.

Рис. 1. Виды брачно-сексуального поведения

С точки зрения методологии исследования, исходя из этого, сегодня нужно анализировать эти три вида поведения отдельно. Отдельно рождаемость, отдельно сексуальность, отдельно брачность. С другой стороны, самые большие достижения в науке происходят на стыке научных исследований: между демографией и социологией, между демографией и антропологией. Новые закономерности открываются только на этом стыке.

Второе, что из этой автономии следует, это то, что социологический анализ вскрыл кризис традиционной нравственности. То что раньше представлялось вечным, неизменным, а именно монополия брака на регуляцию репродуктивного и матримониального поведения, репродуктивного поведения и сексуальности, сегодня утрачивает свою абсолютную монополию. Контроль стал очень гибким, ибо он стал учитывать не только нужду общества, но и социального актора, т.е. индивида.

Когда говорят исследователи, типа Антонова, что рождаемость обязательно нужна. Кому она нужна? Почему нужно много детей? Много детей нужно государству, потому что нужны войны, нужно воспроизводство поколений и т.д. Сегодня понятно, что исходя из изменений, которые произошли, определяют нужду не общество, а сами брачующиеся, сами личности. Как говорил об этом Сенека во II веке: то, что было пороками, то стало нравами. Поэтому у нас в институте есть сектор, который называется «Девияция социального контроля». Девиантики говорят

о том, что они теперь стали нормой. «Нормальным» стали сегодня коррупция, организованная преступность, наркомания. Это были пороки, а теперь они стали нравами. Это конечно большая фантазия, но, тем не менее, действительно происходят изменения. Если вывести из определения Сенеки, из его максимы. Явная максима, которая говорит о следующем:

- действительно сегодня предпочтительно вступать в брак, но не обязательно;
- сегодня желательно иметь детей, но бездетность сегодня не является аномалией. Сегодня бездетные люди такие же нормальные, как и имеющие детей;
- сегодня, в отличие от недавнего времени, не воспринимаются маргиналами дети, рожденные вне брака.

Традиционно, дети, рожденные вне брака, были маргиналами. В царской России, когда у дворян рождались дети не от прямого брака, то они носили кусочек этого родителя. Выдающийся российский просветитель Бецкой, который изображен Екатериной II на памятнике просветителям. Он внебрачный ребенок Трубецкого. Отец дает конец своей фамилии внебрачным детям. Сегодня любой внебрачный ребенок имеет фамилию своего родителя, если он зарегистрирован с обоюдного согласия матери и отца. Можно сказать, что современная нормативность, оставаясь общественным регулятором приватной сферы жизни человека, в большей мере учитывает, чем в прошлом личностное своеобразие человека. В то же время, не должно иметь иллюзий, считать, что общество утратило всякую форму контроля в матримониальной сфере. Об этом очень хорошо сказал, показал один из самых выдающихся современных американских социологов, профессор Бостонского университета Питер Берн. Это один из основателей конструктивизма в социологии. Он писал, что прежде чем вступить в брак, юношам и девушкам предстоит заранее пройти предусмотренные этапы от субботних походов в кино до воскресных посещений церкви и традиционных семейных обедов; от прогулок, взявшись за руки, до робких попыток сделать то, что вначале было решено оставить на потом. Ни один из них не выдумал ни игру в целом, ни ее части, они только решили играть ее вместе, а не с другим возможным партнером. Нет у них большего выбора в том, что последует за ритуальным обменом вопросами-ответами. Их желания совпадают с ожиданием общества. Другими словами, когда молодые люди ухаживают друг за другом, им кажется, что в процессе ухаживания они свободны в своем выборе. Выбор здесь не очень большой, они все равно подчиняются традициям и ритуалам общества. Они не выбирают свое поведение, а выби-

рают одну из персон. Они играют в игру с каким-то «иксом». Традиционные желание и требование общества они выдерживают. Есть иллюзия, что человек становится все более и более свободным от общества. Это действительно происходит, но это не абсолютная свобода, а некоторая автономия от социального института, в частности от брака. Поэтому как бы не казалось, что каждый может себя вести так, как хочет, на самом деле он подчиняется тем или иным требованиям общества. Поэтому еще раз подчеркиваю, что человек становится свободнее в своем выражении, мы видим большие изменения, но все-таки не буквально свободен в этом смысле.

Еще раз подчеркиваю, как бы не было печально для тех, кто считал, что происходит кризис семьи, на самом деле происходит трансформация. Она изменяется, и самое главное, развивается многообразие семейных типов. Если раньше был один семейный тип, который был почти во всем мире в разных ипостасях – это патриархальная семья. Если вы сравните семьи разных народов, кавказскую и японскую, например, то увидите одни и те же принципы. Принцип патриархальной семьи очень известен, он заключается в двух видов зависимости: женщины от мужчины и детей от родителей. В семьях этих стран это наблюдается. Всегда есть зависимость женщины от мужчины, поэтому она и называется патриархальной, и полная зависимость детей от родителей. В отличие от этого, сегодня есть разные типы семьи.

Макс Вебер выдвинул идею о так называемых идеальных типах. Говоря о том, что существуют идеальные типы, в разных социальных институтах, смысл заключается в том, что тип семьи реально не существует, но он отражает как тип существующее поведение. Есть семейные типы, которые реально не существуют, но они отражают какие-то модели реально существующих типов семей.

Есть очень простое определение семьи, каждому понятно если дать короткое определение, которое принадлежит неспециалисту по семье, но большому российско-американскому социологу Питириму Сорокину. Примерно в 1914 году он написал очень известную статью «Кризис современной семьи». В ней он дает верное определение: семья – исторический вид отношений двух или более людей, которые опираются на три вида поведения: кровное родство, брачность, отношение по рождению. Исходя из такого определения можем видеть, что есть разные три типа семьи. Первый тип, который опирается на кровное родство и есть патриархальный. Американский исследователь Л. Морган, который больше всего описывал семью, стоял на позиции эволюционизма, которая говорит о том, что исторически институты все время усложняются, чем

дальше – тем больше, происходит социальный прогресс того или иного института. По мнению Моргана, семья была двух родов: либо эндогенной, либо экзогенной. Они объединялись, когда в брак вступали мужчины одного рода с женщинами другого рода. Создавался групповой брак. Еще есть немецкий ученый Фридрих Энгельс, который стоял на позициях исторического материализма. И тот и другой считали, что патриархат является переходной ступенью от группового брака к моногамной семье. Классический пример патриархальной семьи – римская семья. Это такая семья, которая состояла из большого количества людей – родственников и свойственников, в том числе и неродственников и несвойственников, которыми могли быть рабы и т.д. объединенные вместе под покровительством патриарха для обработки земли и ухода за скотом. Это была классическая патриархальная семья. Она могла быть моногамной и многобрачной. Патриархальная семья XVII-XIX века тоже опиралась на те два принципа, о которых я говорил, но была немножко иной.

Если исходить из принципа Вебера, такая семья и сегодня существует, только в модернизированном виде. Сегодня отношения между мужем и женой могут быть разные.

Если идти от того же определения, то на смену патриархальной семьи появилась так называемая детоцентристская семья. Это второй тип семьи. Это не эволюция, это совмещаемость. Из самого названия этого типа семьи следует, что это такая семья, где основной ценностью являются дети. Им посвящается все. Есть разные типы детоцентристской семьи, в части из которых детям уделяют слишком большое внимание, поэтому происходят всякие недоразумения с детьми. Их очень опекают, они становятся инфантильными, они могут склониться к преступлениям и т.д.

Можно найти еще один тип семьи, который, с моей точки зрения, сегодня только складывается, который можно условно назвать супружеским. Это такая семья, где самые важные отношения свойства, т.е. отношения между мужем и женой. Они не родственники, они объединяются только по свойству. Тогда основной ценностью становятся отношения между мужем и женой.

Если говорить условно, это пример трансформации, то, как она движется к этой супружеской семье. Сегодня такие семьи все больше и больше распространяются.

Лекция 2. Перспективы семьи XXI века

Теперь можно рассмотреть трансформацию семьи. Это еще более зыбкое дело – это перспективы семьи в XXI веке. При изучении семьи очень важно напомнить наиболее ответственную и чувствительную тему, а именно **«пределы и достоверности прогнозирования семьи»**.

Каждый прогноз очень сомнителен по сути, но, тем не менее, конечная цель всякой социальной теории в том, чтобы не столько интерпретировать факт, сколько в том, чтобы создать базу для прогнозов, прогнозов более убедительных, чем простая экстраполяция. Обычно экстраполируют, изучая сегодняшнюю семью, набирают тех, кто это делает лучше, как им кажется, и пытаются считать, что так будет в будущем: таким будет тот или иной институт, в том числе и семья. Пренебречь вообще – это не лучший способ, это не даст возможности исследователю заглянуть за горизонт. Каждый исследователь хочет посмотреть, что же там будет. Сначала я приведу пример неудачных прогнозов.

Один из отечественных социологов, А.В. Харчев, пытался в 70-е годы прогнозировать, что же будет в начале XXI века. Мы уже живем в начале XXI века и можем проверить точность прогноза. С его точки зрения не должно быть браков по расчету. Откуда он это взял? Он считает, что произойдет изживание поздних браков (после 30 лет). И еще – упрощение эмоциональных связей с родственниками. Будет много ядерных семей, поэтому должны были укрепиться эмоциональные связи с родственниками. Уменьшится количество бездетных семей и исчезнут неполные семьи. В настоящее время почти все его прогнозы не реализовались. Все пошло по другому пути кроме, может быть брака по расчету. Мало кто знает, как заключаются браки по расчету, потому что идея о том, что одни браки заключаются по любви, а другие по расчету, это негодная идея. Очень трудно выявить мотивы людей, которые вступают в брак. Это очень плохо прогнозировать. Все зависит от того, где их спрашивают, какое у них настроение и т.д. Но даже те опросы, которые проводились через 5-10 лет после заключения их брака, казалось бы, теперь они могут ответить и указать эти мотивы. Они указывают на то, что есть много мотивов, по которым люди заключают брак и среди них не преобладают браки по любви, ибо любовь и брак это разные понятия и разные социальные состояния.

В аналогичном ключе пытался предсказать, что будет с семьей известный футуролог И.В. Бестужев-Лада. Он тоже наговорил очень много. Он считал, что в начале XXI века не будет существовать ни одиночек, ни однополовых семей, ни разводов. Откуда он это взял просто непонят-

но. Ясно, что это все не совпадает с теми процессами, которые мы наблюдаем сегодня. Поэтому о подавляющем большинстве версий, которые трактуют будущее институтов и процессов, можно в одно и то же время сказать, что имеется достаточно оснований отказаться от прогнозов. Еще раз подчеркиваю, что отказаться от прогноза легко, но ни один исследователь в этом себе не откажет, потому что исследователям по природе характерно заглянуть в будущее.

Также неудачное прогнозирование дали демографы. Специалисты по народонаселению очень много раз ошибались в прогнозах будущего народонаселения. Их попытки точными методами предсказать численность населения и предсказать само matrimониальное поведение чаще всего оканчивались неудачно.

Такой пример из прошлого. Был известный демограф Нотштейн, который в 1944 году пытался предсказать каково будет будущее народонаселения. Он считал, что народонаселение резко снизит свое количество. В Европе и в СССР, с его точки зрения, к 70-м годам резко сократится количество мужчин и женщин. На самом деле к этому году проявился рост народонаселения. Другая группа специалистов прогнозировала, что в индустриально развитых странах рост численности к 60-м годам снизится. Расчет этот также не оправдал себя.

Такие прямые попытки прогнозирования того, что будет с семьей в будущем, себя не оправдывают. Если опираться на такие прогнозы, то можно придти к выводу, что будущее, как народонаселения, так и родства, семьи неуловимо. Не является ли такая попытка риторизмом, т.е. попытка отойти от каких-либо предсказуемых изменений?

Чтобы показать, что попытки прогноза были все-таки действенными, я себе позволю остановиться на трех выдающихся исследователях прошлого, которые в начале XX века попытались предсказать семью будущего: это выдающийся французский исследователь семьи Фредерик Ле Пле, немецкий исследователь Фридрих Энгельс, а также Питирим Сорокин.

Французский исследователь Ле Пле на евроазиатском пространстве тщательно попытался проанализировать типы семьи и открыл, что есть (было) три типа. Это патриархальная семья, которую он обнаружил в конце XIX века у славян и башкир, которое проживали на юге Урала. Второй тип – неустойчивая семья, которую он обнаружил в Европе, в частности во Франции. Третий вид, который он обнаружил у народов Скандинавии, Англии и Америки – коренная семья. С его точки зрения, эти три типа семьи соответствовали определенному уровню развития экономики и состоянию духа народа, т.е. у него было два критерия. С

точки зрения теории он придерживался географического детерминизма, он считал, что в разных географических районах разные типы семей. Вторым критерием для него был дух народов, его нравственное развитие. Исходя из этого, он предсказал, что самая лучшая семья, с его точки зрения, – семья скандинавов, англичан и американцев. Она наиболее перспективная, потому что он считал, что здесь наилучшие условия для проявления, с одной стороны, свободы духа, с другой, для частного предпринимательства. Он считал, что только частное предпринимательство создает лучшие условия для развития семьи, тогда как в патриархальной семье делилось все: наследство переходило к старшему поколению и все жили вместе, в патриархальной системе. Поэтому у них отсутствовала инициатива, предпринимательство и был затхлый дух. По Ле Пле будущее семьи – это семья англичан со свободным духом, с индивидуальным предпринимательством.

Энгельс, как вы знаете, стоял на позиции исторического материализма. Он считал, что история подчиняется естественному историческому процессу, поэтому каждая историческая стадия выше предыдущей. С его точки зрения, в отличие от Моргана, который стоял на позиции эволюционистского развития, есть разные модели семьи: семья буржуазная отличается от пролетарской, поэтому разные типы семьи будут развиваться по-разному. Его преимущество в том, что он понимал, что нельзя в XIX веке предсказать, что будет с нами в XX. Он считал, что будут новые ценности, будет большая свобода между мужем и женой и, что придут такие молодые люди, которые будут сами знать, как создавать семью. Он считал, что можно предсказать семью, опираясь на молодежь, которая сама будет выяснять какие типы семьи лучше. Все-таки он указывал на многообразие типов семьи.

Я уже говорил о знаменитой статье Сорокина, которая называется «Кризис семьи». Тогда он стоял на позиции функционализма, от которого потом отказался. Он считал, что есть у семьи функции, которые не приходящие, и функции, которые уходят. Как бы не изменялась семья, он видел, что она в начале XX века в кризисе. Он считал, что будущее семьи заключено в том, что она будет опираться на супружеские отношения, что супружеские отношения в будущем будут играть главенствующую роль в развитии семьи.

Таким образом, можно говорить, что наиболее выдающиеся исследователи конца XIX-начала XX века не чурались того, чтобы пытаться предсказывать типы семьи. Они пытались очень осторожно, чтобы никаких деталей не описывать, а говорить только в общем и целом, что произойдет с этим институтом. Поэтому можно учиться на этих основаниях.

Можно построить тенденции в будущем только исходя из тех перспектив, которые кажутся главным каждому из них. Поэтому можно говорить о том, что если Ле Пле усмотрел множественность моделей, Энгельс видел гибкость эволюционного потенциала семьи, Сорокин – перспективную форму, если опираться на эти разные предсказания ведущих специалистов, то можно взять из этих исследований уроки и попытаться предсказать что будет с нами.

Понятно, что в известном смысле, представить себе реалии XXI века, означает, по сути, вычленение таких тенденций в трансформирующейся семье, которые бы относились к родству, браку, семье. Найти эти стабильные процессы, понимая, что социальная, культурная структуры подвержены инертности. Если следовать этому тезису вычленения главного и инертности развития, то можно попытаться предсказать, что происходит в семье. В этом смысле я еще раз хочу сказать, что я буду опираться на разных исследователей, которые, в конечном счете, приходят к одному и тому же выводу.

Ряд исследователей индустриальных стран, начиная с 70-х годов XX столетия, настойчиво проповедуют идею концентрации семейной жизни скорее вокруг супругов, чем детей. Само собой разумеется, каждый из авторов этих концепций выделял те параметры, которые были им свойственны, исходя из менталитета этого исследователя, т.е. склада ума и мировоззрения. Поэтому я остановлюсь на наиболее национально выраженных концепциях.

Начну я с американского социолога Роберта Вейса, типичного предсказателя американской семьи. Его общая схема рассуждения. Особую значимость этот специалист акцентирует на следующих обстоятельствах. Первое, что должно происходить в обществе, для того чтобы развивалась семья, это увеличивающийся рост доходов. Второе, что будет характерно для общества и влиять на семью – увеличение продолжительности обучения, то, что мы сейчас называем непрерывное обучение. Третье – эффективный контроль за деторождением. Четвертое – расширение личной автономии.

Теперь стоит обратить внимание на то, почему он обратил именно на эти четыре фактора. Почему очень важно для эволюции семьи рост доходов? Он говорит, что рост доходов уменьшает взаимозависимость членов семьи друг от друга, ибо скрупулезное финансирование семьи влияет, во-первых, на статус женщины. Если будет хороший достаток в семье, то с его точки зрения, у замужней женщины низших социальных страт будет возможность профессионально не трудиться, или трудится неполный день. В иных стратах, более высоких, с женщины будет снята

ответственность за домашнюю работу. Если у нее будет большой доход, то она может передать работу по дому кому-то третьему, нанять работника.

Как вообще взрослые отвечают за собственных детей? Он ведет к тому, что все-таки будет происходить популяризация семьи. И взрослые дети будут самостоятельными и супруги также не будут зависеть от своих собственных детей. В связи с этим, как он считает, будет уменьшаться частота регулярных обменов с родственниками. С родственниками будет понижаться теплота отношений, уменьшаться эмоциональные контакты. И тем самым семья будет изолирована от других родственников. Вдобавок к этому он говорит: «Т.к. происходит интенсификация мобильности, то она будет способствовать тому, что не будет заводиться дружеских связей брачных партнеров с другими взрослыми людьми». Это то, что даст возможность повышению благосостояния.

Теперь по поводу увеличения продолжительности обучения. Он считает, этот самый Вейс, что в решающую сферу жизни превратится образование, т.к. образование все в большей степени имеет прямое отношение к повышению по службе. Для того, чтобы была возможность продвигаться по службе, нужно дополнительное непрерывное обучение. С другой стороны, длящееся образование видоизменит интересы и ценности человека. А раз это так произойдет, то в равной мере индивид – мужчина или женщина – ему будет нелегко решиться на брак. И поэтому, он считает, принятие решения о браке будут отдаляться. Другое последствие этой сложности – замещение этих самых индивидов, т.е. мужа и жены. Потому что есть другая закавка т.к. женщина становится более образована, она в большей степени получает высокого уровня профессию или престижную профессию, такие как врач, ботаник, менеджер, то это создает психоэмоциональное напряжение супругов. Повышение образования не только положительно влияет, но и отрицательно влияет на отношения супругов.

Третье, это эффективная контрацепция, эффективный контроль за деторождением. Он считает, что наиболее очевидным следствием массовости методов эффективной контрацепции – это дает возможность молодым людям самостоятельно определять иметь детей или не иметь. Если иметь, то сколько и когда их иметь, эффективное планирование. Отсюда понятно, что формирование семьи будет происходить относительно поздно. Поэтому родители станут не только старше, но и, вероятно, более дистанционированнее от детей. Т.е. будет большая дистанция между родителями и детьми. Это снизит, с его точки зрения, взаимоотношения между поколениями.

Он считает, что будет происходить в большей степени передача заботы о детях семейным воспитателям. Как говорит Вейс, ребенок станет проводить значительную часть года в школе, а лето в лагере.

Наконец, четвертое – расширение личной автономии. Это будет отделение не только пространственное, но и эмоциональное отчуждение между родственными группами. Ибо будет формировать у молодых людей представление о себе, как за все отвечающих, т.е. будет экстеральная зависимость. Контроль будет не интернальный, а экстернальный. Переход от экстернальности к интернальности, т.е. от внешнего к внутренним. Приведу простой пример из работы американцев, чтобы было понятно, они пытались посмотреть ответственность человека в России и Америке за свою жизнь и труд. Опросили и тех и других на разных уровнях ответственности. Когда спрашивали российского рабочего, его спрашивали, отвечает ли он за то, что происходит в стране. Он говорил, что нет, конечно, это не его дело. А за то, что происходит на производстве? Он говорит, нет, для этого есть директор. Отвечает ли он за работу в цехе? Он говорил, нет, для этого есть начальник цеха. Отвечает ли он за свой участок? Нет, он говорил, для этого есть начальник участка. Отвечает ли он за свой труд за станком? Вот тут он сказал, что здесь он отвечает. Т.е. у него все экстернально, кроме своего непосредственного места. Когда спрашивали об этом американца, он отвечал, что он ответственен за все – за общество, за дела своего учреждения и т.д. Вот такие отличия в экстернальности и интернальности. С точки зрения Вейса, в семье будет выработана ответственность, когда человек будет отвечать по крайней мере только за свой экстенциональный мир, за формирование своего внутреннего мира. Раз он будет отвечать за свой внутренний мир, то этика самореализации ставит, как правило, верность в браке в прямую зависимость оттого, что он открывает для личности. Если брак открывает для личности что-то новое, то он будет верен в браке. Если нет, то он будет неверен в браке. Это важный личностный элемент, который показывает верность или неверность в браке.

По Вейсу, брак и семья видятся как противоречивые институты. С одной стороны, обновляется и обогащается статус женщины благодаря повышению дохода и образования, эти же факторы создают новые, в основном, психоэмоциональные напряжения между супругами. Более того, в силу преобразования отношений с детьми, их автономии, усложняется формирование экстенционального мира, как супругов, так и детей. Поэтому, с его точки зрения, будет проблематична устойчивость брачного союза.

Второй исследователь, который предсказывает семью – это извест-

ный французский социолог, профессор Руссель. Один из самых известных демосоциологов, работает в Национальном институте демографии.

Руссель занялся таким вопросом – какую можно выдвинуть правдоподобную гипотезу относительно перспектив семьи. Размышляет он следующим образом: есть основания полагать, что будущие любовные страсти представляются отнюдь не в радужном свете. Потому что очень трудно, он говорит, совместить верность выбранному человеку и автономии, т.е. независимость супругов друг от друга. Как он говорит, высокую готовность к страданиям и заботу о независимости. Спора нет, продолжает он, что и в третьем тысячелетии молодые люди не перестанут влюбляться. Но, по-видимому, у многих эта влюбленность будет сопровождаться сдержанностью и опасением. С одной стороны, страсть, поэтому бессознательно. С другой стороны, рациональное основание, которое будет противоречить этой страсти. Поэтому он задается вопросом – как совместить влюбленность, т.е. экспрессивное начало, и сдержанность, т.е. рациональное начало, рациональный контроль.

С одной стороны, он, конечно, не объясняет детали, но, с другой, он не пытается спрятать голову в песок. Он указывает, что есть противоречие в моделях семьи, которые базируются на непринужденной гибкости и солидарности между мужем и женой. Французский социолог обозначает такую семью – семью-клуб, т.е. такую семью, которая опирается, с одной стороны, на гибкость, непринужденность, а, с другой стороны, на солидарность между мужчиной и женщиной. В чем смысл этой гибкой семьи, которую называют семьей-клубом? Он говорит, что в такой семье не претендуют на великую любовь, в супруге, главным образом, ищут доброго согласия, баланса страсти и удовольствия, т.е. негативных и позитивных ценностей. Решение принимаются в такой семье с помощью предварительных переговоров. Ребенка в такой семье воспринимают как партнера, за которым признаются определенные права, но взамен ожидается получить воздаяние. Словом, речь идет об общности, функционирующей на основе своего рода контракта. Не следует понимать, как сейчас иногда понимают в буквальном смысле, что контракт – это когда люди вступают в брак заранее что-то там оговаривают. Контракт имеет отношение, по крайней мере, судя по американской семье, к дележке самих ценностей, приобретенных или внесенных. Контракт не противоречит эмоциональным ценностям, одно другому не противоречит. С его точки зрения, в основе такой семьи лежит контракт. Поэтому достаточно одному из супругов отречься от него, чтобы договор утратил силу. Поэтому он говорит, что эта модель является по сути отменяемой, т.е. разрыв принимает характер не краха семьи, а обоими партнерами признает-

ся, что не совпадает интерес. Раз интерес не совпадает, семья разрушается, но это не жизненный крах. В данном случае, он говорит, что легитимный брак и свободный союз почти не различаются. Но все-таки это больше похоже на союз Симоны Бовуа и Жан-Поль Сартра. Там был союз такой: они заранее себе наметили, что они не будут вступать в брак, потому что брак мешает людям жить самостоятельно, они не будут заводить детей, потому что дети мешают браку. Поэтому этот брак можно назвать «семья-клуб», потому что, с одной стороны, они были верны (в кавычках) друг другу, т.е. много-много лет прожили вместе, хотя и один и другой в это же время разрешали друг другу вступать в сексуальные отношения с другими людьми, они часто меняли партнеров. Как известно, Симона Бовуа подыскивала Сартру молодых девушек для того, чтобы не заглушить отношения между собой. Такой очень свободный союз (я никого не призываю к этому, даже у французов это очень редкое явление), но такие союзы бывали. Такой союз описывался у Камю и т.д. Тем не менее, можно сказать, что это такие ассоциативные пары, т.е. вступающие в эту ассоциацию. Социодемограф считал, что в ближайшем будущем, будет множиться именно такая модель по сравнению с другими моделями – модель свободных отношений между мужчиной и женщиной. Поэтому он говорит, что то, что социально очевидно (он видит это сейчас реально во Франции), не может быть краткосрочным. Поэтому, если не произойдет каких-то чрезвычайных перемен в обществе, с его точки зрения, брак и семья будут в ближайшие десятилетия эволюционировать в таком же направлении. Культурная инерция, считает он, будет следовать логике. Короче, сохранится нынешний плюрализм семейных моделей, при этом привилегированное место займет семья-клуб. Значит, если Вейс высветил прагматические стороны семей, а именно, доходы, образование, то в отличие от него, Руссель делает акцент на эмоциональных сторонах брака. Того интересуется прагматика, а этого – эмоциональные отношения. Но и тот и другой считают, что будущая семья все-таки будет уязвима больше, чем в настоящее время.

Третий социолог, о котором я хочу рассказать – это известный английский социолог Флетчер. Это в чистом виде англичанин, который считает, что лучше английской семьи ничего не бывает. Флетчер считает, что современная ему английская семья даже сегодня такая, как никогда раньше не была. Все мужчины и женщины, так и дети имеют большой уровень личной свободы, равенство статусов и высокое взаимопонимание между родителями и детьми, между мужем и женой. Другими словами, это напоминает ту семью, которую описывал Ле Пле – предприимчивость, духовный мир и т.д. С точки зрения Флетчера, семья Велико-

британии сформировалась в соответствии с принципами индустриально-го общества, а именно высокого материального и морального благополучия, обеспечения прав человека и социальной справедливости. Ничего лучше быть не может. Эта семья подается с не меньшим пафосом, чем подавал свою семью американец Вейс. Мало того, он считает, что эта модель – модель с благополучием материальным и моральным, социальной справедливостью – постепенно превращается в универсальный вид семьи для всего человечества.

Как он описывает основные характеристики такой семьи? По его словам, семья, оставаясь первичной общностью социума, превратилась в самую интимную группу отношений, которая обладает чувством солидарности и отвечает глубокой взаимной требованностью к личным потребностям каждого. Такая модель, с его точки зрения, называется «брак между добрыми друзьями». Он раскрывает эту метафору следующим образом: это не любовь или сексуальные удовольствия, а семья – самодостаточна, брак же – это совместное создание жизни и совместное выращивание детей. Если французский специалист учел возможность в открытую превозносить альтернативу институту брака, как индивидуальную страсть, то англичанин, не колеблясь, отдает Богу божье, а человеку – человеческое. Поэтому брак – это совместное создание жизни, любовь – это человеческое качество, а брак – институт, который призван для совместного создания жизни и выращивания детей. Можно сказать, что он делит эти вещи и показывает, что надо понимать, что важно для личности, а что важно для социального института. Я приведу цитату человека, который придерживается католической конфессии, священник, находящийся в немецком застенке, он пытается разделить любовь и брак. Он пишет своим друзьям накануне их венчания: «Брак – это нечто большее, чем ваша любовь друг к другу. В любви вашей вы видите себя одними на целом свете. В браке же вы звено в цепи поколений, которые приходят и уходят по воле божьей. В любви вашей вы видите лишь небеса вашего собственного счастья. Благодаря браку вы с ответственностью входите в мир и разделяете ответственность людей. Ваша любовь вам и только вам. Брак же – нечто надличностное, брак – это звено служения».

Английский социолог пытается разделить разные понятия – личное, принадлежащее индивидууму как носителю экзистенциальных ценностей, и институт брака. Эта идея очень старая. Возьмите Ницше, до него были и другие – они все время говорили о том, что не надо путать то, что связано с вашим внутренним миром и вашими эмоциональными предпочтениями, и социальный институт – брак – который создан и формируется совсем для других целей.

Теперь я приведу другую позицию и буду говорить в основном о своей. Как я пытался встроиться в это. Мне казалось, что семья будет развиваться постепенно к предпочтению супружества над всеми остальными функциями, отношениями. Исследуя в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого столетия семью российскую городскую, в основном, в мегаполисе, я убедился в том, что некоторые гипотезы, которые были высказаны Вейсом, Русселем и Флетчером, находят себе убедительное подтверждение и в России. Первое, что бросается в глаза – в конце двадцатого столетия нет той пропасти между семейными типами английским, французским и российским, которую установил в конце XIX века Леплер. Благодаря глобализации, т.е. сближению семей разных этносов, если Леплер увидел, что Англия, Франция и Россия очень отличаются друг от друга (он говорил, что в России традиционная семья, во Франции неустойчивая семья, в Англии коренная семья), сегодня по меньшей мере сближаются те из моделей в этих странах, которые можно охарактеризовать как городскую семью супружеского типа. Суть такой семьи сводится, во-первых, к обязательному планированию зачатия; второе, к принципиальной малодетности; в-третьих, к предпочтению личных ценностей интимности (это не сексуальная интимность, а внутренняя отзывчивость мужа и жены, детей и родителей); четвертое, автономия супругов и детей – дети в современной семье должны быть достаточно автономны от родителей – в такой семье главное, чтобы была этика самореализации, когда ребенку дают развитие такое, в котором он чувствует себя самостоятельным; пятое – утрата институтом брака монополии контроля за сексуальностью и прокреации; шестое – происходит распространение мозаики брачных и семейных моделей. В то же время, я бы не отрицал некоторой специфичности протекания семейных процессов в разных государствах. Скажем, все-таки в нашем отечестве трансформация семьи отличается оттого, что происходит во Франции. Отличается потому, что все-таки российское население более полиэтнично. Там в большинстве своем одна национальность и один этнос, хотя про французов это тоже сказать сложно, потому что там, в разных провинциях они отличаются друг от друга, но все-таки это отличие не такое, как у нас, где есть много национальностей. Этнотипы представляют разные уровни, принципы отношений. И второе, что отличает, конечно, российскую семью от английской, например, это низкий уровень доходов, особенно, от американцев. Поэтому отличия, конечно, есть, доход на душу населения у нас более низкий, чем в любой другой из приведенных стран. Мы можем говорить, что такая бы семья была характерна среднему слою населения. Но я бы не рискнул, будучи директором Института социологии, сказать, что

у нас есть средний класс - это более фантазии, чем реальность. Определить, что такое средний класс у нас пытались, но из этого ничего не вышло, т.к. очень трудно сказать, что такое средние слои для нашей страны. Так же как до сих пор неизвестно, что такое бедный класс, потому что у нас есть бедный класс, а есть еще «новые бедные». Сейчас появился такой класс нищих, который даст много очков тем нищим, которые были до революции – такой оригинальный класс нищенства. Поэтому ясно, что в разных слоях населения разные типы семей. Но, тем не менее, наша бедность, конечно, некоторым образом семью обедняет в своем разнообразии.

Итак, есть четыре гипотезы, которые дополняют друг друга и тем самым создают такую целостную картину вероятности трансформации института семьи и брака, индустриальный старт. С одной стороны, мы видим, что процессы эволюции семьи вполне предсказуемы, как будто бы идут близко друг к другу, особенно Вейс считал, что его английская семья справится везде, потому что есть индустриальное общество, потому что все смотрят на англичан, развитие их высоко духовное и т.д. Я бы сказал, что действительно это происходит. По крайней мере эти четыре исследователя обращают внимание, что сегодня действительно супруги становятся важным звеном. Но с другой стороны, все-таки, различия между этими типами, конечно, имеются в наличии. Иначе было бы все стерто, вся разница в национальных качествах семьи. Я думаю, что и Руссель, который не любит, когда в его стране побеждает американизм, тоже бы не согласился, что он близок к Вейсу, но, тем не менее, они проповедуют некоторым образом общие тенденции развития современной семьи.

Я, к сожалению, большего сказать не могу. Я бы не рискнул предсказать более подробно, что будет с семьей. Но все-таки видно, что семья не рушится, никакого кризиса с ней не происходит, она трансформируется, можно сказать так оптимистически, в сторону лучших отношений, которые складываются между мужем и женой. Хотя и неприятностей достаточно много в современном типе семьи. Поэтому, я могу сказать, действительно большое количество разводов в современной семье.

Нужно сказать, что большое количество разводов – это не только негативная, но и позитивная сторона, связанная с семьей. Об этом очень хорошо говорил в свое время в 60-е годы тот самый американский социолог, о котором я говорил, Вудд. Он говорил, что мы приходим к разводам, что развод – это единственный выход из конфликтной ситуации между мужем и женой. Что развод дает возможность женщине (именно женщине!) выйти каким-то образом из конфликтной ситуации. Что у

женщины, которой не нравится семья, у которой конфликтная семья, есть возможность ее разрушить, подать на развод. Как показывают наши социологи (начиная с известной социологини из Украины Чайко), действительно женщины идут по этому пути. Поэтому женщины везде больше, чем мужчины подают на развод. Я должен сказать в этой связи, что сам по себе развод становится атрибутом брака. Сегодня, когда вступают в брак, большинство людей не должны думать, что это на всю жизнь – такого уже нет. Сам по себе развод является атрибутом брака. Отсюда большое количество так называемых повторных браков или серийная, последовательная полигамия. Если раньше в этой последовательной полигамии в брак вступали, в основном, вдовцы, потому что последовательная полигамия – это не сегодняшнее явление. Оно начинается где-то с XVI века. Но тогда вступали во второй брак, в основном, вдовцы – мужчины и женщины. Они вступали в брак, потому что была высокая смертность, продолжительность жизни была очень низкая. Но, начиная с XX века, все источники, включая и Россию, говорят о том, что во второй брак вступают не вдовцы, а разведенные. Отсюда очень много повторных браков – за счет разведенных пар. Поэтому надо понимать, что меняется сам тип семьи и его атрибуты. Первый из них – это развод. Они меняются, потому что меняются и основания вступления в брак.

Раньше основой брака было, как всем известно, сватовство. А сватовство опиралось, как известно, на то, что для девушки выбирали жениха родители, раньше вступали в брак только по согласию родителей. Без согласия родителей нельзя было вступить в брак. С одной стороны, вступая в брак, она должна была идти к мужу, выходить замуж, там все было так, как было принято в той семье. Там было конфликтов сколько угодно, но браки не расторгались, потому что во главе был патриарх, который решал все эти дела.

А сегодня, как всем известно, в основе брака лежит ухаживание. Молодые люди сами выбирают себе жениха или невесту, поэтому этот брак очень уязвим. В основе его лежит свобода выбора – они выбирают сами себе, тут очень важна адаптация супругов друг другу. Потому что люди с разным уровнем образования, разные родители, поэтому у них разные ценности и т.д. Они должны как-то приспособить свои различия, привести их к общему. Часто это не удается. Поэтому ухаживание, свобода выбора приводят к тому, что молодые люди пытаются избирать друг друга. Если они не подходят друг другу, то брак распадается. Поэтому в самом уже браке заложена возможность расставания.

Вот так изменяется брак. Поэтому можно хоть что-то предсказать в этом смысле.

Лекция 3. Нелегитимные сексуальные стандарты

В исследованиях сексуальности в 20 веке можно выделить несколько периодов. Эмансипация сексуальности во всей Европе происходила на рубеже 19-20 вв. В двадцатые годы более всего обсуждались эти проблемы, открыто, очень активно. Третий период можно назвать условно неблагоприятным периодом, то есть тогда, когда вообще об этом ни говорить, ни писать было нельзя. И, наконец, четвертый период, опять-таки условный, сексуального ренессанса, это примерно с середины 70-х годов.

Пару слов о каждом периоде, чтобы окончательно остановиться на последнем. Эмансипация сексуальности во всей Европе происходила именно на рубеже 19-20 вв. Дело в том, что религия в любых своих разновидностях, как католицизм, православие и другие мировые религии всегда было против того, чтобы открыто говорить о сексуальности. Поэтому возможность изучения сексуальности открылась только в конце XIX в., причем в клинике. Только врачи-сексопатологи, чаще всего это были психиатры, рискнули изучать, открыто обсуждать в клинике, ну скажем, такие исследователи как М. Хиршфельд, Ч. Ломброзо и другие немецкие, французские психиатры, они рискнули изучать это в клинике. Понятно, что клиническое изучение все равно не выходило за рамки этой самой клиники, поэтому мало что давало более широким слоям. Кроме психиатрии и медицины было еще два научных направления, которые рискнули на изучение этой проблемы и не могли ее обойти. Это, конечно, право, потому что криминалистам нужно было каким-то образом оценивать, что происходит и за что люди попадают под закон, репрессивные постановления, связанные с этим. Криминалисты, в основном изучали гомосексуализм, который в то время был, конечно, в запрете. Они изучали другие отклонения, инцест и т.д. И третье направление, которые было очень связано с этими отклонениями, это педагогика, ибо в это время было широко распространено и каким-то образом нужно было изучать и оправдывать, что в закрытых учебных заведениях, в том числе и в России, была распространена мастурбация, поэтому это нужно было изучать, что такое мастурбация, насколько она вредна и т.д. Вот поэтому эти три науки, медицина, право (криминалистика) и педагогика, первые взялись за изучение этой проблемы, чтобы раскрыть, что это такое, каково соотношение нормы и патологии и т.д. Большой вклад в это же время внес в изучение сексуальности известный австрийский психиатр Зигмунд Фрейд. Он как раз один из первых решил уйти из клиники и изучать сексуальность вне ее. На это было очень сложно, это писано во

многих книгах, есть прекрасные книги, в том числе его учеников, которые как раз рассказывают, как это все происходило. Есть такая книга Виталза, недавно переизданная на русский язык, которая называется «Фрейд и его школа и ученики». Вот там как раз очень хорошо описано, как пришел к этому, возможности открыто говорить на эту тему. По этой книге есть прекрасный сценарий у Ж.П. Сартра, который так и называется «Фрейд», где на архивных материалах все показано, как стало возможным изучать эту проблему открыто и сколько страдал Фрейд за это, попадая все время под критику как своих коллег, так и различных органов. Вот это несколько слов о первом периоде. Второй период, который я назвал, здесь конечно, после революции, 20-е годы были очень любопытны в жизни России во всех сферах, в том числе и в этой области, потому что впервые открыто стали об этом говорить молодые люди, было воспринято, то что происходило, открытое отрицание прошлого, переоценка всех ценностей и идей в этой области. И особенно можно хорошо показать, как это происходило, на дискуссиях как в молодежной среде, так и чисто теоретических. Две крайние позиции были в 20-е годы. С одной стороны, прекрасная наша женщина, А.М. Колонтай, которая выступала в открытую за открытые формы сексуального отношения, она написала очень известную статью, которая называется «Дорога к крылатому Эросу», где она доказывала, что эрос не может быть сам по себе, это идет от того же Платона, так что эрос должен быть крылатым, то есть возвышенным. Возвышенные отношения, которые опираются на внутренний мир человека, личностную свободу. Другой человек, который стоял на других позициях. Если Колонтай считала, что самое главное в любовных отношениях – проявление своей личности, то Залкин стоял на так называемых классовых позициях. Он считал, что может быть такое проявление сексуальности, которое созвучно с классовой позицией. Только та сексуальность, которая каким-то образом отражает классовую позицию человека, а пролетариата особенно, она достойна того, чтобы она была на поверхности. Поэтому никакие индивидуальные процессы, которые происходили или могут происходить в сексуальности, не являются достойными. Поэтому, только проявление сексуальности, которое созвучно пролетариату, классовой позиции, является проявлением свободы сексуальности. То есть в общем две такие крайности. И тот и другой говорили о том, что меняется позиция людей, ориентированных на сексуальность, но подходили с разных позиций. Надо сказать, что в России даже на первом этапе, а из европейских стран только в Голландии, проходили эмпирические опросы. Впервые в России поняли, что нельзя узнать о сексуальности, если не опрашивать самих людей. И первые оп-

росы были в основном студенческой молодежи. Понятно, почему студенческой. Потому что студенты – они маргиналы, с одной стороны уже не школьники, зависимые от семьи, а с другой стороны уже самостоятельные люди, их можно спрашивать, они могут хорошо отвечать. Поэтому любые социологические исследования, и в других областях всегда начинались со студентов. В России, в частности, первые опросы были проведены в 1902 году. А вот в 20-м году было очень много массовых опросов. В университете им. Свердлова опросили больше 2500 человек. В Астрахани были опросы, в Одессе были опросы, в Казани были опросы, вплоть до Томска. Поэтому 20-е годы дают богатый эмпирический материал для того, чтобы описывать это состояние. Последний опрос было проведен в 1927 году. После 27-го года никаких опросов в нашей стране не проводилось. 30-60-е гг. были закрыты для опросов, в частности, опросов по сексуальным отношениям. Поэтому мы можем судить о том, что происходит, только по каким-то опосредованным фактам. Я сам опираюсь. Есть очень много литературы, где очень хорошо показано, есть такой очень знаменитый фельетон, который называется «Саван...», где описывается, как редактор выполняет роль цензора над художником, который рисует плакат. Он нарисовал плакат официантки. И редактор говорит, что что-то здесь не то. И что же здесь не то? Большие груди. Но он говорит, это же плакат, она одета. Ну и что, все равно нельзя этого показывать. Нарисовал другую, мальчикового типа. Нет, все равно не так, нужно сделать так, чтобы убрать это все, потому что этот плакат будут смотреть дети и женщины, а еще мужчины. И что же они подумают, когда увидят такую картину. Это просто пример для того, чтобы показать, какого было положение дел с этой проблемой в 30-е гг. То есть в 30-е гг. пришли к тому, что не надо ничего показывать, нет двух полов, есть один пол, люди, которые трудятся, чем меньше люди будут говорить и этим заниматься, тем лучше будет для всех. Поэтому я еще раз подчеркиваю, что вот эти годы, с 30 до 60 гг., были годами когда об этой области ничего не было известно, что там происходит, как там происходит, и всячески институты, политики и другие властные структуры пытались сделать так, чтобы забыли об этой проблеме. Но с середины 60-х гг. стали проводить опять эти исследования, и тогда открылось миру, публике, что в нашей стране происходят те же изменения, что и в других странах. В этом смысле Россия ничем не отличается от других европейских стран. Я сейчас мельком скажу о тех изменениях, которые были обнаружены в ходе опросов. Опять же были возобновлены эмпирические опросы и опять же начали со студентов, по тем же причинам. Просто несколько беглых цифр. Я придерживаюсь той точки зрения, что это выбо-

рочные опросы, здесь есть цифры, этим цифрам можно верить только относительно. В основном опрашивались студенты небольшими выборками, скажем, у нас в Петербурге, примерно по 500 человек, в равном мере мужчин и женщин. Приведу цифры с тем, чтобы потом уйти от них и рассказывать более широко и сказать, что дело вовсе не в цифрах. Студенты в Ленинграде были трижды опрошены. Первый опрос проводился в 1965 году, потом опрос проводился в 1972 году и потом опрос проводился в 1995 году. Сначала я вам представлю только по этим годам оценки, суждения по поводу возможности вступления в добрачные отношения. Уже вчера говорил, сегодня еще скажу, что вообще некорректно говорить о сексуальности до брака, в браке, только можно говорить о том, что это оценивается нелегитимной сексуальной практикой, которая не центрирована на матримониальное поведение. Потому что сексуальность, мы с вами говорили, исходя из иудейско-христианского кодекса, всегда должна приводить к браку. Брак должен приводить в конечном счете к деторождению. Исходя из этого кодекса, все, что делается вне рамок брака аномально. Явная динамика. Чем ближе к нашему времени, тем в большей степени молодые люди оправдывают возможность нелегитимных сексуальных отношений в самой сильнейшей степени это обсуждают. Как раз к 1995 году никакой разницы в этом отношении между мужчинами и женщинами нет. Есть две очень сильные корреляции, которые влияют на эти оценки. Это корреляция, связанная с местной социализацией молодого человека, город либо сельская местность, второе связано с этнической принадлежностью. Скажем, славяне настроены более либерально, а скажем, коренное население Средней Азии, Закавказья настроены более жестко, особенно по отношению к женщине. Двойной стандарт очень распространен во всех закавказских государствах. И еще приведу данные в каком возрасте происходит половое созревание. Очень четко просматривается, и это очень напоминает европейские опросы, которые показывают, что ничего особенного в России не происходит, в этом смысле мы Европу догнали. Сексуальный дебют снижается, более всего это происходит между 16 и 18 годами. Если в 1965 году не многие вступали в эти отношения в 16-17 лет, то в 1995 году сюда переместился наибольший удельный вес. И чем выше возраст юношей и девушек, тем меньше у них остается возможности вступить в эти отношения. А теперь можно попытаться перейти к общей комплектации полученных сведений. Здесь представлены некоторые эмпирические факты, которые высветили достаточно мозаичское полотно эротического взаимодействия юношей и девушек, и это сам по себе значительный факт, который говорит о расколдовании той самой приватной сферы, о которой никто не

пытался говорить открыто. И тем самым мы можем посмотреть, как вписать сексуальное поведение в общекультурный ландшафт. Однако на этом пути исследователь встречается с самым главным препятствием, как найти адекватный критерий сексуальной нормы. Что является нормой, а что является не нормой в общекультурном смысле в этой области. Ведь если оценивать выявленные тенденции с позиции традиционного нравственного критерия, а за этот критерий брался христианский кодекс, который считал, что все сексуальные отношения вне границ брак являются аморальными. Нормой являются только отношения между мужчиной и женщиной в браке, которые приводят в конечном счете к деторождению. Понятно, что если исходить из этой нормы, то все, что происходит между мужчиной и женщиной в 20 в. можно назвать грехом. Можем мы спросить себя, новое что-то мы открыли? Надо сказать, что такое явление было зафиксировано, что можно назвать сексуальной революцией, скажем в 20-е гг. и так же было зафиксировано что-то наподобие этого в начале 20 в. Поэтому перед нами встает задача объяснить, почему происходит такое расхождение, расколование, как говорят психологи, между поведением и нормативной нравственностью. Это может быть одним из объяснений: актуальное сексуальное поведение изменяется под влиянием глобальных общественных изменений, связанных с поздним модернизмом. Происходит модернизация общества. Под влиянием этой модернизации происходит, переход от полифункциональности к монофункциональности, когда сексуальность преследовала только одну цель – деторождение, поэтому сексуальность становится постепенно полифункциональной, то есть она преследует разные цели, какие, мы будем говорить позже. В то же время норма в силу ее инертности, заскорузлости перестала отвечать реальной практике. Я уже, по-моему, произносил суждение Максимиуса Сенеки, который подметил расхождение между нормой и практикой еще во втором веке нашей эры. Он говорил то, что раньше было пороком, становится нравом. Чтобы описать данную проблему, важно избежать двух крайностей – с одной стороны, морализаторства, и, наоборот, надо избежать солипсизма, то есть, такого положения, в котором все считалось относительно до самой последней черты. То есть, необходимо избежать того, чтобы говорить как происходит, так и происходит, все нормально. Обострение этого противоречия впервые было отмечено, я имею ввиду Россию, выдающимся нашим философом, можно сказать, первым российским философом Владимиром Соловьевым. У Владимира Соловьева есть такой очерк или серия очерков «Смысл любви», где он выступает критиком естественности как нормы сексуального поведения. Он говорил о том, что непригоден критерий ес-

тественности, то есть прокреация в рамках брака в качестве показателя сексуальности. Как ни странно по прошествии стольких лет в этой области не сделано никакого движения. Наоборот, многие социологи стоят на старых позициях и оценивают возможности сексуальности исходя из дихотомии, брак вне брака. Все, что в браке – нормально, вне брака – ненормально. При этом само явление рассматривается вне контекста иманентных ценностей культуры. То есть секс рассматривается вне эроса и любви. Следы этой дихотомии прослеживаются и поныне в современной литературе. Современные немецкие социологи, которые рассматривали сексуальность мужчины, по крайней мере, акцентируют в его поведении три переменные. Сексуальность мужская экстенсивна, редуцируема и она очень часто проявляется вне пределов брака (адюльтер). Надо прямо сказать, что такая жесткость в научных исследованиях, она даже больше, чем у церковных служителей. Я приведу один из примеров, как обсуждается греховность в одном из пенитенциариев, католических сводов законов, которые регулируют меру греховности. При расследовании сексуальных связей вне брака, нужно принять во внимание, красива ли женщина, так как меньше согрешит тот, кто познает красивую. Красивая привлекает сильнее, а где больше соблазна, меньше грех. Необходимо так же выяснить, применял ли согрешивший насилие, ибо сильнее повинен тот, кто применял насилие, чем тот, кто познал женщину по добровольному согласию. Важно установить, возжелал ли он, как только первый раз ее увидел, или воспламенялся постепенно, ибо сильнее согрешит тот, кто совратился при первом взгляде. Надо так же принять во внимание, что адюльтер хуже простого блуда. Инцест хуже прелюбодеяния, противоестественные совокупления хуже инцеста. Логика даже христианских законодателей более гибка, чем логика научных исследователей, ибо с их точки зрения адюльтер хуже блуда, но все же лучше инцеста. Служители культа оказались более гибкими, чем современные носители исторического и монополистического принципа сексуальной связи, допускаемой только в браке. С моей точки зрения, критерий должен отражать качественное состояние взаимоотношения полов и в этом смысле можно говорить как о гетеросексуальности, так и гомосексуальности, здесь нет никаких различий, шкала одна и та же, с точки зрения сексуальности. В частности, вот этот критерий, который я пытаюсь сейчас вам описать, должен показывать насколько сексуальность превращается в эротические отношения или любовные. Такой показатель нетрудно представить себе в виде пантинуальной шкалы, не в виде шкалы бинарной, а в виде пантинуальной, на которой можно расположить соотношения по нарастанию отчуждения. Как говорил наш вы-

дающийся филолог и философ М.М. Бахтин, по нарастанию духовного верха и материально-телесного низа. Чем больше одного, тем меньше другого. В связи с этим можно полагать, что удовлетворенность, которую получает индивид или социальный актер, как правило, находится в тесной связи со степенью его духовно-эмоциональной вовлеченности, глубиной и яркостью чувств. На инструментальном уровне духовно-эмоциональная вовлеченность видится как определенное сочетание трех компонентов: экспрессивность, избирательность, нравственная ценность (единство диспозиции и практики). Исходя из этого можно говорить о том, что никакие характеристики, связанные с профессией, с социальным статусом, этнической принадлежностью, религией, возрастом, брачным состоянием не могут на рубеже 20 и 21 века соперничать с мерой духовно-эмоциональной вовлеченности, когда речь идет об основании и моральной оценки эротических переживаний. Понятно, что здесь могут быть разные сочетания, и эти отношения не могут отражать истинного смысла этих отношений, однако при опросе значительного числа людей велика вероятность того, что сочетание случайности связи с отрицательной оценкой этой возможности, с гетерогенностью культурных запросов свидетельствует об отчужденности этих отношений. С другой стороны, любовная мотивация этих связей в купе с одобрением легитимности сексуальных прав и гомогенностью культурных интересов партнеров указывает на наличие духовно-эмоциональной вовлеченности, то есть единства души и тела. Сочетание негативное и позитивное дает возможности выявить пять базовых типов сексуальных отношений. Понятно, что за пределами этих пяти базовых отношений остаются два. У молодых людей в России вообще не может быть романтической любви, потому что романтическая любовь – это любовь романских народов. Исключается из этих пяти типов проституция и романтическая любовь.

Первый тип – любовный тип. На инструментальном уровне он выглядит следующим образом: нелегитимные сексуальные отношения оправдываются. Побудительным мотивом к вступлению в дебиютную связь является любовь. В качестве партнера считается близкий друг детства, партнер или герлфренд или жених. Любовь в данном случае понимается как стремление к эстетическому идеалу в сочетании с природным влечением, влечение к конкретному определенному лицу. Это поведение отличает высокая степень избирательности, истинная интимность, эротическое созвучие и физиологическая удовлетворенность. Словом, в этом типе отношения естественные отношения преобразуются в человеческие, а человеческие становятся естественными. Греки называли такое отношение эросом.

Второй тип отношений называется гедонистическим. Те люди, которые попали в этот тип, нелегитимно-сексуальные связи в равной мере оправдывают или оценивают их амбивалентно. Ведущий мотив вступления в эти отношения сексуальное влечение и реже любовь. В качестве партнера предпочитается бойфренд или герлфренд. Количество потенциальных партнеров тут несколько больше, чем в первом случае. Гедонизм практически отличается от любви акцентированием чувственного наслаждения, эпикурейством. Между с тем, у него с любовью есть единое ядро, которым является утонченная средневековая любовь. Но в дальнейшем их пути разошлись. Одна из старопровансальских моделей, которая лежит в основе романтизма, раздвинула свои границы за пределы элитарного клуба. Любовь возвышенная, когда выходит за пределы элитарного клуба, претерпевает существенные перемены и утрачивает во многом возвышенный характер. Здесь гедонизм, влечение оттеснило выбор, и тело потеснило душу. Распространение сегодня гедонизма, а он очень распространен, в первую очередь предопределено отмиранием двойной морали или двойного стандарта. Вот как отмечал все тот же Бахтин. Он писал, что женщина в райской традиции связана с материально-телесным низом, она воплощение этого низа, одновременно и снижающего и возрождающего. Иными словами, женщина задирает юбки, показывая место, куда все уходит и откуда все приходит, ибо это на грани рождения и смерти. Разумеется, гедонизм нельзя сводить к торжеству плотской физиологии, ибо это было бы таким же бездумием, каким бездумием является поиск девственности в Париже на знаменитой улице Сен Дени. Древние греки тоже называли такие сексуальные отношения гедонизмом.

Третий тип отношений можете назвать рекреационным. Люди, которые вступают в нелегитимные отношения, чаще всего оправдывают эти отношения, реже относятся к ним амбивалентно. Мотивы вступления в эти отношения в равной мере сексуальное влечение и любопытство. Партнер, мужчина-женщина, значительно старше по возрасту, и, как правило, отличен по социальному статусу, или, в меньшей степени, женатый мужчина, замужняя женщина. В эти отношениях особенно ценится широкий диапазон сексуальной дозволенности и обучаемости и, самое главное, отсутствие сколько-нибудь твердых взаимных обязательств. Попросту говоря, рекреационные отношения менее экспрессивны, чем гедонистические, они уравнивают психику и расслабляюще воздействуют на физиологию, создавая тем самым иллюзию полной оторренности от повседневных проблем. Чтобы было понятно, тем более, что это очень распространенный тип, я попытаюсь это проиллюстриро-

вать на таком литературном рассказе. У современного английского писателя одного есть такой рассказ, который называется «Эксперимент». Речь идет о том, что во Францию приезжает англичанин, попадает случайным образом в общество, где обсуждаются эти проблемы, в общество сюрреалистов. Вы, наверное, знаете, что англичане и французы очень ревниво относятся друг к другу, подшучивают, у них есть большие различия в нравственном облике и повседневных проблемах. И вот попадает англичанин в это общество, там обсуждаются проблемы сексуальности. Задается очень много вопросов. И самое главное, что интересует сюрреалистов, они хотят экспериментально проверить, чем отличается сексуальная связь с французенкой от англичанки. Англичанину предлагается за два дня вступить в сексуальную связь с французенкой и англичанкой. Вступая в связь, он должен с ними не говорить ни о чем и в то же самое время у него должны быть завязаны глаза. И, вступая в отношения с англичанкой, сможет ли он их отличить от отношений с французенкой. Далее строится это так, что показывается, как встретился этот человек с двумя женщинами, но когда автор этого рассказа, который выступает как племянник, пытается у него выяснить, чем же отличается французенка от англичанки, то ответа он не получает. Но автор приводит такую параллель, которая дает возможность это выяснить. Он говорит следующее – к нам, любителям дегустации алкогольных напитков, приехал знаменитый специалист и рассказал одну курьезную вещь. Если взять одну большую бутылку объемом в две кварты, разлить содержание в две бутылки и провести дегустацию вслепую, то по экспериментальным данным даже самые изощренные знатоки крайне редко догадываются, что на самом деле в этих бутылках одно и то же вино. Участники дегустации предполагают, что им подадут непременно разные вина и вкусовые ощущения это подтверждают. Очень показательный эксперимент, заметила специалист, и сбоев почти не бывает. Вот так был получен ответ на загадку сюрреалистов. Ни французенку от англичанки, ни якутку от русской невозможно отличить в близких рекреационных малоэтническиокрашенных отношениях при условии, что они лишены вербальных и визуальных контактов с партнером. Поэтому в этих отношениях соучастники мало различаются, да и расслабления такого не требуется.

Четвертый тип, который можно назвать любопытно-познавательным. Здесь, как правило, отсутствует однозначная позитивная или негативная оценка возможности сексуальных контактов вне границ брака. Ведущий мотив, и это самое главное, любопытство. Партнер по преимуществу – приятель или приятельница. Такого рода отношения редко опираются на

избирательность и являются средством познания, удовлетворением сексуального любопытства, или, как это называется в сексологии, вуайеризм или подглядывание. В юношеском возрасте и мальчики и девочки очень любят подглядывать за интимными или сексуальными отношениями друг друга. Я опять приведу литературный пример. Это повесть, очень известная повесть Свифта «Последнее распоряжение». Диалог двух героев. Подросток попросил подругу – покажи мне свою дырочку. А она сказала – нет. А она ответила, если ты покажешь свою тоже. Я ответил, что у меня пруттик. Но ведь там тоже есть дырочка. Я промолчал. Тогда она сказала – Ну? И лицо у нее было совсем взрослое, серьезное. Я подумал, она и на девочку не похожа, она как женщина, у которой есть свои мысли. Я задрал штанину своих шорт, быстро, всего на пол секунды, но она сказала: Еще, точно скомандовала. Посмотрела, потом взяла его рукой, точно прощупала, словно пришла в магазин, выбирая какой-нибудь овощ. И тогда я ударил ее – не лапай. Этот рассказ показывает, как в этом возрасте характерно для подростков, которые проходят стадию сексуального созревания. Эта стадия хорошо описана в воспоминаниях выдающегося английского философа, лауреата Нобелевской премии, Рассела. У Рассела есть воспоминания о своем детстве, где он описывает, как он в 13-14 лет, а Рассел был воспитан на очень строгих нравственных принципах, как они прорыли большую комнату подземную, из которой подглядывали за своей же служанкой.

Пятый тип – релаксационный, от слова «релаксация». По сути своей эти самые релаксационные отношения максимально отчуждены и по своему характеру напоминают проституцию. Здесь нет купли-продажи тела, а все остальное очень напоминает эти отношения. Юноши и девушки, вовлеченные в эти контакты, вопреки своим моральным установкам, потому что большинство из них осуждают возможность нелегитимных отношений. Эмоционально индифферентны. У них нет или не сформировалась избирательность. Партнеры могут быть как женатые, так и не женатые. Во всяком случае, всегда старше по возрасту, гетерогенные по социально-культурному статусу. Примитивна у них шкала побудительных мотивов – от любопытства до соблазнения и случайности. Индивиды, которые придерживаются релаксационного стандарта, используют разветвленные, но малоустойчивые сети и поэтому о деятельности партнеров в других сферах, кроме сексуальной, не проявляют никакого интереса. Надо ли удивляться, что здесь очень часто меняются партнеры. Скажем, я проводил интервью в закрытых клиниках, где как раз выяснял эти отношения. Так вот эти самые релаксационные связи по своей сути пандемоничны. Те, кто читал «Пир» знают, что там речь идет о том, что есть две богини любви, две Аф-

родиты. Одна богиня любви небесная, она поощряет любовь возвышенную, а другая Афродита, Пандемос, всенародная, пошлая, это пошлая любовь, которая приводит к деторождению. Соответственно у этих двух богинь любви есть два эроса, бога любви.

Я думаю, что в результате такой типологизации, есть два осязаемых, прогрессивных в этом смысле явления. Во-первых, мы с вами смогли поискать принципы сексуальной нормы. При этом перейти от традиционного критерия, который является дихотомным, брак - не брак, к коллективистскому, к континуальному, который строится на основании коллективистских ценностей, то есть уровнях духовной и эмоциональной вовлеченности. Этот переход дает нам возможность насытить весь пейзаж, сменить единообразие, полифонизм и заполнить все это поле. Второе, что дает нам этот анализ, что в повседневной практике эротической, теперь представлены не в виде отдельных фрагментов, дебюта, количество партнеров, мотивов и т.д., а сочетанием этих значимых элементов в совокупности. И третье, что очень важно, это то, что приоткрылась возможности сопоставления во времени изменения баланса тех или иных стандартов и, следовательно, воспроизведение совокупного состояния нравственности. Потому что, когда мы по отдельности развиваем отдельные фрагменты, то складывается впечатление, что современное состояние чем-то хуже, чем состояние 10-летней давности. А когда мы сопоставим эти типы, то мы видим, что происходит не такое уж простое изменение. Здесь у нас 1965 – 1995 гг. Тут можно проследить тенденцию. Поэтому этот анализ показывает, что то, что происходит в этой области идет в позитивную сторону, и ничего негативного нельзя сказать о современной молодежи, она становится намного лучше, чем она была 10-12 лет назад. Конечно, к этому надо относиться не с абсолютным доверием, а только относительно, но все-таки тенденция четко улавливается. Это проверялось на всех слоях населения. Конечно, процессы разнятся, но все-таки не настолько, чтобы можно было сказать, что в мегаполисе происходят процессы, отличные от процессов, которые происходят в среднем городе.

Все эпохи, начиная с Древней Греции, создавали свои великие теории сердечных чувств. Пример опять-таки все того же Платона. Можно расширить это представительство, об этом писал так же Плутарх. Диалог называется «Две любви», где рассказывается о преимуществах гетеросексуальных отношений по сравнению гомосексуальными отношениями. Поэтому неиссякаемый интерес мыслителей к скрытому смыслу любви не трудно понять. Любовь несомненно затрагивает внутренний мир человека и она в известном смысле есть явление совершенства. При этом,

не будем путать два понятия – любовь и эротика. Любовь, в отличие от эротики, индивидуальна, она обращена не к коллективу, а к индивидуальному человеку. Эротика, напротив, социальна, и самая древняя и распространенная ее форма – это различные коллективные церемониалы. Например, оргии, римские вакханалии, средневековые карнавалы, или на Руси, день Ивана Купалы. Еще с древних времен был такой знаменитый африканский Караболь, коллективные сексуальные отношения, которые в обычные дни запрещены. Понятно, что признание вечности любви не противоречит реальному многообразию коллектива. На самом деле в каждой эпохе, цивилизации, крупной этнической общности любовным отношениям придают определенную форму и регулируют их при помощи обычаев, ценностей, идеалов и т.д., делая ее тем самым элементом культуры исторической реальности. По этим признакам можно судить о смысле любви и кристаллизации человеческих переживаний. Казалось бы, мысль о разнообразии любовных культур совершенно банальна и тем не менее, в равной мере аналитики и обыватели главным образом почему-то ориентируются на одну лишь ее разновидность, на романтическую.

Для того, чтобы не быть голословным, я сошлюсь на одно авторитетное лицо – это знаменитый американский психоаналитик Пром. Он пишет следующее: в развитии следующих последних поколений всеобщим стало в западном мире понятие романтической любви. В США люди ищут романтической любви, переживаний, которые затем должны привести к браку. Но, тем не менее, есть два непонятных соображения. Во-первых, трудно говорить о романтичности в США. Во-вторых, мое замечание сводится к тому, что любовь не обязательно приводит к браку, и, наоборот, между любовью и браком есть большое противоречие. С другой стороны, надо согласиться с тем, что чем ближе мы к нашему времени, тем в большей степени роль личности, индивидуальности возрастает и количество запретов уменьшается. Поэтому глобализация приводит к деморализации отношений не только между людьми, но и между полами. Для того, чтобы показать, что давно люди понимали, что между браком и любовью есть определенные противоречия, я хочу сослаться на Фридриха Ницше. Об этом говорил не только он, но он прямо открыто об этом говорил. Он говорил, что институт брака упорно поддерживает веру, что любовь, хотя и страсть, как таковая способна продолжаться долго и что любовь, продолжающаяся всю жизнь, можно считать правильной. Все институты, которые дали страсти веру в ее продолжительность, и которые ручаются за ее продолжительность, вопреки самому свойству страсти, дали ей новое положение – тот, кто бывает охвачен

страстью, не считает ее принижением и опасностью для себя. Вспомните об институтах и обычаях, создавших из минуты наслаждения вечную верность, из искры гнева вечную месть. И говорит о том, что такое соотношение присуще только сверхчеловеку.

Итак, я хочу показать, что несмотря на стремление к единообразию, все хотят романтической любви, есть большущая разница между этническими различиями протекания любви в разных культурах. Я остановлюсь только на трех культурах – на французской, на американской и на славянской. Принципы романтической любви или как еще ее называют, куртуазной любви, сложились в средние века в одной из провинций Прованса. Сражаться и любить было основными понятиями рыцаря. Аристократы в своем кругу придерживались воинских понятий. Рыцарский идеал не отличался интеллектом, зато он предполагал богатую эмоциональную жизнь, вплоть до экзальтации. Мужчины сохли по женщинам, теряли разум, если не сдерживали своего слова, нередко заливались слезами и т.д. Женщины могли лишиться чувств без всякого труда. Мораль старопровансальского дворянства была основана на признании прав природы и человеческих чувств. Любовь понималась не как грех, а как добродетель. Поэтому рыцари жили не во имя жизни и здоровья ил спасения души, а ради высшей милости у дамы. Поэтому феодал из Прованса говорил: Пусть мне не придется больше возлежать с моей дамой. Речь идет о любви отнюдь не платонической. В центре ее находится замужняя женщина, дама, и неженатый мужчина, рыцарь, юноша, обращает все свои взоры на замужнюю женщину. И он при этом думает, как бы овладеть этой женщиной. Правила куртуазной любви, воспроизводящие условия вассального контракта, по которому всегда сеньор обязан своему вассалу, и те же условия диктовались на отношения к даме сердца. Поэтому известно, что дама сердца не может располагать своим телом, оно принадлежит мужу и если он будет замечена в нарушении правил поведения, ее объявят виновной и подвергнут вместе с ее сообщником суровому наказанию. Но опасность игры давала ей особую пикантность. Ритуал приписывал женщине уступать рыцарю, но не сразу, умножая дозволенные ласки. И с тем, чтобы больше разжечь желание подчиненного. Сразу возникает вопрос, почему же придворная аристократия принимала правила этой игры в куртуазную любовь? Тут необходимо вспомнить правила мотримониального поведения. Дело в том, что всегда женили только старшего сына, это делалось только потому, чтобы земля не дробилась. Поэтому все остальные сыновья никогда не женились. Это не значит, что они не могли вступать в сексуальные отношения, они могли вступать в эти отношения с проститутками, с женщинами более низкого

уровня, но они были слишком доступными. И рыцарь хотел иметь эти отношения с замужней женщиной, с дамой сердца. Самое большое достоинство приписывалось тому молодому человеку, который завоевал сердце и овладел женщиной замужней. Мужчина должен быть смелым, мужественным и в этом ухаживании особая роль принадлежала женщине. Женщине нужно было быть смелой и осмительной больше, чем рыцарю. Потому что она при этом теряла все. По правилам игры падение женщины должно происходить постепенно и многообразным образом, она должны держать себя в руках, владеть своими чувствами, бороться со своими недостатками. Исходя из всего сказанного, думаю, не покажется неожиданным следующее резюме: романтическая любовь, во-первых, внебрачна, публична, предельно экспрессивна и жертвенна – вот четыре основные характеристики романтической любви ее идеального свойства.

Не стоит, конечно, заблуждаться. Со временем любовная модель, которая вышла из старопровансальского элитарного круга, претерпела значительные перемены. Она утратила свойства возвышенности и упростилась. Но, несмотря на это ее краеугольные камни остались прежними, т.е. спонтанность, манифестируемость и чувственность. Согласно исследованию Бахтина на всем пространстве Средневековья во время карнавалов галльское свободолюбие прорывалось сквозь церковные запреты. Поэтому в этих карнавальнх шествиях, фигурально выражаясь, проявлялось все в трех составляющих – в вине, обжорстве и страсти. Более того и современное поколение романских народов является продолжателями вот этой самой романтической любви, которая проявляется в открытости и спонтанности. И для иностранцев это проявление кажется непонятным. Был у нас такой писатель Некрасов, который написал «В окопах Сталинграда», он был выслан за границу и жил в Париже. И вот по воспоминаниям другого писателя, В. Некрасов долго прожил в Париже, вполне освоился, но никак не мог освоиться с тем, как себя ведут французские девушки и юноши. Он говорил, что на каждом шагу, в метро, в магазине, на улице останоятся, обнимутся, и ни с того, ни с сего целуются всасос. Надо подумать, в чем же привлекательность, почему мы все хотим романтической любви, в чем же привлекательность романтического идеала. Во-первых, романтический идеал привлекателен тем, что он открыт миру, в его основе лежит открытость не только миру, но и эмоциональному пиршеству. Во-вторых, здесь культивируется феминная загадочность женщины. Женщина в галльской традиции связана с материально-телесным низом, она воплощение этого низа, она не только воплощение снижающего, но и возвышающего.

На ином историческом фоне зародились любовные ценности буржуазной, особенно американской культуры. В отличие от рыцаря, который свой титул получал по наследству, буржуа всем обязан только себе, поэтому его установка обусловлена мерой его притязаний, трезвостью ума. Критерием добродетели в данном случае является полезность. Чтобы чего-нибудь добиться, нужно быть практичным, предприимчивым, трудолюбивым, бережливым. Работа без усталости – ключ к успеху, и требует обуздания всех тех сил, которые могут подорвать навязанную самому себе дисциплину. Жизнь, и в том числе приватная, должна подчиняться строго продуманному регламенту. Образцом такого буржуазного кодекса может служить кодекс, составленный Бенджаминем Франклином. По Франклину не нужно ни самоотречения, ни бесполезного умерщвления плоти. Между тем, сексуальному делу необходимо предаваться пореже, не более, чем это требует здоровье или воспроизводство потомства. Но отнюдь не до отупления или до истощения, и уже тем более не в ущерб собственному или чужому покою. В сущности, для порядочного буржуа, страсть, в силу ее неуправляемости, должна быть исключена из центральных его жизненных ценностей. Сексуальности отводится только две цели, с одной стороны, это прокреация, с другой релаксация. Был такой ученый, который сравнивал американскую культуру с южноамериканской культурой. Он говорит о том, что в американской традиции тело не источник наслаждения, а залог здоровья и труда, причем залог как в материальном, так и в моральном смысле. Деторождение – это функция брака. При выборе жены надо раскрывать глаза пошире, а выбрав жену, надо зажмуриться. То есть, сам виноват, то, что ты выбрал, сам выбрал. Главное в жене – ее житейские качества. Принципиальные возможности релаксации более широкие, но практические соображения, чтобы не выходить за рамки прагматизма, нужно ограничиться женой и проституткой. Только с женой и проституткой возможна релаксация. Очевидно поэтому периоду расцвета капитализма соответствует самый высокий всплеск проституции, который приходится на конец XVIII – начало XIX вв., и романтическая любовь сменяется прагматической. И радикальные сдвиги XX в. тоже повлияли на модернизацию и некоторое изменение, однако ее фундаментальность и прагматичность остались теми же самыми. Статья «Кухня и тело», сравнение сексуальности с кухней. Традиционная американская кухня не знает такого понятия как удовольствие. Не удовольствие, а здоровье, не переключка вкусов, а удовлетворение потребностей – вот главная здешняя ценность. Отдать жизнь труду и спорту, каждый из которых исключает сексуальное наслаждение. Это практически то же самое...

А.А. Овсянников
СОЦИОЛОГИЯ БРЭНДИНГА В МАРКЕТИНГЕ

Введение

В большей степени я буду говорить о политическом маркетинге, а не о коммерческом. Я продемонстрирую педагогическую технологию на заявленной теме. В этом смысле вы получите определенный ассортимент знаний и пониманий, что такое брэндинг в маркетинге, в частности, в политическом, но я хочу при этом еще сказать, как выстраивается вообще педагогическая практика. Я хочу перед тем, как раскрыть заявленную тему, объясниться с вами. Как вы думаете, чем профессор отличается от аспиранта? Аспирант хотел бы и хочет потрясти присутствующую аудиторию своими знаниями, какой он умный. Профессор не нуждается в этих потрясениях, он не нуждается в доказательствах того, что он умный, он нуждается в другом – профессор хотел бы быть понятым. Здесь принципиальная глубинная разница. Присутствующие здесь аспиранты, которые пытаются себя на ниве педагогики, должны это сразу понять. Разница здесь – фундаментальное преодоление сомнений. И хотелось бы, чтобы это время было как можно быстрее пережито, чтобы вы стали понимать, что научить знаниям просто, научить пониманию сложнее. Первый вывод, который я хотел бы, чтобы вы сделали. Педагог выше профессиональной школы. Он должен знать свой предмет. Двери студенческой аудитории наглухо закрыты для такого человека, который не знает предмет. Знать предмет обязательно. Должен читать книжки, статьи, самому пописывать, бесспорно, исследовательская работа. Вы должны показывать тот или иной предмет, раскрывая его, как бы вот, «сейчас мы это сделали». Последняя работа, в которой я участвовал и делал вместе с присутствующими здесь коллегами – «Диалог о власти». Уверю вас, я имел фантастический успех в Москве, в любой аудитории, когда я пересказывал только небольшие фрагменты из этих работ. Это живая работа, это только что. Это демонстрация практикующего педагога. В высшей школе нет профессиональных педагогов, потому что все мы что-то заканчивали, то ли социологический факультет, то ли что-то другое. Педагогике нас не учили, и поэтому, слава Богу, что в Нижегородском университете завелся такой семинарчик, где можно сказать о неких педагогических вещах, о которых нужно знать. Итак, знание предмета обязательно, но недостаточно. Можно сказать, что для педагогического успеха я знаниям отвожу процентов 30. А что остальные 70 процентов? Академик Холмогоров был блистательным специалистом в области матема-

тической статистики и теории вероятностей, он заведовал пожизненно кафедрой теории вероятностей на мехмате МГУ. Но он был очень плохим преподавателем. Через некоторое время его сняли с поточных лекций для студентов, отдали ему только аспирантов, но через некоторое время у него и аспирантов забрали. Только индивидуальные консультации при работе с некоторыми студентами и аспирантами. Знаний была груда, а подать эти знания он не умел. Он увлекался и, показывая какую-нибудь теорему, он тут же передумывал и показывал другой вариант доказательства какой-нибудь теоремы, причем на самом высоком уровне, что аудитория просто дурела через пять минут, а через 6 минут вообще никто из аудитории не понимал, что он хочет сделать. Честно признаться, и академик сам не знал, что из этого выйдет, потому что он впервые решил по-другому доказать какую-то теорему. Знать обязательно нужно, но этого мало. Я еще не ответил на главнейший вопрос введения в предмет — чем «знать» отличается от «понимать»? Понимать – это ответить на вопрос не *что*, а *что такое*? Какая сегодня температура – это я знаю. А когда вы мне зададите вопрос почему, понимаю ли я. Понимаешь, если можешь объяснить. Если человек понимает, он очень просто объяснит самую сложную, самую, казалось бы, потрясающую вещь. Почему в Экклезиасте сказано, что от многих знаний многие печали? Понимание основано на том, что в голове есть что? В голове должна быть теория, наука – продукт интеллектуальных усилий, если у вас есть в голове модель, вы это знаете. Это означает, что у вас в голове есть упаковочный ящик. Имеется в виду такой ящик, в который тару сдают, там клеточки и проч. Преподаватель не имеет права входить в аудиторию, если у него в голове нет модели предмета, который он собирается изложить. Если у него в голове нет модели предмета своего курса, если нет объекта, который он в течение семестра хотел бы изложить, он будет только продуцировать знания, репродуцировать знания – столько-то процентов здесь, столько-то там, эти любят, эти не любят. Социологи любят завалить народ знаниями, понимания это не прибавляет. Это как раз и есть тема экклезиастовского – от многих знаний многие печали. И тут как раз возникает сакральный вывод, сделанный блистательно Тютчевым. Но социолог, который цитирует «Умом Россию не понять ... в Россию можно только верить», одновременно расписывается в собственном неумении и непрофессионализме. Знать-то мы знаем много о российских Палестинах, но людей, которые понимают, что здесь происходит, единицы, потому что мало людей, у которых есть модель социального процесса, происходящего в России. В Нижнем Новгороде таких людей в пересчете на пальцы. Не хватает. Модель – это упаковочный ящик, который упаков-

выводит знания, факты, логику причинно-следственных связей. Я не мыслю себе вхождение в аудиторию, если я чего-то не понимаю, а это означает, что у меня нет модели, которую я могу на пальцах нарисовать. Я на первом же занятии начинаю объяснять системное ядро, предметное ядро темы, в течение семестра которую будем изучать. Вот веточки, так все увязано между собой. Остальное нет. Это дает вам знание того, чего вы не знаете. Невежество – это как? Это незнание того, чего вы не знаете. Я раскрываю это незнание, я не даю знание и не обязан давать знание, потому что такие пухлые груды книг. Конечно, я могу работать, как самосвал, все расскажу. Увязки нет в надежде, что это все как-то в головах рассосется и вы сами там все это увяжете. Нет, извините, если вы сами не понимаете, то с какой стати студенты поймут, и его как-то осенит, как это все увяжется в межпредметной связи. Это я вам расскажу, как все увязано, я скажу, что я вам дам, остальное – сами, если захотите. Не захотите, Бог с вами, но я решил свою педагогическую задачу. Я вам сказал, что вы не знаете. А дальше сами. Невежество – это незнание того, чего я не знаю. Я знаю, что есть Франция, я знаю, что есть французский язык. Я французский язык не знаю. Теоретически есть шанс, что я его выучу. Но я не невежественный человек, я знаю, что во Франции есть французский язык, которого я не знаю. Конечно, тяжелее ситуация, когда я не знаю, что есть Франция и что есть французский язык. Незнание того, чего вы не знаете. Модель и модельная педагогика позволяет сказать, чего вы не знаете. И я не буду вам этого объяснять, сами узнаете, но модель уже есть.

Итак, первое очевидное обстоятельство – вы должны знать предмет. Второе – аспирант так и останавливается на уровне знаний и пытается потрясти аудиторию своими знаниями, профессор уже обязан понимать сам, что он преподает. Это означает, что в начале он обязан рассказать о модели и далее показать какие-то элементы. Все остальное на самостоятельную работу. Но вы хотя бы будете знать, чего вам надо узнать, а не просто так – еще прочитаю, еще прочитаю. Голова пухнет от знаний. Англичане язвят – тонна информации равна килограмму знаний, и все это равно грамму понимания. Понимающих людей всего 10, 7, может быть, 5% — это люди, способные моделировать модели и способные апеллировать известными моделями, все остальное – знающие. Мы сейчас работаем с крупнейшей компанией. Я прочитал курс по коммерческому маркетингу, и ко мне подошел человек, который представился заместителем директора департамента по маркетингу в Связынвест – «Вы то все знаете, что я вам рассказываю!» – «Знаю, но не понимаю». Как только вы начинаете апеллировать моделями, вы переходите в высшую

лигу, вы становитесь профессором. Вам уже не интересно потрясти грудой знаний и миллион прочитанных книг, пересказывая их. Вы это уже все упаковали. Встретили бабушку на улице. Она вас спрашивает – что такое брэндинг, и вы ей объясняете очень просто. Третье обстоятельство, чрезвычайно важное для педагогического успеха, и об этом, как правило, не говорят, то ли стесняются, то ли не удобно: педагог должен быть артистом. Педагог обязан быть артистом. Я уже вам объяснял, Холмогоров был великим ученым, но очень плохим педагогом, потому что знал и, наверное, понимал, но как артист он был плох. Артист – демонстративная личность, он не имеет права уйти в себя, он обязан реагировать на вас. Юрий Владимирович Никулин, я читаю сейчас его мемуары, о его карьере артистической, это серия «Мой 20 век». Никулин описывает случай, когда он поступал в театральное училище, не всегда успешно. Он описывает один случай: одной девице председательствующий говорит – сыграй мне роль воровки. Реакция была мгновенная. И следующее, что услышал от нее, это – «Вы не имеете права, я в партком пойду, вы не имеете права заставлять играть такие аморальные роли». Члены комиссии переглянулись, может, и правда, они не имеют права заставлять поступающих выполнять такие задания. Девица удалилась. И только после ее ухода председательствующий вдруг неожиданно заметил, что у него со стола пропали часы. Девица блистательно сыграла. Он должен играть эти роли. И вот на этом, – понимает и лицедействует, – непременно появляется и мотив, стимул, это интересно. Учеба должна доставлять удовольствие. Самое унижительное для преподавателя – это когда вы поймете, что, ну сколько в этой аудитории, человек двадцать, это 20 цитат. Все они будут пересказывать вас. Какое-то время это доставляет удовольствие, а потом начинает раздражать. Потому что вы начинаете понимать, что вы где-то там глупость сморозили, а они все записали и теперь пересказывают. Вам неудобно, а поправить ошибку уже не можете. Я уже лет пятнадцать такого не делаю. Один из приемов – у каждого открывается счет. Я даю задачу для домашней работы, или связанную с решением какой-то предметной задачи, социологической или маркетинговой, и каждая задача исчисляется каким-то числом баллов. Набираете 100 баллов и свободны. Я эти работы проверяю, я могу поощрить, или вернуть на доработку, или понизить оценку. Но в течение семестра у каждого накапливаются очки. Каждый день вы знаете, сколько вы имеете в данный момент. Это означает, что средние способности, средняя продуктивность и прилежание студентов, нормальная работа. Здесь нечасто, но иногда у меня возникает ситуация соревнования. Я даю задачи баллов на 300, на 400, сделать нужно на сто. Какие, вы сами

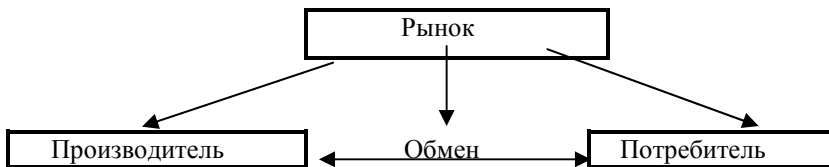
выбираете, когда их делать, вы сами выбираете, к концу семестра сдать. Словами не надо, мне надо, чтобы было рукомысленно. Здесь решаются две педагогические задачи. Во-первых, мотивация – соревнование. Во-вторых, уровень педагогического самодурства резко снижается. Третье – всяк, кто хоть какое-то представление имеет о психологии, должен понимать, что вербальная память и моторная память – это разная память. Вербальная – через неделю все забывается, даже фамилия преподавателя, но если руками что-то сделать, то не забудешь никогда. Уверяю вас, что с детьми работать проще. По рейтингам уже на протяжении большого количества времени я веду лучшие группы. Делайте опыты, участвуйте в проектах. Понимать, выстраивайте модели, системы. Или манипулировать различными моделями для объяснения какого-то факта. И студентам ничего не надо объяснять. Игра сводится к чему? Давайте, придумайте модель. События 11 сентября. Межцивилизационный конфликт, классовое противостояние Маркса. 2 сентября в стенах нашего университета побывал Юрий Михайлович Лужков. Он выступил с лекцией откровенно антиглобалистского содержания, когда говорил о том, что есть страны, которые пытаются диктовать волю другим, и униженным странам нет никаких шансов на процветание. Мы вам лепрозорий построим, но только к нам не лезьте. Разве события 11 сентября не являются реакцией этого угнетенного мира? Это уже классовая марксовская трактовка этого события. Далее, обмен социальными знаками, символами, если это так, то конечно две эти башни были символами цивилизационного мира, который построили американцы. Если это так, то целью было убить Америку, и Америка сейчас мертва, с точки зрения символического интеракционизма. Символ, знаки могущества. Афганистан уже просто на коленях, Ирак является символом якобы террористического мира, его бомбят. Хомейни, который прославляет героев, которые ввели эти самолеты на башни, ну согласитесь, что это тоже модель героического детерминизма. Зоя Космодемьянская тоже была героиней, но когда арабы взрывают своего врага, жертвуя своей жизнью, для американцев террористы – гады, для людей, для народов своих они герои. Их имена навеки записаны в святцы, и это не кусочек какого-то мертвого мира, это мусульманский мир, это миллиарды верующих людей. И когда я вчера прочитал в «Известиях» статью о том, что каждый мальчик Палестины мечтает умереть, мечтает взорваться с этими ненавистными евреями, и все, кто погиб в этой войне, взрывая еврейские автобусы, это герои. Мир, одновременно со скорбью по убиенным Америки, одновременно радуется этому, прославляя героев которые направили эти боинги на эти небоскребы как на символ ненавистного врага. Социолог обязан это по-

нимать. Если он этого не понимает и занимает только одну «правильную» точку зрения, то он занимается непонятно чем.

Я был искренним, я не лукавил, я выказал вам свою педагогическую конструкцию. Это конструкция направлена на то, чтобы студенты чего-то научились понимать и искусственно реализовывать полученные профессиональные навыки на практике. И, конечно, мне очень важно, чтобы у них возникало желание самостоятельно работать. Здесь, конечно, я пытаюсь реализовать концепцию педагогики сотрудничества, а не педагогики авторитарной. Хотя вы понимаете, что авторитарного ресурса у любого педагога полно.

Лекция 1. Брэндинг в маркетинге

Я непременно, говоря о маркетинге, поговорю о лингвистическом смысле слова. Это означает рынок. И вот здесь я хотел бы, чтобы уважаемые коллеги, которые выстраивают педагогическую карьеру, чтобы вы понимали, что на первом же занятии очень важно шокировать аудиторию. Шокировать каким образом? Не надо говорить о том, зачем вы здесь собрались. Это можно сделать так. Маркетинг я читаю на третьем курсе экономического факультета. У них там с английским все в порядке. Маркетинг от какого слова? Только что я вам объяснял, что любую сложную систему системно-мыслящий, понимающий человек объяснит элементарно. Я объясняю, что все-таки маркетинг – это рынок. Он декомпозируется на три составляющие, и есть глобальные переменные. Дальнейшие декомпозиции могут быть, и поэтому в этом списке все к рынку относится, но только не в тех местах. Как у Райкина, сила в словах есть, но слова эти расставлены не в тех местах.

Два продуцента – производитель и потребитель. Можно другие вещи говорить – производитель и продавец, между производителем и продавцом есть разница, но эта разница обусловлена тем, что там есть система дистрибуций, движений товара от производителя к потребителю, конечным элементом дистрибуций является продавец. Но это все по одну

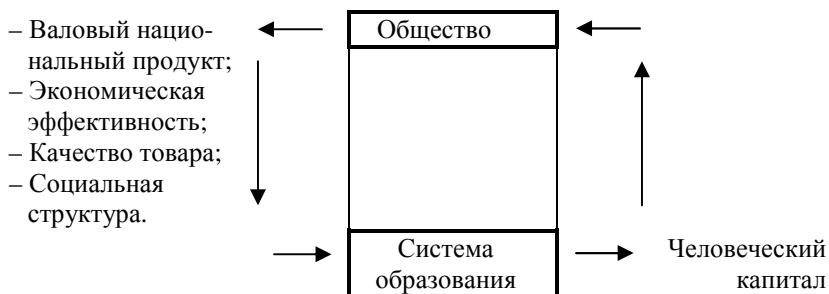
сторону барьера. По другую сторону барьера продавец или покупатель. А что в середине? Товар. Товар – это вещь, выставленная на продажу. Как только вы сказали, что вы ее продаете, эта ручка перестала быть вещью, она стала товаром. Но и вы перестали быть слушателем, вы стали продавцом. Не может быть продавца без товара. Поэтому если вы продавца включили как системообразующий элемент, то это непременно ему вы отдаете товар. Если у вас нет товара, то вы не продавец, а просто гражданин. Что здесь? Обмен. Маркетинг – это любая деятельность, осуществляемая посредством обмена.

Тут становится ясно, что, оказывается, обмен может быть коммерческим, товарно-денежным, и некоммерческим, не товарно-денежным. Дальше я вам говорю, что я вам построю модель маркетинговых коммуникаций. Груда книжищ, которые валяются в библиотеках, на полках магазинов, и эта модель и является для меня основанием. Здесь очень важно показать то, в чем сильны присутствующие здесь сотрудники лаборатории и кафедры прикладной социологии, но может, и не знают, что это тоже маркетинг – это политический маркетинг.

Есть производитель политических услуг. Он – партия, организация, претендующая на власть. Она производит какие продукты? Она производит, во-первых, политического деятеля, это имидж, брэнд, образ деятеля, которого нужно, используя терминологию Димы Стрелкова, засунуть в головы своих потенциальных избирателей, чтобы вы про меня думали, что вы меня любить должны. Хотя на самом деле я гадкий. И образ Путина к Путину не имеет никакого отношения, к физическому Путину. И социологи поняли одну простую вещь, что политический рейтинг не имеет никакого отношения к политику. Он имеет отношение к кому? К потребителю политических услуг. Потребитель – это народ, которого раз в четыре года называют презрительно электоратом. Почему это имеет отношение ко мне? Потому что рейтинг политика – это мои чаяния, мои надежды, мои верования. И поэтому когда рейтинг поддержки Ельцина скатился вниз с 32% в 1996 году до 0,5% и он ушел с ненавистью. Черным героем российской истории является Ельцин, так это что означает – это означает мои убитые чаяния, моя убитая вера.

Мы говорим с вами о некоммерческом маркетинге. Есть производитель политического ресурса, есть потребитель политического ресурса. Любой социальный маркетинг основан на обмене социальными ресурсами. Дальше читайте Питера Блау, теория социального обмена, когда обмен любыми социальными ресурсами есть маркетинг. Я люблю схему социального обмена, поэтому отвлекусь, чтобы еще раз продемонстрировать модельность, обязательную модельность любого педагогического

действия. Потому что когда я пытаюсь объяснить кому-нибудь и студентам в частности, а что происходит в системе образования. Образовательщик, образованец будет о системе образования говорить изнутри – педагог, учитель, студент какой пошел, неважный студент нынче, и такой аудитории об этом говорить самое милое дело. Но это примерный эффект, как говорить о вреде курения в среде некурящих. Зачем убеждать вас не курить, когда вы и так не курите. Чего вам говорит, что система образования переживает какие-то дела, если вы изнутри это все видите. Нет, я так не люблю. Каким образом я сделаю.

Я опять же выстрою в схеме социального обмена. Я вот здесь напишу общество, вот здесь система образования. Система образования производит что? Производит человеческий капитал, человеческий ресурс – это и культура, это и навыки, и знания, я и понимания, это и отношения. Этот человеческий капитал, конечно же, востребуется обществом. В результате общество со своими социальными институтами производит какой продукт? Прежде всего, экономика – валовый национальный продукт, экономическая эффективность, качество товара и конечно социальную структуру со всеми сопутствующими отношениями. И это все подстегивается через системы первичного распределения, как государственный бюджет, для финансирования системы образования и системы перераспределения через финансирование негосударственной системы образования. И вот эта модель богатейшая для анализа. В чем ее богатство? Потому что когда начнут говорить: мы хорошие, мы умные, я говорю, чего хорошего, чего много? Вы на Волге на ГАЗовской ездили, вы ремонтировали ее, когда каждую неделю у вас что-то ломается? Японский автомобиль нуждается на протяжении своей эксплуатации в рамках ресурса в трех запасных частях. Американский автомобиль уже на 27 [месте]. Американцы проигрывают японцам в области автомобилестроения и сбрасывают потихоньку, демонтируют автомобильную от-

расль, потому что сейчас в автомобильной отрасли Америки заняты кто? Негры работают сейчас на сборочных линиях. Только немцы еще более-менее держатся. Они более-менее конкуренты с японцами. А наши... Сколько надо запасных частей? У меня хорошая машина ВАЗ 2111, но этим летом я замучился.

Я говорю не про автомобили. Плохие автомобили мы выпускаем только по той причине, что мы готовим плохих специалистов. Признайтесь в этом. У нас с экономикой плохо дело, потому что готовим дрянных экономистов, у нас не могут разобраться, что происходит в стране и не могут объяснить социальные технологии упорядочивания, гармонизации социальных отношений, потому что плохие социологи. Признайтесь в этом. Тогда это будет искренним, циничное заявление «если ты такой умный, почему же ты такой бедный».

Впрочем, есть еще одно обстоятельство. Мы производим, может быть, и неплохой человеческий капитал, но он не востребуется социальной практикой и области востребования социальной практики крайне ограничены. Это что? Языки, компьютер, нефть, газовые дела, PR, вот области, востребованные социальной практикой. Все, кто сегодня востребован и составляет ядро среднего класса, а это 6% населения страны, им удалось родиться лет 35-40 назад, они родились в хороших семьях, где оба родителя с высшим образованием, повезло, что родители отдали учиться их в спецшколы английского языка, потому что классические школы, как ранее, так и сейчас, никогда не подготовят человека, который бы знал английский язык. Никогда, и не пытайтесь строить иллюзии, что вам это удастся. Конечно же, им повезло, что они родились не только в хороших семьях, но и в хороших местах. Потому что если в деревне, да девочка, никаких шансов, никаких шансов, чтобы выстроить приличную карьеру, только крупный город. Хорошо, Москва. И мы видим, что из 6% среднего класса 60% – это Москва. В других регионах есть средний класс, но это принципиально другой средний класс. В Москве по-европейски сложившийся средний класс, то есть с устоявшимися социокультурными образцами поведения. В деревне тоже есть средний класс, но это совсем другой. Социальные практики отвергают хорошо подготовленный человеческий капитал.

Что получается. Если сюда – то это через некоторое время пьянство, наркотики, петля, когда вы поймете, что общество отвергает вас, вы никому не нужны. Или другой вариант, с одной стороны позитивный, эмиграция. Как бы страна «обомжачивается». С другой стороны, за державу обидно, а кто ее будет поднимать. У нас сейчас учится 300 студентов на 10 тыс. населения, перекрыли рекорд 1976 года. Но как учим? Ко-

го мы учим? И самое главное, удастся ли людям, обучающимся в наших университетах, состояться по избранной специальности. Из 100 ветеринаров только 2 будут работать по специальности. Из 100 педагогов, закончивших лингвистические педагогические вузы, только 4 будут работать в вузах. Из гуманитарных только 30%, из инженерных только 10%.

Смотрите, как меняется модель. Система образования, система вузов становится социальным холодильником. Люди любыми способами хотят запихнуть туда своих детей, чтобы они не портились: не матерятся, наркотики не предлагают, учат чему-то. Другое дело, что потом вы не определите то, чему вас учили, социальная практика отвергнет ваши знания, и вы будете обязаны переучиться. Но это вроде и хорошо, потому что эффективным, говорят, является второе высшее образование, а первое – деньги на ветер. А самое главное, сколько несчастий. И самое главное, что высшая школа перестала быть кузницей кадров, она стала играть другие социальные роли, это социальный оберег. Я хотел быть поэтом, я хотел быть артистом, я хотел быть математиком, а родители мне выбрали другую дорогу, и я обязан работать здесь. Вот смотрите, как только модель построилась, и сразу здесь ложатся, устраиваются груды знаний, которые вы знаете.

Теперь смотрите, вернемся к маркетингу. Я бы хотел вам показать вот такую модель.

Производитель	Товар, услуга Потребность, проблема	Потребитель
---------------	--	-------------

Потребитель – Продавец, а между ними прореха. Человек, который впервые стал говорить об обмене, и был маркетологом, политическим маркетологом, социальным ли маркетологом, с точки зрения Питера Блау, коммерческим ли маркетологом, с точки зрения товарно-денежного обмена и продвижения товара. И здесь я строю эту модель так. Я говорю о том, что, конечно же, производитель выходит на рынок с чем? Он выходит с товаром. Есть небольшое различие между товаром и услугами, но я не буду об этом говорить. В самом деле, с чем потребитель выходит на рынок? С нуждой, с потребностью, с проблемой. Нужда, проблема, потребность, желание приобрести. При этом речь идет не только о товарах, но и социальном ресурсе, чтобы человек проявился. Здесь важно показать, что вот эта нужда, желание приобрести товар – очень аморфное, очень непонятное образование. С тем, чтобы убедить аудиторию, что вы на этом хотите сделать бизнес. Приведу пример.

К моей жене обращается моя дочь: «Мам, купи **что-нибудь**». Пошли в город, шлялись, шлялись, купили ведро мороженого, колготки и т.д. Но вот это желание «купи чего-нибудь», это вот здесь и есть. Через некоторое время будет хотеться есть. Чувство, что надо перекусить, назреет, вот это и есть нужда, желание. Кто-то пойдет в Макдональдс, кто-то в ресторан, кто-то бутерброд съест. Масштабы разные, а желание одно. И вот на этом делать бизнес – глупость. Значит, нужны какие-то другие технологии. И вот здесь собственно маркетинг и начинается. Маркетингу очень важно мгновенно убедить студента, что материально-вещная ориентация потребителя – это невежество. Это даже не восемнадцатый век, это куда-то дальше. Потому что люди не покупают товар, и в политике люди не голосуют за физический символ, это было так давно, когда племя выбирало себе вождя, потому что каждый знал его. А здесь — вы с Путиным знакомы? Наверное, подавляющее большинство людей лично не знакомы с теми, кого будут выбирать. Откуда мнение? **Вы думаете или вас заставили думать**, что вы знаете их качества. Вы думаете, что вы знаете их качества. Кто помог вам приписать эти качества? Специалисты в области политического маркетинга и PR. Люди покупают свойства товаров. Это означает, что люди покупают какую-то характеристику товара, а какую?

Если мы сейчас с вами будем говорить, к примеру, об одежде, конечно, раньше не только в домаркетинговые, но в допромышленные времена люди покупали одежду, потому что она была утилитарно необходима, прежде всего чтобы защититься от холода. Конечно, признаемся, что одежда в утилитарном смысле нужна еще и для того, чтобы сокрыть наготу. Было бы крайне неприличным, если бы я пришел в аудиторию даже в шортах. Вот два утилитарных обстоятельства. Это означает, что люди покупают другие свойства одежды. Вам хочется быть эпатажным, вам хочется быть ярким, вам хочется, чтобы одежда была компактной, удобной, вам хочется выглядеть спортивно, элегантно. И вот здесь, уважаемые коллеги, как в любом маркетинге, очень важно знать, что любой товар обладает гигантским количеством свойств, но только очень важно разделить эти свойства на три группы. Первая группа – утилитарные свойства, вторая группа – экономические свойства: ресурс, цена, экономическая эффективность, третья, принципиально важное свойство, – свойство людей, которыми люди наделяют вещи, и эти свойства становятся через мифологию включенными в свойства вещей, и приобретая символ. Вы что, думаете искренне, что эта кофточка красива? Нет, кофточка не может быть красивой, красивой может быть дама в этой кофточке. Вы что, когда моете волосы, думаете только о чистоте? Тогда

можно мыть хозяйственным мылом. Вы хотите, чтобы волосы блестели, чтобы пахло, чтобы мальчики обращали внимание. Это вы что, искренне хотите меня убедить, что вот это вот банка шампуня обладает сексапильными качествами? Да вы меня за идиота держите! Ну что в этой банке сексапильного? Это девочка, которая вымоет волосы этим шампунем, будет нравиться. Это социокультурное явление. То, что красиво в одной культуре, некрасиво в другой. Мы воспитаны в европейской культуре, поэтому нам нравятся европейские костюмы.

То, что я вам сейчас сказал, это свойства людей, которые переносятся на вещи, когда они приобретают эти вещи, вы приобретаете дополнительные свойства людей. Вы это можете сделать осознанно или неосознанно. Потому что если я приеду в университет на своей ВАЗ 2111... я здесь отдам себе отчет, каким автомобилем я владею. Но если бы я приехал на BMW седьмой модели или на «Мерседесе» легендарно знаменитом шестисотом, это приехал важный человек. Это что, автомобиль важный? Чего там? Колеса. Автомобиль наделен характеристиками людей. Если бы я приехал на «запорожце», на меня бы оглянулись, кто это, что там. С одной стороны, часы командирские – это часы-деспоты. Часы меня заставят прийти. Эти часы будет носить только человек порядка, дисциплины. С другой стороны, есть часы где голое поле и две одинокие стрелочки. Есть еще круче часы, где стрелок вообще нет. А что там есть? Одинокая точка два раза в сутки огибает циферблат, теоретически время показывает, но если бы девица, которой я назначил встречу у памятника Минина с этими часами, она бы не пришла, как мы договаривались в 18 часов 14 минут 16 секунд, она опоздала бы на час.

Часы не обладают качеством ни обязательности, ни эпатажности. Я говорю о людях. Люди нагружают вещи свойствами, приобретая которые получают некий дополнительный личностный потенциал. Разница между вещами и людьми исчезает: вещи – люди, люди – вещи. Пиарщики вовремя поняли это, потому что в их технологиях люди становятся предметом, вещами. Я буду манипулировать вами так, и обладаю технологиями, что вы купите товар и проголосуете за того, потому что я наделю предмет ваших вожделиний свойствами, которые вам нужны. Вы это можете и не знать, потому что рациональный выбор – это дело 20% людей, способных выбирать рационально. Остальные иррациональны. Покупая ту или иную вещь, вы действуете иррационально, не можете объяснить, почему вы ее купили. За вас говорят вещи, которые вы покупаете. Вещи говорят больше, чем люди знают о себе. Маркетолог знает, какой атрибут в этой вещи является корневым, потому что это будет одновременно означать самопрезентацией. Регулярно в течение нескольких

лет мы получаем письма соблазнительного характера. В этих письмах говорится, что по результатам опросов какой-то там общественности в мире я признан одним из ста лучших специалистов. А когда было тысячелетие, я получил письмо, где было сказано, опять же со ссылкой на какую-то экспертную общественность, лучшим специалистом тысячелетия, одним из тысячи. В первом случае говорится, что если я пришлю 300 долларов, то мне пришлют сертификат, удостоверяющий это. А если я заплачу 500, то мне пришлют книгу, где я в списке среди 1000 лучших ученых тысячелетия. Вопрос: что в этом обмене является товаром? Что мне пытаются впарить? Ярмарка тщеславия. Мое же тщеславие превращают в товар, я покупаю и вешаю на стенку свое же тщеславие. Я когда захожу в кабинеты некоторых моих знакомых и друзей и вижу сертификаты... Я не купил. Скромнее оцениваю свои заслуги.

Товарами являются свойства вещей, которые мифологизируются и становятся товарами. Эта процедура мифологии, мифологизации свойства вещи и превращение ее в товар, в том числе и политический, называется брэндинг – это сотворение образа, имиджа, гудвилла и запечатление его в сознании. Чем сейчас занимаются политтехнологи и социологи, обслуживающие, их в стране? Пытаются найти черты будущего политического товара, в котором люди нуждаются. В конце 90-х гг. говорить о том, что я не люблю какой-либо народ, признавать, что я не люблю чеченцев, но в глубине души у российского обывателя это вызвало одобрение. Но я доподлинно знаю, с фамилиями даже знаю, как произошло, что В.В. Путин на международных переговорах в Казахстане, будучи в карьере полковником КГБ, то есть человеком сдержанным и умеющим дисциплинарно мыслить, и вот он там на переговорах заявил, что мы будем мочить чеченцев. Это что, оговорка? Я даже знаю, кто его заставил это сказать. И поэтому сейчас политические ателье только этим и занимаются. Как? Ну, вообще-то мы делаем социальный текст, не хуже, чем «мочить». Политические ателье пошьют, они найдут атрибуты нового политического деятеля, за которого люди проголосуют не потому, что он такой политический деятель, а потому, что у него есть качества необходимые. Потому что во времена, когда Путин выходил в президенты, мы фиксировали, что 3% поддержали бы атомную бомбардировку Чечни, 80% были за массовую репатриацию чеченцев, убить чеченца. В газетах стали появляться статьи, что чеченец недочеловек, выродец, этнически ублюдочная нация. Я писал статью, которую впервые в жизни с трудом опубликовали. Только «Новая газета» опубликовала. Если русские будут против чеченцев, то что же будет?

Итак, брэндинг – это технология, связанная с производством особого товара, этот товар не является результатом позиционирования, обусловленного чем? Мифологией того или иного свойства. И это свойство и является товаром. Если вы нашли свойство, не окупенное вашими конкурентами, вы открыли новый товар. То же самое в политике. Это действительно было гениально, с точки зрения профессионализма, находка – дать Путину оружие античеченской истерии. Вы пиво пьете? Я приведу пример, который для меня является одновременно синонимом двух слов – гениальность и тупость. Как объединить это? Допустим, «Клинское» – это молодежное пиво, появиться человеку моего возраста с Клинским пивом неприлично, потому что это все равно, что если бы я напялил адидасовские шорты своего сына или памперсы одел. Найти новый атрибут – это одновременно создать новый товар. Нашлись гениальные люди, которые тупо сообразили: пиво — оно же всегда с пробкой, Патра – пиво с пробкой. Хотя все другие с пробкой, никто пробку не мифологизировал, как Патра. Шампунь – это мыло, мыло – это химический продукт, являющийся растворителем жиров. И понятно, оно обладает кислотностью, кислотность варьирует в зависимости от жирных, нормальных и т.д. волос. Средняя кислота – pH 5.5. Гениально и тупо маркетологи «Джонсон и Джонсон» придумали это использовать в рекламе.

Итак, проблема позиционирования брэндинга – это не только проблема производителя товара, это его обязанность позиционировать товар и произвести еще, особый, дополнительный товар, не товар–вещь, но товар–образ, товар–бренд, который будет попадать на нужды, на потребности, на чаяния, осознаваемые или не осознаваемые потребителем, потому что люди покупают вещи, как правило, купил и все. Уровень брэндинга уже работает на уровне биологии. Здесь биологические механизмы принуждения к выбору моего товара, к выбору моего кандидата. Схема такова: человек – животное, млекопитающее. Это означает, люди обладают определенным набором инстинктов. Инстинкты – это программы поведения, неконтролируемые рассудком. Более того, рассудок, конечно, контролирует это поведение. Усилием воли я могу заставить себя действовать как-то. Но как правило, результат бывает плачевным. Все-таки, инстинкты – это программы поведения, реализуемые в жизненно важных для популяции обстоятельствах. Даже такой человек, как Овсянников, для природы не важен, а вот гомо сапиенс, как биологический вид, очень важен. И природа наделила всех набором инстинктов, наступающих, когда надо выжить. И у волков эти инстинкты. Конечно, волки и люди различаются, потому что люди социализируют свои инстинкты. Вопрос: Как называются инстинкты, социализированные,

окультуренные человеческой природой? Традиции – это и есть социализированная форма инстинктов. Вспоминаете Вебера о видах поведения. Конечно же, традиционное поведение он изучал как иррациональное поведение.

С удивлением я обнаружил описание удивительной традиции. Они ведь не писали вместе, они писали порознь. Наблюдая за племенами примитивных обществ, они написали удивительную вещь – девочка, ставшая девушкой, первой своей кровью красит губы, то есть она демонстрирует женщинам своего племени, что она готова к деторождению. Но при этом она демонстрирует и мужчинам своего племени, что она уже не девочка. Вот и все. Свойства вещей, мифологизируя, становятся товаром. Один из руководителей компании «Ревлон» заявил следующее – на заводах компании Ревлон мы делаем товар, в магазинах компании «Ревлон» мы продаем красоту. Когда я продаю помаду и т.д., я вызываю инстинкт самосохранения. Чтобы выжить, надо выглядеть, нужно все время быть, как в кольчуге, мы на социальной войне. Но при этом демонстрируя другие продукты, мы вызываем половой инстинкт. В любой коммерческой информации обязательно должен быть спусковой крючок возбуждения какого-нибудь инстинкта. Это означает, что рассудок устраняется из коммуникации. Политическая информация содержит спусковой крючок – какую-то информацию, знак, символ, который возбуждает какой-то инстинкт, это означает, что рассудок устраняется из той коммуникации, и информация с этим вот коммерческим политическим посланием закачивается в подсознание.

Я читал работы, в которых говорится, что когда вы уже беременны, слушайте музыку, ходите в театры, импринтинг уже в вас. Поэтому, когда мои друзья приглашают меня на банкеты по поводу защиты своих детей, мне понятно, почему это происходит. Их дети выросли в условиях книжного мира. Паустовский написал – самым большим воспитателем в нашей семье был тоненький слой света, который просачивался под дверь отцовского кабинета. Это импринтинг — технология ранней социализации, это образцы поведения, которые демонстрируют родители своим детям и дети впитывают их, потому что им не у кого больше брать примера. И здесь прямой с отмычкой вход в подсознание. Висит плакат – женская спина, на ней накинута красная вуаль, но это плакат содержит знак, символ, содержащий половой инстинкт. Через некоторое время другой плакат – женская спина, но оголенная, вуаль скинута до поясницы. Нагнетается знаковый символический ряд, который вызывает половой инстинкт. Третий плакат – банка кофе Нескафе в форме женской спины. Я кофе хотел вам продать, а вы что подумали? Девушка около хо-

лодильника, платьишко чуть-чуть просвечивает. Креативщик нарисовал эту девицу как символ, как знак, эта девица входит в подсознание, и вместе с этой девицей входит холодильник. Подсознание контролируется. Если хотите, единственное средство против чудовищной силы брэндинга – это рассудок. Тогда никакой политехнолог, никакой лукавый маркетолог не залезет вам в голову с использованием биологических отмычек.

Компания 1996 года строилась по откровенной классической технологии, где действовали два инстинкта. Я знаю тех людей, которые откровенно говорили, что в 1996 году ставилось целью отбить у людей мозги. Первый инстинкт – выживание, поэтому показывали черные плакаты с магазинами, где ничего нет, жрать нечего. Выпускались журналы «Не дай бог» со звериными рожами коммунистических деятелей, все лишь для того, чтобы напугать людей. И второй инстинкт – патриотизм, березки и т.д. Голосуй сердцем. Сердцем голосовать нельзя. Голосовать нужно головой. Голосовать надо умом. Еще один пример брэндинга. Национализм, патриотизм – традиция, основанная на инстинкте сохранения племени. Есть блистательные работы о том, как реализуется этот инстинкт у животных. Этот инстинкт настолько могущественен, что он может подавить инстинкт выживания. То есть, особи, и звери, и люди, могут жизни свои пожертвовать, чтобы выжило племя. Это мощный инстинкт. Американцы фактически захватили наш рынок сигарет. И смотрите, как американцы выстраивают технологию брэндинга. Они подают встречу двух космонавтов на луне. Статуя свободы с нахлобученной шапкой. Если бы такую рекламу подали в Америке, нарвались бы на неприятности, это символ, это знак. Американцы, эксплуатируя наш антиамериканизм, продают сигареты нам. Элементарно расшифровывается, как американцы эксплуатировали наш патриотизм и антиамериканизм. Кто такой Бочкарев? Да никто. Нет такого деятеля в русской истории. Более того, пиво «Бочкарев» — это пиво, производимое датско-голландской пивоваренной компанией. Инстинктивно я выбираю «Бочкарев». Две бутылки пива «Рабинович» и «Бочкарев». Осознанно или неосознанно я выбираю «Бочкарев». Мало того, что вы сделали товар. Вы должны этот товар позиционировать.

Брэнды делятся на две группы. Понимайте, что мы все забиты брэндингом. Если я завтра на свой «запорожец» нацеплю звезду, то значит что брэнд сработал. Самый дорогой брэнд – кока-кола. И поэтому если я на ваш нижегородский товар наклею кока-колу, вы будете пить и восхищаться. 33 миллиона долларов потрачено на брэнд кока-колы. Что это значит? Это значит, что 70% населения земного шара знают о кока-коле, как только вы испытываете чувство жажды, вы вспоминаете кока-колу.

Мы здесь с вами говорили — нужда, жажда, но на этом нельзя строить бизнес, это реализуется через технологию, которая называется сегментированием. Это означает, что всегда найдется малочисленный сегмент, который потребит максимальное количество товара. Везут на том, кто везет.

Лекция 2. Атрибуты бренда

Сегодня мы продолжаем сюжет, связанный с брэндингом. Учебно-методические дела – это означает, что, возможно, я буду раскрывать какие-то педагогические секреты. Я напоминаю, мы вчера говорили, что любой педагог обязан обладать тремя компонентами: он должен знать, уметь эти знания моделировать или, используя чужие модели, репродуцируя их, создавать свои модели с тем, чтобы подавать это студентам, слушателям, упаковывать знания в эти модели. Я года два вынашивал эту примитивную схему, которую я вчера нарисовал: производитель, потребитель и между ними четыре стрелочки. Что сложного? Два года думал – не мог придумать, как показать студентам, чтобы все стало понятно, и чтобы самому было понятно. Когда я придумал, я был самым счастливым человеком. Я носился с ней и всем показывал: посмотри, как здорово! Я гордился этим, потому что все стало понятно. Вы обязаны моделировать, только тогда вы будете понятными, только тогда вы поймете, чем аспирант отличается от профессора. Профессор может моделировать и показывает модели. И, конечно же, надо артистично подавать тот материал, который вы рассказываете. Кому-то это удастся – есть талантливые преподаватели, есть не очень.

С точки зрения маркетинга, мы с вами поговорили только о технологиях брэндинга, здесь мы с вами говорили о том, что товары создаются только при условии их позиционирования. Это означает, что все вещи мультиатрибутивны. Я бы вам посоветовал, хотя я знаю, что мой совет не очень хорош, но, тем не менее, если вам удастся найти книгу Жан-Жака Ламбена «Стратегия маркетинга», то вам крупно повезло. Это лучший учебник в мире по маркетингу, и там очень хорошо изложена современная теория товара (мультиатрибутивная теория товара). Эта книга хорошо иллюстрирована, хорошо переведена, фолиантного типа. Эта книга была издана в 1996 году 5000 тиражом в Санкт-Петербурге и не переиздавалась никогда. Мгновенно слетела с прилавков магазинов, и достать ее очень трудно. Произошли какие-то проблемы с издателями, очевидная странная история, по-видимому, с каким-то латентным кри-

миналом, но так она и осталась не переизданной. Она появилась в Интернете, но ее и оттуда изгнали, потому что это все равно публикация. Но ее можно найти. Это лучший учебник в мире, он и сделан с претензиями. Это не Котлер. Котлера читать не советую категорически. Я своим студентам говорю, что это книга, запрещенная для чтения, несмотря на то, что она подается как учебник и продается в невероятных количествах: имела 5 или 6 переизданий в России. Но это обычное продвижение товара. Котлера читать нельзя, потому что вы научитесь говорить о маркетинге, но ничего не сможете о нем сказать. Эта книга не методическая. Я бы вам советовал читать немцев: Швальбе, Хершген. Он француз, не немец, но он дидактически подает материал, с алгоритмами, с методиками, с образцами инструментариев в отличие от американцев, где вы ничего не найдете: ни методики, ни инструкций, ни алгоритмов, ни образцов инструментария – ничего нет. В том смысле, что «может быть вам еще ключ от квартиры, где деньги лежат?» Немцы в этом смысле педанты. Они же педагоги. В Германии есть слово «педагогика», а в Америке нет. Это означает дидактика, методика, алгоритмы.

Чтобы создать товар, необходимо найти, сделать усилия по поиску того или иного атрибута. Если вы нашли этот атрибут, это означает, что вы сделали первый шаг к тому, чтобы создать этот товар. Я вам приво-дил вчера пример того, что политический товар, который называется Владимир Путин, был создан на поиске одного тщательно скрываемого атрибута и, как только этот атрибут был найден, мгновенно появился Президент с этим атрибутом, с мифологией этого атрибута, и рейтинги его построены на этих упованиях. Сейчас происходят процессы его перетрансформации, они латентны, но они очевидны. Он уходит от образа Мистера Чеченская война. Но какой мундирчик будет выдвинут на следующие выборы, пока это тайна политических закройщиков.

Я приведу еще один пример тяжелой и скрупулезной работы, касаю-щейся поиска того или иного атрибута. Лет 10-12 назад произошла сен-сация на автомобильном рынке. Практически все ведущие автострои-тельные компании мира выпустили автомобили Седан с поднятой задней частью. У старых автомобилей ровные передняя и задняя части. Я знаю, что при этом была многолетняя работа, связанная с поиском атрибута нового концептуального автомобиля. Что для вас автомобиль? Маркето-логи уцепились за такие перспективные определения перспективной мо-дели автомобиля, как приемистость, хищность, быстрота. Как найти об-раз, который бы соответствовал этим словам. Прокручивались различ-ные сюжеты на фокус-группах. Маркетологи приходили с поля и гово-рили дизайнерам: сделай мне автомобиль как аллегория хищника, как

аллегию скорости, мощности. Это творческая работа. Маркетолог все сделал: нашел слово, нашел образ, но он не знает, как это сделать. Тогда дизайнеры начинают: ковыряли, ковыряли. Все в бронированных сейфах, все тайно, потому что это миллиардные идеи, связанные с тем, чтобы выйти первым на рынок с концептуально-новым автомобилем. Появились разработки. Появилась такая торпедистая, хищная, крысopodobная. Стали на очень таинственных фокус-группах обкатывать этот автомобиль. Напишите слова, с какими определениями связываете этот автомобиль. Мощность, хищность. Как только поняли, что угадали, только тогда дизайнеры отдали технологам: сделайте, превратите это в железо. Этим примером я хочу вам честно сказать, что модель, которую я нарисовал вам вчера, не очень-то верна. Неправильная вовсе. Признать собственные ошибки — это ведь хорошо. Вы должны были сообразить, что все не так. Я сказал, что производитель выходит на рынок с товаром (с политическим, с социальными благами, с товаром коммерческим). Здесь — надежды, чаянья. Потом вы позиционируете этот товар, то есть реализуете технологию брэндинга, идеализируя тот или иной атрибут в виде брэндинга, имиджа и т.д. То, что я вам сейчас сказал — никогда так не делается, делается все наоборот. Наоборот — это как? Это означает, что я вначале ищу. Я вначале нашел слово «хищник», потом дизайнеры мне нарисовали его, и только потом это все превращается в металл. И выходит автомобиль, и покупатель говорит: точно, я этого хотел. Это соответствует моему устремлению. Только так. И под это делается вещь. Это вначале политические технологи обнаружили, что Президент должен быть с каким-то набором идеального образа, идеального свойства, от которого электорат ахнет и скажет: точно, мы этого и хотели. И под это находится физический носитель будущих качеств, и не важно, обладает он этими качествами или не обладает. Хочешь быть во власти — будьешь обладать этими качествами. Не постеснялся же Миттеран, после того, как выдвинул себя на пост Президента Франции, послушать мнения маркетологов, которые ему сказали, что нужно сходить к дантисту полечить собственные зубы. У него были клыки, и когда он улыбался — это был волчий оскал. Ему сказали, что женщины просто шарахаются от таких улыбок. Тогда он выдрал здоровые зубы и поставил более или менее приличные. После этого женщины стали смотреть на него и говорить: ах, какой обаятельный. И проголосовали за него. Он два срока находился на этом посту. Вначале вы ищете образ, качества, потом мифологизируете и далее — Путин, Сидоров, мы вам тут нарисуем нужное под то, чего ожидает потенциальный потребитель. Ясно, да? Это я хотел бы, чтобы вы знали. Но на самом деле процесс брэндинга осуществляется так.

Язык брэндинга. Конечно, между производителем и потребителем выстраивается коммуникация. В маркетинге есть специальный раздел, достаточно хорошо представленный – маркетинговые коммуникации. Есть книжки. Я же веду экзотический курс в ВШЭ. О.И. Шкаратан мне предложил и придумал название курса. Я был лишь исполнителем. Мы поговорили с ним, и я согласился. Называется курс «Социология маркетинговых коммуникаций». Здесь есть действительно очень большая социологическая нагрузка.

Вчера наиболее пронзительные умы должны сообразить, когда я тут рассказывал по поводу того, что между вещами и людьми не такая большая разница. Вначале это кажется странным. Как это. Потому что вещи обладают человеческими качествами. Мир вещей давно очеловечен. И мода, и люди, стремящиеся к приобретению каких-либо качеств, могут это делать через приобретение вещей, которые нагружены этими качествами. Если вещи становятся обладателями человеческих качеств, социология маркетинговых организаций не о вещах вовсе, а о людях, которые приобретают те или иные вещи. В коммуникациях важен язык. Синтаксис этого языка состоит из 4 компонентов:

Первое. Товарный, фирменный знак. Бренд 1-го уровня. Бренд в изначальном его понимании как фирменный товарный знак. Вайсмана советовал бы почитать «Стратегия маркетинга и стратегия менеджмента». Два в одном. Книжечка небольшая, легко читается и умно написано. Первая часть – стратегия маркетинга, а вторая часть – стратегия менеджмента. Как реализовать с использованием менеджмента то, что вы сделали как маркетологи. Фолли «Энциклопедия символов» - советовал бы почитать, действительно энциклопедия. Фирменные, товарные знаки представлены там. Там, конечно, много и не товарного, но на 75% это фирменные и товарные знаки. Как правило, фирменный товарный знак — графический символ. Здесь я должен вас посвятить в одну тайну, которая до сих пор не решена. Эффективными фирменными и товарными знаками являются рунические знаки, т.е. то, что входит в набор так называемых рун: крест, звезда, круг, свастика, стрела, многоугольники. Руническими знаками мы называем знаки сакрализованные действующими религиями, или знаки, которые были когда-то сакрализованы, но эти религии исчезли. Руническая религия еще существует, но это отголоски религиозного сознания. Когда-то это было. Знаки остались. Одна из моих приятелей защитила докторскую диссертацию по психологии в МГУ. Вера Абраменкова. Хороший специалист, блистательный. Доктор социологии, защитила работу. Когда я еще работал в Гособразовании СССР. Меня министр Ягодин уговорил придти поработать и я 1987 году

принял его предложение. Мы заключили контракт на 5 лет. Меня назначили на должность Главного социолога Гособразовании СССР. Потом немного поработал, потом ушел в Международный университет. Где как раз был ректор МГУ, Г.А. Ягодин, до совершенно недавнего времени. Ему 75 лет, он ушел в отставку, оставив за собой деканство ВШЭ.

Так вот, Вера Абраменкова. В то время она делала удивительные опыты с детьми. Она детский психолог. Она защищала докторскую по возрастной психологии. Что такое мама, что такое война, что такое Чернобыль? В то время слово Чернобыль было более актуальное, чем сейчас. Сейчас тоже знают, но это уже переболело. Что такое папа, что такое лес, что такое река? При этом ответить на эти вопросы надо было с использованием рунических символов. Были анкеты, где были прописаны рунические символы, и нужно было выбрать рунические символы, которые соответствуют слову мама, папа, война. Если бы было так, что на слово мама каждая рисует свой символ, но почему, когда говорят слово мама, 80% детей рисуют круг? Явный экстремум. Вера пыталась это объяснить, я тоже пытался. Почему рунические символы обладают такими свойствами? Они легко проникают в подсознание и запоминают себя. Я вчера нарисовал вам эту загогулину (знак мерседес) и все поняли, о чем я говорю. Здесь два рунических знака: трехлучевая звезда и круг. Нарисуйте мне фирменный знак автомобиль ВАЗ? Лада, да, ну нарисуйте? Уважаемые коллеги, это проблема. Я многолетний водитель и у меня сейчас 2111, но я не нарисую – я не помню. Это не рунический символ. То, что вы нарисовали так, но не так. Крайслер, Тойота – элементарно. Пежо – будет проблемно. Я бы хотел, чтобы вы запомнили, что рунические символы обладают странным свойством – легко проникают в подсознание.

Второй элемент – логотип. Это или аббревиатура, или собственное имя, или слово. Уже не графически, а текстово символизирующие фирму или товар. Опель – фамилия, компания, логотип автомобиля. Это товар, принадлежащий компании. IBM – аббревиатура, и все знают, что это такое. Менатеп... был такой и сейчас есть Менатеп СПб. Задача господина Ходорковского заключалась в том, чтобы вывести деньги из под молота дефолта и не платить потенциальным должникам. Эти деньги были переведены через аффилированные структуры в банк Менатеп-Санкт-Петербург. Этот банк не был аффилированной компанией. Аффилированность – зависимость через связи рождения и учреждения компании. Я головной, у меня учрежденные компании – дочки, дочки учредили свои компании – внуки, внуки учредили свои компании и т.д. Эти правнучки или внуки мне не подчинены. Но они со мной аффилированы, потому

что я на дочек нажму, дочери на внучек, внучки на правнучек и т.д. Правнучки прибегут ко мне с поднятыми руками, но напрямую они от меня не зависят. Менатеп – это аббревиатура – международный научно-технический прогресс. Те, кто помнят историю, на улице Богдана Хмельницкого, д. 1, было здание центрального комитета комсомола и в этом здании был отдел научно-технического творчества молодежи и работали великие деятели нынешнего рынка, такие, как господин Ходорковский, Георгий Невзлин, Владислав Сурков, который ныне заместитель администрации Президента и многие другие. Они сначала фильмы крутили по Москве и по России. Потом получили очень выгодное письмо за подписью товарища Горбачева, когда им было разрешено покупать доллары в государственном банке по государственному курсу. Естественно, что торговали они по коммерческому курсу. В государственном банке 6 рублей, в то время как на черном рынке – 150 рублей. Неплохая прибавка к пенсии – 144 рэ. На этом были созданы гигантские имущества, в частности, и банк Менатеп. Фактически это плутократия. Мы с Иудиным А.А. в 1996 году делали исследование – социальный статус богатых. Там были прописаны технологии становления богатства в России. Тот механизм, который я вам сейчас рассказал – это плуто кратос (деньги под властью). Когда фактически идет приватизация государственных ресурсов. Логотипы – это аббревиатуры или слова, которые мифологизируют, запечатляются в виде образа компании или товара.

Товарные знаки и логотипы являются товарами и подлежат государственной регистрации. Государственной регистрации подлежат не только основные знаки, но и их модификации. Чем больше модификаций вы зарегистрируете, тем вам же будет лучше и спокойнее. Что такое модификация? Помните, одно время в России продавались туфли, которые назывались Саламандра. Это тайваньские туфли, там из картона подошва. Но Саламандры нет, есть Саламандер. Саламандер – это немцы, а Саламандра – это самопал. Помните, есть такая компания Adidas, а продавались товары Abidas. У нас, по собственным оценкам, хорошо владеют английским языком не более 5% населения. Кто мне может уверенно сказать, логотип Nike справа налево или слева направо? У меня костюм есть, каждый день я вижу эту эмблему, но не могу сказать точно. Если вы регистрируете товарный знак, то должны зарегистрировать и такой Nike, и такой, и Adidas, и Abidas. Если вы Sony, то вы должны зарегистрировать и Soni, и Cony. Так обложить себя, чтобы никто не смог покушаться на ваш товар. Обыватель будет думать, что это Сони. Это фальсификация, но при этом кусочек вашего бренда. Это воровство, если это

зарегистрировано, если это запатентовано. А если это не запатентовано, то это уже не воровство. Когда вы формируете логотип как лингвистический образ, как слова, я прошу вас тщательно лингвистически проверить это слово. Любые аббревиатуры вы должны составить и прокомбинировать. Уверяю вас, ваши конкуренты из очень хорошего названия придумают такое, что вы ахнете.

Никто не любит Березовского, он очень богат. Выходит на экраны фильм «Олигарх». Я бы посоветовал вам не только фильм. Я своим социологам советую книгу «Большая пайка», которую написал Дубов, один из подвижников Березовского. Он был генеральным директором Волговаза. Он знает Березовского и людей, которые окружали его. Изменены фамилии. Березовский прописан как Платонов. Есть много фамилий, напоминающих окружение Березовского. Мы читали книгу Драйзера и думали: рассадник капитализма, что деньги делают с людьми. Сейчас это у нас, потому что Юрий Дубов описывает судьбу людей при условии, когда появляются такие деньги, тогда нравственность, мораль исчезают. Друзья убивают друг друга. Это Отелло убивает Дездемону на почве страсти, а здесь – хладнокровный расчет, ничего личного. Я советую вам это прочитать, потому что хорошо написано и показана трансформация дружбы. Березовскому дали сценарий этой книги и предложили сыграть роль самого себя, он прочитал и отказался, сказал, что его жизнь не повторяется.

Есть некоторые книги, которые я считаю обязательными для социологов. Я назову вам еще пару книг, которые являются образцами неформализованного интервью. Это чаще всего эффективно, когда речь идет о латентных, о скрываемых обстоятельствах, о механизмах социального взаимодействия, там нет количественных оценок, но это обязательно должен быть специалист, эксперт. Когда мы изучали жизнь в советской тюрьме, а потом в российском лагере, для нас экспертами были выпущенные на свободу лица. Они знают культуру лагеря. Мы их интервьюировали. Фирма Рыбкина, продюсера Цоя. Все, что вы хотите узнать о современном шоу-бизнесе – там. Вы не ходите на Киркорова. Вы, конечно, ходите на Киркорова, но покупаете вы не его, а бренд. Вы любите слушать Алсу, но она однажды пооткровенничала и сказала, сколько стоит ее раскрутка. Ее отец выложил 40 млн. на раскрутку своей дочери – бренд, формирование образа. Мы покупаем этот бренд, слушаем. Почитайте, сколько это стоит и через что нужно пройти. Обязательно смотрите на свои логотипы. Вернемся к Березовскому. Он в своей империи имел банк «Объединенный банк». Не повторяйте его подвиг. Журналисты «Московского комсомольца» особенно не любили его и талантливо

показали Березовского как председателя: первые четыре буквы «объединенный» + «банк». Вслух это произнести нельзя. Все аббревиатуры тщательно проигрывайте. Партия ЯБЛоко учреждена тремя людьми: Явлинский, Болдырев и Лукин. Я Б Л, но это неправильно, т.к. они равные партнеры, надо по алфавиту. Такая аббревиатура – это вам надо? Проигрывайте, иначе это будет антибренд. Это формирование образа. Журналисты были снисходительны к этой партии и не распустили этот бренд.

Третий элемент – слоган. Это лозунг, олицетворяющий деятельность, миссию компании. Это элемент брендинга. Первыми придумали этот элемент специалисты компании Джeneral Электрик, выйдя на рынок с утверждением: «Вы – наш босс». Это была маркетинговая установка. Здесь я бы вам хотел сделать предупреждение: никогда не используйте как слоган религиозные тексты. Это запрещено законом по рекламе в России и не рекомендовано всемирной хартией рекламных агентств. Одновременно скажу, что не только слоганы, но и [использование] любых сюжетов религиозных текстов не рекомендовано во всемирном масштабе и запрещено в России. Последним спал Инт в Москве. У них был слоган «И последние станут первыми». Это из Экклезиаста. До этого была масса подобных слоганов. Года два назад в Москве был скандал, связанный с продвижением израильской авиационной компании. Послезавтра Иисус Христос будет бегать в кроссовках адидас, а через некоторое время Мохаммед будет говорить о пиве Клинском. Не лезьте в это дело. Вспоминайте иногда бедного Салмана Рушди, который до сих пор бегаёт по английским подвалам, потому что приговор Шаха никто еще не отменил. Любой правоверный обязан его убить. Он иронизировал в своих сатанинских стихах по поводу Аллаха. Бизнес и религия связаны, но в рекламных экспериментах не пользуйтесь этим. Самые длинные и самые кровопролитные войны в мире были религиозные.

Последний, четвертый элемент языка – это корпоративные шрифты и цвета. Сони пишется классическими буквами, нет модификаций. Вы их только зарегистрируете, но сами пользоваться не будете. IBM – классические буквы в бело-голубую полосочку. Язык маркетинговой коммуникации консервативен, как и любой язык. Я знаю только один случай, когда был сменен язык у одной очень солидной фирмы. «Голд стар – это LG». В течение года все фасады мировых столиц были обклеены этим лозунгом. Они решили выйти на новый уровень, и для этого решили изменить язык. Они потратили на это очень много денег. Это вбивалось в течение года и в неонах и в наружках. Не советую менять цвета и названия. Брендинг-инвестиционный процесс. В него надо вкладывать деньги. Это не расходы производственные. Это создание особенного товара.

Антибрендинг. Когда я вам говорил о позиционировании, о брендингах имел в виду, что это формирование позитивного образа или деятеля рынка или товара, который бы запечатлялся в сознании и преследовал цели побуждения к покупке. Существуют и отрицательные, негативные образы. Как при позиционировании избежать антибрендинга? Нужно, чтобы при формировании собственного имиджа не попасть в ситуацию, вызывающую отрицательные результаты.

Первое. Антибрендинг возникает в случаях использования скабрёзностей (похабщины). Я вчера пару примеров привел, связанных с эксплуатацией полового инстинкта. Кофе Нескафе – обнаженная женская спина. Мы с вами говорили о том, что это достаточно мощно эксплуатируемый механизм. Это знак, возбуждающий тот или иной инстинкт, знак отключает от коммуникации рассудок, открывает шлюзы подсознания, подсознание отключается. Не холодильник, а девица, но с холодильником. Нижний — интеллигентный город, Москва в этом смысле хамовата. Здесь много скабрёзности. Можно увидеть в средствах наружной рекламы в Москве. Антимонопольный комитет следит за соблюдением закона о рекламе, он по закону является надзирающим. Он запретил рекламу такого вида. Все вы знаете БиЛайн. В Москве нужно не менее 40 столбов вкопать, чтобы тебя заметили. Один столб стоит 600 долларов в месяц. Огромные плакаты: милая обнаженная часть женского тела ниже спины, на этой части две мужские руки и надпись «БиЛайн – у нас самая большая зона охвата». Конечно, скабрёзность, конечно, гадко.

Я был возмущен. Я разговаривал с агентством, которое делало эту рекламу. Они мне сказали: вы же сами учите студентов о том, что рекламное сообщение должно быть сегментировано, направлено на целевую аудиторию. Наша целевая аудитория – братки. Рядом с нашим университетом шикарный ресторан, но нам все сообщили, что после 6 вечера туда не надо ходить. Он назывался как барак для приема пищи в лагерях «Пищевлок». Огромный плакат на Кутузовском проспекте: обнаженная женщина лежит на животе кокетливо задравши ножки и попка присыпана мукой и надпись «Дарья – твои любимые пельмешки». Это как? Классическое московское хамство – это когда тебе улыбаются и говорят гадости. Ты понимаешь, что тебе хамят, но все слова правильные. Диваны тут – компания по продаже мебели в Москве. Эта компания продвигает свои диваны. Надпись: «только диваны знают, до каких пределов может развиваться дружба». Это я своей жене скажу: давай купим такой диван. Она скажет: я ведь знаю, до каких пределов может развиваться дружба. Все понимают, что это утонченное хамство. Русское радио. Некто Фоменко с придыханием говорит о том, что «Электрический мир» – полный

писец. Писец – это продукт интеллигентствующего жлобья. Охотник как-то раз купил песка не для мяса. Мораль сей басни такова: кому писец, кому... Крылов. Разве это не придумка интеллигентствующего жлобья – слово блин? Мы все понимаем, о чем идет речь. Я замечу при этом, что это очень опасный водораздел в культуре. Вы знаете, что культура развивается благодаря носителям девиантных форм культурного поведения. В культуре, как и в науке, надо быть девиантным, если вы хотите сказать что-то новое. Или так и останетесь на уровне Островского.

Хороший уровень, но это для МХАТа. Если вы попадете к Виктюку или в Сатирикон – это совсем другое. Кто видел Гамлета в исполнении Райкина? Согласитесь, только девиант может поставить так монолог «быть или не быть?». «Быть или не быть – говорит Райкин, берет с пола носки, вдыхает – вот в чем вопрос!». В культуре надо быть девиантом. Вы, как социологи, знаете, что культура обладает определенными механизмами защиты. Есть табуированные правила. С той или иной степенью тяжести. Когда мы говорим о мате – это ведь легализация в культуре мата. Об этом говорят, что мат можно ввести в культуру, вывести его из культурного андеграунда. Уверяю вас, я не ханжа. Девочка пишет диссертацию о лингвистическом поведении журналистов. Она доказывает, что мат является элементом культуры. Можно приводить много примеров из высокой литературы. А.С. Пушкин. Ему влетело за Гаврииладу, ему грозила анафема. Только Николай I уговорил Пушкина отречься от Гавриилады. И тогда Пушкин сказал Высокому Синоду, что это не его произведение. А так – анафема, а это катастрофа для православного поэта. Мы знаем, где области, табуирующие поведение. Есть эти пределы.

Я ничего еще не сказал такого, что бы смутило ваши умы. Табу! Однако, есть два обстоятельства, очень важные для социолога, о процессе легализации мата. Вы знаете, что существует спираль молчания. Это касается больше электоральных дел. Когда министр культуры заявляет по телевизору, что 70% населения не считают употребление мата стыдным делом. Уже давно ясно, что матом люди не ругаются, а разговаривают. Спираль молчания – это социологическая позиция, которая обусловлена тем, что людям неуютно быть в одиночестве. Люди комфортны, когда они принадлежат большинству. Можно показать падежи и склонения матершинных слов. Я промолчу. Я буду себя чувствовать дискомфортно, если я в единственном числе. Здесь 70% - все ругаются. Это опасное явление, которое фактически подрывают эту плотину культурного сопротивления. В биологии есть такое понятие, как мембрана, которое препятствует, является неким механизмом, который не дает прохождению различных инородных тел в организм, но однако в биологии есть

образования, которые подделываются под родное тело. Они спокойно проходят через мембрану как свои – у них оболочка своя. Эти блины, писцы – узнаются социологической культурной мембраной как свои. Использование в своих брендинговых сюжетах скабрзностей – анти-брендинг.

Рекламные, пиаровские агентства очень много внимания уделяют этому направлению продуцирования. Здесь приличный креативный человеческий ресурс задействован на поиске образов, эксплуатирующих мат, скабрзность и т.д. Со стороны чужих – это черный PR для того, чтобы дискредитировать своего конкурента. В маркетинге это либо ошибка, либо осознанное применение, но с очень плохими последствиями. Ежегодно проводится международная выставка рекламы. Там всегда есть закрытые просмотры рекламных продуктов. Я бываю на этих просмотрах. Эти сюжеты могут завтра выйти на экран. Один из самых невинных сюжетов: лето, пляж, молодой человек хорошо сложен, прогуливается по берегу моря, сзади крутится назойливая муха... Голос за кадром: «пользуйтесь нашей туалетной бумагой». Откровенная гадость. Попытки ввести нравственную полицию на телевидении у нас были, но... Я не исключаю выход этой рекламы на телевидение. Антибрендинг – создание отталкивающего образа. Согласитесь, что здесь уже не очень высокохудожественное произведение.

Следующее обстоятельство – использование элементов языка маркетинговой коммуникации, слоганов, логотипов, не включенных в национальную лингвистическую среду. Лет 10 назад компания «Ригли» наняла меня и команду моих людей для того, чтобы мы провели исследование брендов жевательных резинок Ригли. Ходили с этикетками и спрашивали, узнают ли люди, что это такое. Несмотря на глобальное рекламное продвижение, мы обнаружили, что в Москве 4-6% узнавали эти этикетки. Узнавали-то все, но приносили немногие. Бренды несут в себе лингвистический образ через логотип и через слоган. Ригли Сперминт – товар обреченных на неуспех. Расчет на то, что утром подвыпивший мужичонка подбегает к киоску и спрашивает Ригли Сперминт, Дабл Минт и т.д. Никогда! Он скажет Дирол, Стиморол еще вспомнит. Это чуждое лингвистической среде слово. Это мертвый товар, он не пройдет. Мы знали распределение продаж по маркетам. Ригли Сперминт занимает последнее место по продажам. Примеров таких много. Здесь и наши русские производители брендов делают много ошибок. Есть туалетная бумага с васильками и называется «От Сергеича».

Следующее обстоятельство – избегайте ситуаций, идиотизирующих представителей вашего сегмента (использование элементов сатиры и

сарказма). Юмор это хорошо. Пиво «Голстяк» – это юмор, смешно, доброе чувство. Сатира и сарказм приводят к идиотизации. Объект серьезной идиотизации – женщины. Заходит женщина в свою квартиру и остолбенела: «а откуда здесь такой запах чистоты?» Что же у тебя до сих пор было, если ты сама обалдела от того, как твой муж все вычистил? Рекламный продукт моющего средства: симпатичная женщина рассматривает рубашку мужа: «мой муж любит пиццу, а мне достаются одни пятна». Хочется пожалеть женщину. Сюжет, когда люди прибегают в магазин дубленок и начинают хапать, и еще кто-то кричит: ты еще бабушке шубку прихвати. Я что, не знаю, сколько стоит куртка и дубленка, чтобы такими мешками трясти? Это только в рекламе. Дубленки кругло-суточно, ночью почему-то скидки, дубленки от 10 долларов. Откуда дубленки за 10 долларов? Меня за идиота принимают? Использование сарказма вызывает ситуацию, когда люди понимают, что из них делают идиотов. Миллион примеров.

Еще одно обстоятельство – использование в брендинге свойств товара, которыми он не обладает. Вы мне пытаетесь что-то впарить, чего нет на самом деле. Макс Фактор – компания достойная, но по настоянию антимонопольного комитета был снят продукт этой компании. Губная помада, которая, в соответствии с рекламой, не должна оставлять следов. Специалисты сказали – оставляет. Сигареты «Петр I». Эти сигареты позиционировались на рынке как сигареты, обладающие свойством предупреждать абстинентный синдром. Я знаю ситуацию семилетней давности, когда я еще курил и точно вам скажу, что сигареты, в том числе «Петр I», не обладают этой способностью. Пиво Патра – пиво с пробкой. Оно действительно с пробкой. А то, что она прыгает – это не нарушение. Одно время мощно продвигался препарат «Панадол». Обычное жаропонижающее, но наделялся удивительными качествами, которыми не обладал. Самсунг очень хорошая компания. Агрессивно ведет себя на российском рынке. Он стал продвигать биотелевизоры. Вам на физфаке объяснят, что телевизор – это электронно-лучевая трубка или трубка на жидких кристаллах, но ни та, ни другая ничего живительного не может принести.

Всё ... это рекламные сюжеты, построенные на откровенном невежестве. Это какие-то гадалки, какие-то целители, какие-то там народные мстители и т.д. Я должен вам честно сказать, что мне однажды повезло. Мне был предложен маркетинговый проект по Москве – Рынок эзотерических и мистических услуг, только в Москве. И мы ходили по этим магазинам, магазины типа «Путь к себе», там всякие запахи, товары, там компьютер стоит, это же XXI век. Этот компьютер вам покажет вашу

ауру, вам покажут ваши чакры, это какие-то каналы, которые связывают вас с космосом, их 9 чакр на протяжении спины. И покажут, открыты эти чакры или не открыты. Там какие-то кусочки кожи обезьяны, змеи, это эзотерическое и мистическое. Конечно, мы ходили по салонам, которые оказывают эти услуги. Первое, что я вам должен сказать, рынок этих услуг, это было исследование лет 5-6 назад, уже в то время мы оценили, только в Москве этот рынок в объеме 5 млрд. долларов. Вы представляете, насколько могущественные, мощные ресурсы вращаются на этом рынке? Из этих 5 млрд. процентов семьдесят – это деньги, которые привозятся в Москву со всей России. Итак, я вам сказал объем ресурсов, который вращается на рынке эзотерических услуг. Чтобы этот рынок как-то изучить, мы использовали технологии социокультурной диагностики для того, чтобы определить даже не экономический сегмент. Нас интересовали мотивы и, соответственно, социокультурный образ тех, кто стремится к потреблению подобных услуг. И вот здесь мы вспомнили работу Абрахама Моля «Социодинамика культуры». Эта книга была опубликована, наверное, лет 30 назад в Советском союзе, стремительно, почти сразу после издания во Франции, ее перевели на русский язык. Буржуазного социолога, я цитирую словами того времени, перевели так мгновенно. Проблема вот такая. Абрахам Моль тогда впервые показал могущество манипуляционного потенциала телевидения и средств массовой коммуникации. И поэтому, конечно же, в Советском Союзе идеологические структуры воспели эту книгу как доказательство тлетворного влияния буржуазной пропаганды на мозги и т.д. И вот Абрахам Моль в частности говорил о двух типах культур:

1. Мозаичная культура. Это культура, которая сформировалась на различных СМИ, на отрывках из различных источников знания, но эти отрывки не соединены в какую-то слитую картину. Это мозаика. То есть это разорванные знания. Это культура незнания, непонимания. Это культура мнений. «Московский комсомолец», Нижегородская правда, что-то там сказали, какие-то клочки, какие-то непонятные образования. Это культура без причин и без следствий. Это культура, где причинно-следственная логика нарушена вовсе или ее нет совсем. Это культура, в классике это «ветер дует, потому что деревья качаются». Мозаичная культура блистательно обыграна Салтыковым-Щедриным. Помните, в городе Глупове земцы обсуждали проект строительства бани. И возник спор, как стелить пол в бане – стругаными или не стругаными досками. Струганными, одни говорят, чтобы люди не накололись. Тут же возражают, что на струганых досках упасть можно, это опасно. Значит, все-таки не стругаными. Решено: доски стругать, но прибывать струганой

стороной вниз. Это и есть мозаичная культура, это какие-то абсурды. У меня есть блистательная карикатура, которую я люблю показывать, когда говорю об этих сюжетах. Это вот что: два санитаря несут на носилках какого-то мужичонка и он кричит – НАТО, Ельцин, панadol – не помогает. Бред какой-то. Это поток бессознательного. Это поток бессознательного и, конечно же, абсолютное отсутствие модели. Модели – это причинно-следственные связи. Мозаичность в культуре является потрясающей находкой для политехнологов, потому что такими легко манипулировать, потому что у вас же в голове ничего нет, у вас в голове каша. Поэтому вы будете покупать мои фантики. Будете покупать мои бумажки под 400% годовых. Американец с ума сходит, когда ему предлагают 9%, 5% – это нормально. А нам 400%, где ж такая доходность? Это не экономика, это какое-то экономическое сумасшествие должно быть. Но если у вас в голове ничего нет, тащите деньги. Мне не жалко людей, которые сейчас пытаются вернуть свои деньги из подобных организаций.

2. Гуманистическая культура. Системная культура. Понимать – это модель, модель – это система, взгляд на мир. Она делится на культуру двух видов:

а). Культура, обусловленная естественнонаучным представлением о природе и об обществе. В конце-то концов, вас в школе-то чему-нибудь учили? Во всяком случае, раньше светская школа была построена на естественнонаучной платформе. У меня есть друг, который пишет сейчас работу, которая называется «Обзор учебников по биологии». Господи, когда он мне это показал, волосы без парикмахерской начинают завиваться. Такого бреда я не ожидал. Я никогда не думал, что ноосфера будет показана в одном учебнике по биологии как некий атмосферный слой, в котором сосредоточены все знания, и чакры как раз служат способом подключения к этим знаниям. Естественнонаучное – это системное мировоззрение, модельное мировоззрение, и если я что-то помню из физики, а вы мне говорите, чтобы меня девушка не бросала, ты ей порошка натри из лягушек, но я понимаю, что наверное ничего никогда. Нет, и я не пойду в этот магазин.

б). Системная культура, основанная на религиозном мировоззрении. Ведь религия – это модель мира, это модель целостная. Системная культура не тотальная. Тотальность научной культуры означает что? Она, наука, обязана сейчас, через некоторое время отвечать на все вопросы с позиций опыта, с позиций теории, с позиций подтверждающей социальной практики. Но религия тотальная. Они дают, модельно жестко определяют место человека в мире и поведение человека в мире. И это озна-

чает еще одну вещь – системный человек религиозной культуры также не пойдет в эту лавку. Лавки, несмотря на то, что они славят Бога, это ереси, которые осуждаются всеми мировыми религиями и христианством в том числе. Поэтому системный человек пойдет в церковь, но не в эти лавки. Значит, ограниченные люди и бегают по этим лавкам. На них нацелена эта игра. Только мозаичный человек пойдет на развращающие игры, порошки, привороты.

Мне хочется завершить сюжет, который мы начали по поводу эзотерического рынка. Я помню, что мы говорим о коммуникациях, вызывающих антибрендирование, анти, в смысле не позитивного представления для рекламных продуктов, которые продвигают различные экзотические способы решения жизненных проблем. Любимая девушка бросила меня, там как-то наоборот, приворот, заворот, начальник мерзавец, с женой проблемы, и тут тебе колдунья Анна, демоничка Анастасия. Откуда демонична Анастасия? Есть книга, которая в Советском союзе была просто шоковая. Она была издана лет 30 назад в журнальном варианте в «Новом мире», но сейчас она продается и в хороших переплетах. Эта книга, которая принадлежит Владимиру Орлову, «Альтист Данилов». Советую прочитать. Умная книга. Так вот, демоничка Анастасия оттуда, это любовница альтиста Данилова, когда он был демоном. Книга написана в культуре, которая называется гофманиада. Помните Гофмана? Это означает переплетение реальности и мифа. Из последних гофманианских вещей очень удачных – «Альтист Данилов» и последние работы Чингиза Айтматова – «Тавро Кассандры» и какая-то еще перед этим вещичка была «И дольше века длился день». Есть пьеса «И дольше века длится день», в театре Вахтангова одно время блистательно играли ее.

Итак, мы с вами говорим о том, что есть рекламные произведения, которые продвигают качества, которыми на самом деле они не обладают. Но, тем не менее, успех этих продуктов колоссальный. 100% приворота сулят. Но успех фантастический. Мы говорим о том, что это мозаичская культура, мозаичская культура является питательной средой для манипуляции, в том числе и манипуляции, обусловленной брендингами, когда я вам могу так мозги запутать, потому что они и без меня у вас запутаны. Однако здесь у Абрахама Моля прописана другая культура. Это культура понимания, это системная культура.

Увы, если есть спрос, то будет непременно предложение. Так оно и есть. Я говорю здесь о том, что людей нужно воспитывать в рамках естественнонаучной культуры или в рамках религиозной культуры. Религия – ведь это страшная сила, поэтому лучше только включенные в цивилизацию религии, любые другие религиозные доктрины очень опасны. Ес-

тественные религии основаны на чем? Они точно легализуют традиционные человеческие ценности, в том числе и традиции, связанные с любовью. Одно время в России агрессивно продвигалось Белое братство. Это ведь изуверство. Изуверство его заключается в том, что там женщина провозглашается исчадием ада, источником греха и зла. Согласитесь, такие религии неестественны, но сколько людей были порушены, потому что мать злая, любви не бывает и т.д. Христианство, мусульманство, буддизм, иудаизм не допускают противоестественного поведения.

И последнее обстоятельство антирекламы, антибрендinга. Антибрендinг возникает при продвижении свойств товара, потребительская и социальная ценность которых не соответствует интенсивности их продвижения. Судя по интенсивности рекламных кампаний, в России 3 или 4 проблемы – проблемы с зубами, поголовный кариес, тут тебе и «Блендамед», и щетки. С женщинами особая проблема, они в России какие-то придурковатые, поэтому они не знают, как пользоваться гигиеническими средствами. Про баню не говорится, говорится про дезодорант, оказывается, что есть такие дезодоранты, которые вообще позволяют не мыться. Перхоть просто повальная. Это говорит о чем? Только ленивый фельетонист не поиздевался здесь по поводу этих событий. Это вызывает естественное отторжение: о господи, опять эти прокладки, опять этот кариес, я и так знаю, что у меня кариес, но зачем же постоянно об одном и том же. Интенсивность продвижения продукта не соответствует социальной и потребительской значимости этого продукта, и это вызывает антибрендinговый эффект.

Я хотел бы, чтобы вы понимали те процессы, которые связаны с позиционированием товара. Мы ведь с вами только об этом говорим, и это является предметом нашего разговора. Я заполнил вчера это промежуток, мы назвали эту технологию сегментированием, здесь есть, конечно, определенные таинства, и эти таинства связаны с тем, что уже давно отказались от примитивных группировок. Они есть, они очевидны, допустим, понятно, что есть предметы только женского потребления и есть предметы только мужского. В этом смысле сегментирование по половому признаку очевидно. Но при сегментировании чаще всего используются какие-то другие особенности поведения людей, это уже методы многомерной классификации. Однако должен вам заметить, что сегментация сегодня в современном маркетинге уже является атавизмом. А что же сейчас вместо сегментации? Есть разочарования, связанные с сегментированием. Потому что многомерные типологии строят сегменты, которые мы называем сегментами, реализующими идею псевдоперсонификации. Это означает, что индивидуальный потребитель мне еще недос-

тупен, и мне надо как-то найти целевой сегмент, и я выстраиваю многомерные типологии, являющиеся образом псевдоперсонифицированного субъекта. Вот когда женщина-мужчина, мне понятно. А когда у меня образуется многомерный объект, который на 30% состоит из женщин и на 70% из мужчин, это как? Гермафродит. На 40% еврей, на 20% татарин, остальное якут. Это как? Вот тут, собственно, когда не получается сделать чистое сегментирование, и возникают проблемы интерпретаций этих сегментов и соответственно выстраивание адекватных коммуникаций. Как разговаривать с сегментом, где 30% женщин и 70% мужчин. Конечно, я должен уклоняться от пола, это означает какое-то бесполое существо.

Завершаю. Сегментирование является отживающей технологией. Почему? На замену приходится прямой маркетинг. Это без всяких кавычек персонификация рынка. Прямой маркетинг возможен только с развитием массовых телекоммуникационных систем. Я вам могу сказать так. 4 компьютера на сто семей, из них 2 компьютера подключены к Интернету. 2–3% мировых ресурсов. Но недавнешнее наше исследование говорит о том, что любые попытки экстремистского распространения вычислительной техники завершатся неудачно. Давайте бесплатно раздадим компьютеры. Я думаю, что такая раздача приведет к тому, что компьютеры начнут использовать в экзотических целях, как то – груз под капусту, или просто хорошая подставка под цветы. Почему? Потому что социальные практики подтверждают, а на фигу мне это надо. Очень небольшой сегмент социальной практики нуждается в компьютерах и расширении коммуникаций. Прямой маркетинг – индивидуальное обслуживание, создание гигантских картотек на домохозяйствах, в этом случае инструментарий у прямого маркетинга разнообразен. Это и электронные магазины, и электронные аукционы и проч. Здесь уже о сегментации речи не идет вообще.

Основные выводы по лекции:

1. Двухслойность брэндинга
2. Конкуренция сдвигается из области производства товара-вещи в область производства товара-образа. Оказывается, производить товар-вещь очень банально. Индустриально развитые страны и постиндустриальные страны давно уже научились делать качественные вещи. С 60-х гг. прошлого века Япония работает в режиме бездефектного производства. Начиналось все с фразы, которую приписывают президенту компании Мицубиси: «Если мы производим телевизор и один телевизор из 100 бракован, то есть 1% брака, это означает, что тот, кто купит бракованный телевизор, будет иметь право говорить о том, что Мицубиси произ-

водит только бракованные телевизоры». Банально производить хорошие вещи, не банально производить образы вещей. Структура расходов меняется, она меняется в какую сторону: увеличивается доля затрат на производство товара-бренда и уменьшается доля затрат на производство товара-вещи.

Есть стиральная машина Канди, есть стиральная машина Арго и есть стиральная машина Bosch. Все эти три стиральных машины одинаковы. Но стоимость на порядок различается. За что деньги такие платим? За бренд. За право похвастаться своим соседям. Но тут еще другое обстоятельство. Канди и Арго одна и та же фирма. Здесь зонтичный брендинг – это азиатский, и еще есть индивидуальный – американский способ. Американцы панически боятся связывать имидж компании с товаром, в том смысле, что если товар провалится, черт с ним, а фирма должна быть безупречной. И поэтому и Арго, и Канди это американские технологии брендинга, индивидуальные, просто за ними не видно фирму. И они устраивают псевдомарочную конкуренцию, в отличие от Бош, который выстраивает свою политику по-азиатски. Эти два уровня товара и есть система товара – товар-образ, товар-бренд как раз и являются средством создания системного товара, потому что вы его здесь позиционируете, мифологизируя то или иное свойство товара. Мифологизация – это уже не маркетинг. Мне хотелось бы, чтобы вы понимали грань позволенного и не позволенного маркетологу. Как только я нашел свойство, дальше начинается не моя работа. Дальше креативщик рисует картинку и т.д.

Уважаемые коллеги, советую еще одну книгу Кастельс «Информационная эпоха».

Когда мы говорим о том, что индивидуальный маркетинг – это индивидуальное персонифицированное продвижение того или иного товара, это означает, что технически между производителем, продавцом и потребителем нет ничего. На самом деле есть. Это специализирующие маркетинговые агентства, которые занимаются созданием баз данных и т.д. Поэтому создается иллюзия, как бы разрушение социологического контакта. К примеру, американская компания Астер Системс, их база данных насчитывает 15 миллионов домохозяйств. Конечно же, они работают, типологизируя эту информацию, пытаясь найти инвариантные способы воздействия. Создается впечатление, что я обращаюсь только к вам, но на самом деле вы принадлежите к какой-то группе людей, на которую надо воздействовать теми или иными способами. Это означает — я получаю письмо и обязательно с персональным обращением. Конечно же, при этом аналитические группы обязательно осуществляют типологический анализ.

Сетевой маркетинг. Газеты пестрят объявлениями подобного рода. Сетевой маркетинг или многоуровневый маркетинг. Я должен вам сказать, что в редких случаях сетевой маркетинг преследует добросовестные цели. Это что за компании? Это компании Мери Кей и т.д. Сетевой маркетинг возможен только когда? когда вы продвигаете товар, который, во-первых, вызывает ажиотажный спрос, это означает, он бьет в очень болезненную для людей предметную область, во-вторых, информационно этот поток коммуникаций закрыт. Это не открытый бизнес. Только это позволяет выстроить многоуровневую систему продаж. Женское желание похудеть. И отсюда продажа биологически активных добавок. Я могу у вас купить и принимать. Но я могу поступить умнее. Я пойду в метро и буду раздавать бумажки, приходите ко мне на встречу и так далее. Буду говорить, смотрите какая история – вот я вам каждому за сто долларов даю по коробке, и вы идите, продавайте, и заработаете по 1000 долларов в месяц. Кто-то действительно пойдет продавать, а кто-то скажет, а я чем хуже и тоже раздаст бумажки, формирует свою сеть. В итоге формируется пирамида. Это пирамида не растет вверх, она растет вниз. Там где-то штаб-квартира, там деньги. Почему закрыта? Если узнаете адресок этого, вы же пойдете туда, где повыше и т.д. Дальнейшая схема многоуровневого маркетинга – это откровенный бандитизм, потому что это пирамида. Это как бы болезнь, возникает периодически. Продажа телевизор по системе 4+1. Телевизор стоит 500\$, мне говорят, что продадут мне телевизор за 100\$, если я еще приведу 4 человек. И каждый из этих людей даст 100\$. Я уже заплатил, потому что я где-то повыше и они по сто. Фирма получила 500\$. Я первый отдал сто долларов, мне и отдадут. А другим будут говорить, вы тоже найдите 4 человек и вам дадут телевизор и т.д. Кто первый пришел, тому и прибыль.

Правительство Москвы, уже наученное горьким опытом, недавно закрыло компанию, которая называется «Народный дом». Наученная почему? Потому что была трагедия с Мосжилстроем. Смотрите, брэнд Мосжилстрой – это гигантская строительная компания, которая процентов на 60 отстроила Москву, это слонища. А кроме этого фирмочка зарегистрировалась ТОО (товарищество с ограниченной ответственностью) под именем Мосжилстрой, 70 человек таким образом обобрали. Решили, что лучше замаять этот скандал и правительство Москвы выделило им квартиры. «Народный дом» – речь идет о том, что та же самая схема, но [по формуле] 1+2. Это означает, что за треть цены вы получите квартиру в Москве. Я прихожу в фирму, отдаю треть цены, мне говорят, что через полгода получите ордер и вселитесь. Здесь фирма рассчитывает на то, что она, используя рекламные коммуникации, интенсивно и мощно при-

нудит, и вы сами придете. Принудит рекламными инструментами, и вы придете и отдадите тоже треть стоимости. Здесь-то точно были сделаны расчеты, что через полгода в Москве не останется людей [не охваченных этой схемой]. Оберут-то население прилично. Людей привели к суду за реализацию этих схем. В таких фирмах есть правила внутрикорпоративного поведения. И этим правилам учат. Многоуровневый маркетинг – это еще и маркетинг, обусловленный индивидуальными продажами. Люди, которые подходят к вам на улицах и предлагают вам подарки от непонятных фирм специально обученных, они прошли психологический тренинг и они знают, как обратиться к человеку. Поэтому я боюсь людей, которые называют себя специалистами в области многоуровневого маркетинга.

(Вопрос из аудитории) Почему запрещена продажа в магазинах продуктов сетевого маркетинга? **(Ответ)** Здесь мы вторгаемся в область дистрибуций. В дистрибуциях есть эксклюзивный дистрибьютор – это тот деятель рынка, в каналах товародвижения которому предоставлены привилегии, прежде всего технологии, предусматривающие гарантии не порчи товара, это раз. Во-вторых, различные условия поставщика. Если продавать, то только мой товар. Эксклюзивный дистрибьютор – это означает, что в канале товародвижения управление осуществляется за счет авторитетного деятеля рынка, производителя. Порча товара в маркетинге – это означает сохранение брэнда, сохранение сформировавшегося образа. И если это дорогой, если это элитный товар, то это будет подчеркиваться всеми инструментами маркетинга.

Есть такой деятель рынка, Де Бирс, уникальная компания, занимающаяся алмазами. Мировой рынок осознанно предоставляет Де Бирс эксклюзивные права монополиста, запрещая конкуренцию на этом рынке. У нас алмазов полно, а мы носимся с Де Бирс. У нас есть своя огранка, но уже рассчитано, что если на рынке драгоценных камней возникнет конкуренция, через полгода цена на бриллианты, драгоценные камни будет равна цене на польскую бижутерию. Этот рынок рухнет мгновенно. Уничтожен будет товар. Для того, чтобы рынок не рухнул, существует Де Бирс. Каждый год мы перезаключаем контракты, мы прилично выиграла, мы увеличили квоты продаж Де Бирс своих не ограненных алмазов, продажи на внешний рынок. Внутренний рынок Де Бирс не интересует. Этот рынок не обрушится, потому что в России не так много людей, которые могут позволить себе купить алмазы. В Петербурге лет 8 назад произошла катастрофа, там обрушился рынок недвижимости. И до сих пор этот рынок чахлый. Обрушился каким образом? Стали демпинговать, цены стали такими, что они не окупали ни только дистрибью-

цию, они не окупали и строительство. В Москве вовремя после этого был создан альянс из пяти, это картель из крупнейших риэлторских компаний. Картель — это сговор, но в данном случае они защищают рынок.

Ярская-Смирнова Е.Р.
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В данной лекции рассматриваются различные теоретические подходы к профессионализации на примере социальной работы, которая существует за рубежом не одно десятилетие, а в реестре службы занятости России появляется как новая профессия в 1991 году. Применение функционалистского, атрибутивного, критического и интерпретативного подходов позволяет очертить различные аспекты профессионализации. Функционалистский подход учитывает характер разделения труда в обществе и ставит вопрос о том, какие социальные потребности удовлетворяются функциями профессий. Вопросы профессиональной компетентности обсуждаются атрибутивным подходом, который рассматривает характеристики, отвечающие идеальному типу профессии. Третья перспектива представлена критическим направлением социальной науки, включая марксистское и неомарксистское понимание профессии. Социокультурные практики, воплощаемые отечественными социальными работниками, исследуются с применением этнографической перспективы.

Функциональная социальная работа
и дисфункциональное социальное окружение

В русском языке термин «профессия» используется в широком смысле: рабочие профессии, профессиональный слесарь, профессия воспитателя. В англоязычных социологических справочниках определение профессии (profession) начинается с того, что это занятие (occupation) представителей среднего класса, характеризующееся высоким уровнем технической и интеллектуальной компетентности¹. О первоначальном смысле

¹ См.: Abercrombie N. et al. Dictionary of Sociology. London: Penguin Books, 1984. Русское издание: Аберкромби Н. и др. Социологический словарь. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997; Jary D., Jary J. The Harper Collins Dictionary of Sociology. Harper Perennial. 1991. Русское издание: Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологи-

слова «профессия» как открытом заявлении о принятии монашеского обета сейчас мало вспоминают, однако по-прежнему, «вступая в довольно замкнутую систему явных и неявных профессиональных норм, обычаев и символов», человек принимает на себя «обет отдавать им предпочтение перед внешними обстоятельствами»¹. Российская система социального управления впервые сталкивается с теми аспектами развития профессии социальной работы, которые проявлялись в западных странах и подвергались там научной рефлексии на протяжении длительного времени. Поэтому зарубежный опыт анализа деятельности социальных служб, социологические подходы к изучению профессий оказываются полезными в исследовании процессов профессионализации отечественной социальной работы.

В социологической литературе представлены различные подходы к профессионализации. Социологи функционалистского толка², анализируя характер разделения труда в обществе, ставят вопрос о том, какие социальные потребности удовлетворяются функциями профессий. Профессионализация здесь представлена как *позитивный и прогрессивный процесс*, который обеспечивает «общее здоровье социального тела»³ и способствует осуществлению социальных преобразований таким образом, чтобы социальный конфликт и дезинтеграция оставались минимальными.

С этой позиции сам факт наличия или отсутствия в обществе такой профессии, как социальная работа, определяет то, под каким углом рассматриваются индивидом и государством социальные проблемы, формируются ли ценности гражданского общества. Социальная работа, по определению, играет роль посредника между индивидами, социальными группами, частными и государственными организациями и как новая профессия и инновационная социальная практика связана с изменением жизненных форм, ценностей и профессиональных идентичностей. Зарубежная история профессиональной социальной работы исчисляется не одним десятилетием: в Скандинавии ей, например, уже более пятидесяти лет и более ста – в США и Великобритании. Обновление социально-

ческий словарь (Коллинз): В 2 т. / Пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 1999.

¹ Батыгин Г. С. Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха. 1994. Вып. 3. С. 9.

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996; Etzioni A. Modern Organizations. Englewood Cliffs; New Jersey: Prentice Hall, 1964; Parsons T. The Social System. London: Routledge and Kegan Paul, 1951.

³ Durkheim E. Professional Ethics and Civic Morals. London: Routledge and Kegan Paul, 1957. P. 29.

политических моделей, смена парадигм социальных исследований и коррекция дискурса социального равенства влекли изменение профессиональной идентичности социальных работников. Социальные работники осуществляют сегодня свою профессиональную деятельность в разнообразных условиях, которые определяются факторами религии, этничности, культуры, языка, социального статуса, состава семьи и жизненного стиля клиентов, взаимодействуя с индивидами и семьями, чьи жизненные шансы могут быть ограничены вследствие бедности, слабого здоровья, дискриминации и инвалидности.

Образование, профессиональная подготовка социальных работников сегодня ведется более чем 120 российскими вузами, включая 5 частных. Качество образования достигло высоких стандартов благодаря интенсивному внутрироссийскому и международному обмену, научной инициативе преподавателей. Появление социальной работы как новой образовательной дисциплины совпало с реструктурированием кафедр социальных и гуманитарных наук в российских университетах. Возрождение социальной мысли в России, поддерживаемое правительством, научными и образовательными отечественными и международными программами, способствовало оживлению общественной дискуссии по вопросам социального неравенства, практик исключения и социальных проблем. Все это способствует развитию профессионального образования по социальной работе, подготовке квалифицированных кадров. Однако профессионализация социальной работы тормозится некими параллельными процессами, или дисфункциями ее внутреннего и внешнего контекстов.

Во-первых, профессионализация социальной работы затрудняется неадекватными финансовыми ресурсами на федеральном и местном уровнях, негативно влияющими на качество услуг и мотивацию сотрудников. Низкая зарплата работников социальных служб снижает престижность социальной работы как профессиональной занятости. И хотя спрос на специалистов по социальной работе по-прежнему велик, статус этих вакансий оказывается чрезвычайно низким, затрудняя привлечение в этот сектор молодых и в хорошем смысле амбициозных специалистов. Все это затормозило оформление стабильной профессиональной идентичности тех, кто преподает и практикует социальную работу.

Во-вторых, хотя число социальных служб растет, эти учреждения демонстрируют разный уровень качества услуг, а многие из них находятся в самом начале своего развития. Восприятие социальной работы в сегодняшней России во многом основано на воспоминаниях далеко не о самых лучших качествах советского социального обеспечения. А в начале 1990-х годов иные службы и в самом деле механически наследовали

кадровый состав, стиль руководства и организационную культуру собеса – мира безразличных чиновников, чьи функции требуют лишь общих бюрократических навыков, но не социально-ориентированной специальной квалификации в анализе проблем, индивидуальной работе с клиентами и координации междисциплинарных услуг. Эта организационная культура, унаследованная с советских времен, и по сей день сопротивляется инновативным процессам, подрывающим традиционные основания власти анонимной «технической» бюрократии, для которой процесс важнее результата и которая отчуждена от социальной эффективности реализуемых ею проектов¹. К концу 1990-х годов в социальной сфере происходят качественные изменения: накапливаются знания, аккумулируется опыт, повышается интерес к профессиональному образованию и научным исследованиям, формируются межведомственные и межсекторные связи, растет обмен теории и практики. Во многих случаях программы дополнительного образования и повышения квалификации для работников социальных служб ведут к успешному обмену и установлению плодотворных партнерских отношений между практиками и университетскими учеными.

В-третьих, не только организационная, но и более широкая культурная среда воспроизводит дискриминирующее, медикалистское отношение по отношению к социальным проблемам и может негативно влиять на качество профессиональной деятельности социальных работников. Такие установки проявляются в повседневной жизни, масс-медиа, специальной литературе, в образовании. Само понятие дискриминационного языка очень новое для россиян, и люди не всегда распознают смысл социального исключения в тех словах, которые можно прочитать, скажем, в специализированном журнале или учебнике, а затем применить в практике своей работы. Примеры дискриминирующих представлений об инвалидности и эйджистских установок можно найти даже в профессиональных изданиях: журнале «Социальная защита»² и учебном пособии по социальной геронтологии³.

¹ Романов П. В. Социологические интерпретации менеджмента. Контроль, власть и управление в современных организациях. Саратов: СГТУ, 2000.

² См.: Ярская-Смирнова Е. Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 38.

³ См.: Елютина М. Э., Маврина Е. А., Ярская-Смирнова Е. Р. Рецензия на учебное пособие: Яцемирская Р. С., Беленькая И. Г. Социальная геронтология: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр Владос, 1999 // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 150–153.

Один из важных аспектов развития социальной работы как профессии – это движение от индивидуалистического, патологического определения инвалидности, старения к социальной модели, принимающей во внимание широкий социальный контекст, в котором социальная проблема конструируется обществом и переживается человеком¹. Поэтому социальный работник обязан анализировать социально-политический контекст жизненного опыта клиента, оценивать роль своей организации. По словам Нейла Томпсона, «если специалисту по социальной работе не удастся распознать маргинальность позиции инвалидов в обществе, то есть риск оказания клиенту медвежьей услуги»². Очевидно, что профессиональное образование необходимо не только для знания технологий практической деятельности и норм поведения на рабочем месте, оно позволяет понять дискриминационность языка научной и политической экспертизы.

Однако в целом можно отметить тенденции российского академического сообщества к постановке исследовательских задач в проблемной сфере социального неравенства и прав человека. Руководители региональных кафедр и отделений социальной работы нередко выступают инициаторами научных и образовательных проектов, конференций, творческих обменов.

Четвертым и самым очевидным препятствием в профессионализации отечественной социальной работы выступает дефицит соответствующих знаний и необходимых навыков у практических работников.

Рассмотренные дисфункции внешнего и внутреннего контекста социальной работы можно перевести на язык организационного анализа как латентные функции отдельного учреждения или всей системы социальной поддержки³. Тогда к явным функциям социальной службы можно отнести удовлетворение потребностей получателей услуг, снижение риска, помощь людям в трудной жизненной ситуации. В свою очередь, латентные функции – это демонстрация соответствия государственной политики международным нормам социального права, оправдание государственных расходов на социальные нужды, рабочие места и простран-

¹ Ярская-Смирнова Е. Р. Социальная работа в России: профессиональная идентичность // Социальные проблемы образования: методология, теория, технологии. Саратов: СГТУ, 1999. С. 92–102.

² Thompson N. *Anti-discriminatory Practice*. Macmillan: Basingstoke, 1933. P. 11.

³ Wolfensberger W. *Human Service Policies: The Rhetoric Versus the Reality* // L. Barton (Ed.) *Disability and Dependency*. London; New York: The Falmer Press, 1989. P. 23–41.

ство реализации профессиональной власти специалистов социальной сферы, классификация населения на категории клиентов (получателей льгот, пособий и услуг). Проблема возникает там, где латентные функции начинают доминировать, и организация, профессионалы и система социальной политики развиваются в большей мере в собственных интересах, а не ради декларируемого общественного блага.

Итак, мы рассмотрели ряд вопросов профессионализации социальной работы, воспользовавшись функционалистским подходом. Эта перспектива позволила нам очертить происхождение и развитие этой профессии в России, где социальная работа выступает важным партнером других профессий, государства и гражданских инициатив. При этом качество социальной работы во многом зависит от уровня профессионализма, от компетентности тех, кто исполняет свои обязанности от имени данной профессии. Именно здесь нам следует воспользоваться другим подходом к анализу профессионализации.

Что стало с атрибутами?

Вопросы профессиональной компетентности нуждаются в другом объяснении профессионализма. Это так называемый атрибутивный подход (attribute approach), который рассматривает атрибуты, или черты профессии, задавая вопросы о том, является ли истинной профессией данный вид занятий, а также, каковы некоторые общие черты, отличающие профессии от не-профессий. Еще в 1915 году А. Флекснер – исследователь и консультант по проблемам медицинской профессии – предложил в своей работе список атрибутов, которые, как предполагалось, отвечают идеальному типу профессионала. С тех пор исследователи спорили по поводу этих атрибутов, создавали новые списки и не могли достичь консенсуса, пытаясь отличить профессии от не-профессий¹. Делались попытки сформулировать атрибуты профессионализма, которые затем позволили бы оценить, насколько тот или иной вид занятий приближается к идеальному типу профессии. В этом случае профессионализация могла быть понята как *процесс, посредством которого некий вид занятий может с успехом претендовать на статус профессии и, следо-*

¹ Greenwood E. Attributes of a Profession. In: M. Zald (Ed.) Social Welfare Institutions. London: Wiley, 1965. С. 509–523; См. также: Reeser L. C., Epstein I. Professionalization and Activism in Social Work: The Sixties, the Eighties, and the Future. New York: Columbia University Press, 1996.

вательно, на награды и привилегии, соответствующие этому статусу.

В рамках этого подхода один и тот же вид занятий может быть определен разными авторами как профессия, полу-профессия или непрофессия, в зависимости от того, какой список признаков выбирается в качестве стандарта. Например, Флекснер рассматривал следующие признаки в качестве наиболее важных атрибутов профессии: вовлеченность в интеллектуальную деятельность, предполагающую индивидуальную ответственность; привлечение науки и обучение в практических целях; применение знаний посредством технологий, передаваемых через образование; самоорганизация; альтруистическая мотивация; наличие профессионального самосознания¹. Другой набор профессиональных признаков предложен Миллерсоном: применение навыков, основанных на теоретических знаниях; образование и подготовка (тренинг) по этим навыкам; компетентность профессионалов, удостоверенная экзаменами; правила поведения, которые утверждают профессиональную общность (и утверждаются профессиональным сообществом); исполнение услуг ради общественного блага; профессиональная ассоциация, которая организует своих членов².

Российская социальная работа удовлетворяет почти всем этим критериям, однако при этом сферы образования и практики сосуществуют достаточно независимо друг от друга.

Те же, кто возглавил социальные службы, зачастую вначале не имели понятия о социальной работе. И если в начале 1990-х годов такое положение было более или менее естественным, то уже ко времени первого выпуска специалистов или бакалавров социальной работы ситуация многим казалась неадекватной. Тем не менее, коллективы во многих учреждениях уже сложились, была сформирована специфическая организационная культура, и вхождение в такую организацию выпускников факультетов и кафедр социальной работы подчас воспринималось как внедрение в организм инородного тела, вызывая конфликт и отторжение новичка (из наших наблюдений 1994–1997 годов).

Социальный работник (и социальный педагог) ощущает принадлежность к группе профессионалов (специалистов) и укрепляет эту коллективную идентичность, принимая участие в профессиональной ассоциации. В каждой стране мира, где существует профессия социального ра-

¹ Reeser L. C., Epstein I. *Professionalization and Activism in Social Work: The Sixties, the Eighties, and the Future*. New York: Columbia University Press. 1996. P. 70–71.

² Millerson G. L. *The Qualifying Association*. London: Routledge&Kegan Paul, 1964.

ботника, имеется национальная ассоциация социальной работы. В России в начале 1990-х годов практически одновременно были образованы три (!) профессиональных ассоциации, действующие на федеральном уровне, расширен выпуск периодических изданий, разработан, а затем обновлен этический стандарт социальной работы. Отметим, что конференции по теоретическим и практическим вопросам, также как деятельность ассоциаций, журналов и институтов, вносят немалый вклад в процесс профессионализации социальной работы, осуществляя обмен информацией с региональными отделениями.

Если вспомнить о том, что Флекснер предложил еще и профессиональное самосознание как признак профессии, то мы подойдем к формулировке одной из главных проблем в развитии социальной работы. Речь идет о неясности профессиональной идентичности. Эта проблема возникла во многом в силу того, что практически одновременно в начале 1990-х годов в России появились «социальные работники» и «специалисты по социальной работе». К социальным работникам, помогающим одиноким престарелым и инвалидам, люди быстро привыкли, понятие «социальная работа» приобрело вполне конкретный смысл. Такая путаница в названии видов деятельности ведет к нераспознаванию социальной работы общественным мнением, к размытости критериев профессиональной принадлежности и профессиональных достижений. А ведь для индивида принадлежность к той или иной профессии означает идентификацию с какими-либо значимыми целями, которые придают смысл всей его жизни.

Сам факт такой неопределенности в характеристике деятельности социального работника указывает на слабость той символической власти (зависящей от уровня групповой солидарности, профессиональной идентичности, влияния), которой обладает институт социальной работы в современном российском обществе. Пока что этой власти явно недостаточно, чтобы формировать и последовательно укреплять в общественном мнении определенное и недвусмысленное представление о своей деятельности. Во всяком случае, социальные работники не могут здесь конкурировать с такими новыми профессиями, как банкир, организационный консультант, маркетолог.

Социальная работа у многих россиян зачастую ассоциируется с милосердием или благотворительностью от лица государства. Однако социальная работа – это профессия, тогда как благотворительность – внепрофес-

сиональная деятельность, а милосердие – категория нравственности¹.

Напомним, что с точки зрения функционалистского подхода, профессионализация социальной работы является позитивной и прогрессивной социальной силой. Однако, используя лишь функционалистский подход, в первом разделе мы не могли ответить на вопрос, обладает ли социальная работа всеми необходимыми атрибутами, благодаря чему этот вид занятий может быть определен как профессия. В вопросах профессиональной компетентности именно атрибутивный подход предоставляет наблюдателю инструменты оценки представителей той или иной профессии. Этот подход позволяет ответить на вопрос, отвечает ли их деятельность набору выбранных качеств. В свою очередь, данная перспектива, примененная во втором разделе, не объясняет, почему между группами, представляющими различные виды занятий, или различные профессии, возникают конфликты, например там, где пересекаются сферы ответственности или системы ценностей. Поэтому нам придется перейти к следующей модели объяснения профессионализации.

Определение границ социальной работы: символическая борьба за ресурсы

Так называемые негативные теории профессионализации опровергают обе предыдущих версии, не соглашаясь с тем, что профессионалы действуют во имя общественного блага, и не считая возможным ограничиваться фиксированным набором атрибутов профессиональной деятельности. Третья перспектива, о которой идет речь, представлена критическим направлением социальной науки, включая марксистское и немарксистское понимание профессии. В соответствии с этим подходом каждая профессия стремится поддержать status quo, удержать или захватить власть и наиболее выгодное положение в стратификационной системе². Поэтому профессионализация оказывается *процессом создания и*

¹ Шанин Т. Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина в контексте социальной теории и политической практики наших дней // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики. М.: Аспект-Пресс, 1997. С. 21–23.

² См. напр.: Freidson E. Professional Dominance. Chicago: Aldine Publishing Company, 1970; Larson M. S. The Rise of Professionalism. Berkeley, CA: University of California Press, 1977; Mills C. W. White Collar. New York: Oxford University Press, 1953.

контроля рынка определенных услуг, предоставляемых данной профессией, а в конечном итоге – стремлением к достижению высокого статуса и восходящей социальной мобильности самих профессионалов. Этот подход, называемый еще профессиональным контролем (the occupational control approach) происходит из теорий конфликта и действия, рассматривающих общество как борьбу различных групп за соблюдение собственных интересов ¹.

Каждая профессия стремится ясно очертить круг вопросов, относящихся к сфере ее компетентности, ограничивая профессиональный взгляд на мир и монополизировав профессиональное знание как собственность. Требование юридически подкрепляемого права на уникальную компетентность есть базовая стратегия профессионализма, а существенной частью этого процесса выступает контроль рекрутирования (профессионального отбора). Достижения профессионального статуса должны гарантировать высокие материальные награды, исключать внешние оценки качества услуг и гарантировать тем, кто допущен к практике, безопасность как владельцам этого капитала. Отсюда возникают серьезные конфликты между профессионалами и теми, кто посягает на их монополию статуса и экспертизы. В этом отношении социальная работа как новая профессия пересекается с традиционными, которые в свою очередь также испытывают обновление.

Для социальной работы в школе существует поле позитивной деятельности: координация услуг для ученика, активизация ресурсов всей его экосистемы. На Западе школьные социальные работники (school social workers) проходят специальную подготовку в университете, чтобы анализировать и работать с факторами, вызывающими падение успеваемости, частые пропуски занятий, рискованные или кризисные состояния в жизни школьника. В России это поле оказывается сферой символической борьбы с психологами и социальными педагогами за область экспертизы и практической деятельности, до определенной степени результатом этой борьбы становится ограничение профессиональных задач социального работника. Еще один пример конфликта между профессиями: образовательные программы по социальной работе на Западе включают целый раздел по защите прав клиента (advocacy), социальные работники облечены полномочиями инспекции благополучия детей в семье или уч-

¹ Jones S., Joss R. Models of Professionalism. In: M. Yelloly, M. Henkel (Eds) Learning and Teaching in Social Work. London; Bristol; Pennsylvania: Jessica Kingsley Publishers, 1995. P. 18.

реждении, обладают реальной властью и авторитетом в глазах семьи и ребенка. В отечественной версии интенсивно осуществляется узурпация сферы прав человека юристами при игнорировании социальных работников; мероприятия по обучению правам человека, обсуждение международного социального права проводятся для узкой аудитории юридических профи.

С самого своего возникновения в России социальная работа пытается определить собственные границы среди традиционных и вновь возникающих помогающих профессий. И для того, чтобы «прочитать» эти самоопределения, необходим интерпретативный подход.

Читая профессиональный опыт

Обсуждение профессионализации социальной работы включено в более широкую перспективу анализа социальной политики, который, в свою очередь, затрагивает мало разработанную область исследований повседневной рабочей рутины тех, кто представляет низовой уровень и на самом деле реально реализует социальные программы, воплощает концептуальные инновации. Такого рода исследования проводятся в интерпретативной парадигме с применением методов кейс-стади, качественных подходов к оценке эффективности учреждений и организаций социальной сферы¹. Как отмечалось выше, среди социологов, применяющих атрибутивный подход, не существует единого мнения по поводу характеристик или признаков профессии. И все же, ученым удалось достичь некоторого консенсуса в обсуждении типов профессионализма и профессиональной деятельности. Среди критериев, по которым предлагается классифицировать профессионализм, – роль теоретических знаний и ценностей, отношения с клиентами, образ Я и метод профессионального развития². Например, критерий *теоретической ориентации* в базовых знаниях профессии означает присутствие или отсутствие теорий в знаниях специалиста, степень их сложности, а также, что немаловажно, связанные с ними ценности. К *ценностям* относятся неформальные пра-

¹ См. напр.: Hudson B. Michael Lipsky and Street-Level Bureacracy: A Neglected Perspective: A Neglected Perspective // L. Barton (Ed.) Disability and Dependency. London; New York: The Falmer Press, 1989. P. 42–54.

² Jones S., Joss R. Models of Professionalism. In: M. Yelloly, M. Henkel (Eds) Learning and Teaching in Social Work. London; Bristol; Pennsylvania: Jessica Kingsley Publishers, 1995. P. 20–21.

вила и смыслы, сложившиеся в профессиональных и организационных субкультурах. *Отношения с клиентами* могут варьироваться от исключительно жесткого контроля, демонстрации мастерства, власти и экспертизы до партнерства как продолжительного диалога и рефлексивного контакта. *Образ Я* у профессионала «отражает ценностную систему профессии и культурные нормы, усвоенные индивидами в их социализации посредством отбора и тренинга», и представлен типами мастера-ремесленника, эксперта, оператора и фасилитатора¹. *Обучение* на личном опыте в профессиональном развитии полагается на метод проб и ошибок с незначительным вниманием к построению моделей профессиональной практики. Другой метод профессионального развития – обучение, опосредованное опытом, которое не обязательно происходит напрямую, а использует рефлексии опыта других, кейс-стади, моделирование практических ситуаций и реальную практику. Кроме того, существует метод обучения в формальных академических условиях. Используя указанные аспекты, можно выделить три основные профессиональные модели: практический профессионал, технический эксперт (и его вариант – эксперт-менеджер) и рефлексивный практик. При этом, например, метафора идентичности практического профессионала – это ремесленник, поскольку тот, кто демонстрирует свою экспертизу и власть над клиентами, как правило, учится методом проб и ошибок.

Рассмотрим, как аспекты профессиональной деятельности осмысливаются и конструируются работниками среднегорских социальных служб, проинтервьюированных в 1998 году. Среди 20 человек, согласившихся на глубинные интервью, были 19 женщин и один мужчина в возрасте от 24 лет до 51 года. Группа респондентов включала пять начальников отделов социальных служб, восемь специалистов по социальной работе и семь социальных работников, причем стаж работы респондентов на данной должности был от 2 до 8 лет. Среди интервьюируемых не оказалось ни одного с соответствующей квалификацией по диплому. Метод сбора данных представлял собой полуструктурированное интервью.

Говоря о роли знаний в социальной работе, информанты упомянули необходимость медицинских, педагогических, юридических и психологических знаний, однако вне связи с конкретными навыками. Метод профессионального развития – на опыте (то есть методом проб и ошибок); респонденты упомянули, что систематическое знание в социальной

¹ Ibid. P. 21.

работе не обязательно: «Житейский опыт очень здорово помогает»; «Нужна доброта, сочувствие к людям, знание здесь не причем». В отношениях с клиентами социальные работники ощущают моральный долг и эмпатию. Эмоциональность этого аспекта проявлялась в том, как росло напряжение повествования: «Мы как бы сами воспринимаем эту боль... насколько не был бы человек сильным, он все равно это все переживает»; и в том, насколько короткой воспринимается дистанция между специалистом и клиентом: «я уже настолько к ним привыкла... я уже не смогу без этих семей». Консенсусный обмен с клиентами присутствует в практике работы, что явствует из следующих фрагментов: «эта работа помогает самой выжить, преодолеть свои трудности»; «нравится мне с ними беседовать... я сама от них ума-разума набираюсь. Интересно приходиться в эти семьи, общаться с ними»; «я сама очень больной человек и смотрю, как некоторые тоже выходят из этого положения».

Эти фрагменты также указывают на имидж социальных работников, который не подходит вполне ни к одному из определений, предложенных в обсуждаемой выше классификации: это ни эксперт, ни фасилитатор. Растущее число публикаций по истории российской социальной работы вносит вклад в конструирование образа ремесленного или практического профессионализма (*craft or practical professionalism*) в современной России. В фокусе этих публикаций – благотворительная деятельность, спонсорство, ценности православия, относящиеся к дореволюционному периоду российской истории, а также оформление системы социального обеспечения в советское время. И все же, самопрезентация социальных работников в интервью лишь отчасти напоминает имидж ремесленника или мастера, скорее, это подмастерье, который учится у своих же клиентов. Клиент в этой ситуации играет роль мастера-ремесленника, поскольку на протяжении всей советской истории люди не выработали привычки делиться личными проблемами с представителями государственного агентства и не участвовали в социальных практиках, аналогичных встрече с психоаналитиком или исповеди в католической церкви. Подобные практики отсутствовали в культурном контексте советского общества¹, и многие проблемы решались без вмешательства извне, без профессиональной помощи. Вот почему социальная работа сегодня ставит вопросы не исправления или наказания, а помощи

¹ Kharkhordin O. *Reveal and Dissimulate: A Genealogy of Private Life in Soviet Russia*. In: J. Weintraub, K. Kumar (Eds) *Public and Private in Thought and Practice. Perspectives on a Grand Dichotomy*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1997. С. 365–383.

людям, развивая незнакомые практики обсуждения частных проблем с представителем государственной организации. Люди еще не ориентированы на получение такого рода услуг, и в случае необходимости обращаются в привычные инстанции: врач, милиционер, учитель, – подчас относясь к социальным службам как к новому названию старого собеса. Говоря о социальной ценности их работы, респонденты выражали сожаление по поводу двойственности своего статуса – социальная работа существует, она важна для общества, однако у окружающих мало сведений об этом, а средства массовой информации хранят молчание: «Рекламы мало о нашей службе, мало знают, и если социальный работник, то сразу «собес», категорично». Идентичность формируется в процессе социального взаимодействия, проблематичная идентичность возникает, когда человек чувствует себя отчужденным от общества, например, вследствие этнических отличий, безработицы или, если его профессия не воспринимается обществом как нужная и полезная.

И в то же время, есть и другая интерпретация упомянутого образа профессиональной идентичности: наш, отечественный социальный работник вовсе никакой не средний класс, он или она только что сами были в положении клиента, но случайно и временно стали играть роль профессионального помощника. Иными словами, социальный работник и клиент не разделены барьерами профессионализма, класса и характера испытываемых ими жизненных трудностей. Что привлекает людей в этой работе? Во всяком случае, это не размеры зарплаты, но уверенность в завтрашнем дне и возможность хоть какой-то занятости, поскольку зарплата здесь «для женщины конечно маленькая, но приемлемая», «хоть крохи, но они постоянные и риску меньше», «девочка болеет часто, не с кем оставить... больше тридцати лет, сейчас нигде не принимают... хочешь не хочешь, а будешь работать». В то же время, центральный мотив во всех интервью – желание быть полезным людям: «хочется помочь, добро какое-то, пусть даже не материально, а чисто психологически»; «хочется оставить след в сердцах людей»; «большая отдача, и мамы, и дети уходят с горящими глазами – это очень вдохновляет». Некоторые интервьюируемые рассказывали, что они привыкли к своим клиентам, между ними сложились дружеские отношения, и теперь они не представляют себе другой работы: «я уже не смогу без этих семей».

Исследования, проведенные на Западе, предостерегают, что большой профессионализм выражается в меньшем активизме и увеличивает разрыв между профессионалами и клиентами. Иными словами, более образованные специалисты, представляющие средний класс, мало заинтересованы в изменении социальной структуры, а следовательно, и в лобби-

ровании интересов клиентов. С этой позиции, пока большинство агентств не замкнулись на достижении собственного профессионального статуса и не отвернулись от окружающих, у нас есть все шансы интегрировать усилия университетов, государственных социальных служб и частной инициативы. Неправительственный сектор может способствовать развитию новой философии социальных услуг и тому, чтобы центр обслуживал периферию, чтобы необходимую помощь получали и те, кто находятся на краю, не попадая в сферу внимания государственных социальных служб.

При этом успешная партнерская интеграция различных государственных и частных организаций социальных услуг предусматривает цикл практического обучения (*experiential learning*)¹, которое включает конкретный опыт, рефлексивное наблюдение, теоретическую концептуализацию и активное экспериментирование, восприимчивое к специфическим контекстам и ситуациям профессиональной практики. В этом отношении существенную помощь могли бы оказать совместные семинары университетских преподавателей, исследователей, администраторов и работников социальных служб. Для повышения своей эффективности организации социальной работы могут строить свою деятельность на основе взаимного сотрудничества, осуществляя инновационные проекты и акции для социального развития, обмениваться опытом и идеями, чтобы отстаивать свои требования на местном и федеральном уровнях.

Выводы

Функционалистский, атрибутивный и критический подходы, которые обсуждались выше, не являются изолированными друг от друга теоретическими перспективами. Напротив, каждая из них проливает свет на тот или иной аспект проблемы профессиональной идентичности специалиста по социальной работе. Лишь в том случае, когда они применяются вместе, эти подходы могут позволить многостороннее видение социального процесса, посредством которого общество начинает определять данный вид занятий как профессию, а представители этого рода деятельности относят себя к группе профессионалов. Стабильное состояние профессионализма для некоего вида занятий достигается постепенно, лишь после того, как сформированы системы соответствующего образо-

¹ Kolb D. A. *Experiential Learning*. Englewood Cliffs; New Jersey: Prentice Hall, 1984.

вания, лицензирования, учреждены ассоциации и журналы, принят этический кодекс. Тем не менее, в условиях растущей неопределенности классический ландшафт зафиксированных профессиональных идентичностей сталкивается с новой ситуацией, артикулированной критическим подходом и концепцией «рефлексивного практика»¹. Эти аналитические перспективы привлекают наше внимание к чертам ригидности и консерватизма, практикам власти и исключения, реализация которых сопутствует конституированию профессии. В таком контексте профессионализация есть процесс успешного соревнования за символические и утилитарные ресурсы между сходными или пересекающимися видами занятий.

В России сегодня мы не можем требовать от социальных работников, чтобы они немедленно стали такими, как хотят того теоретики. В то же время, можно предложить, что наиболее подходящей моделью профессионализма для практиков социальной работы в России выступает та, что делает акцент на важности обучающего опыта как средства достижения и оттачивания профессиональной компетентности. Модель рефлексивного практика необходима там, где «проблемы равенства, соблюдения прав и нон-дискриминации приобретают величайшую важность»². Такой тип профессионализма, доказавший свою адекватность задачам социальной работы во всем мире, предполагает комбинацию теоретического и практического знания, профессиональных ценностей, когнитивной и поведенческой компетентности в специфических ситуациях, требующих достижения взаимопонимания и договоренности. А необходимость партнерских отношений между образованием и практикой, как и между разными секторами социальной работы и других помогающих человеку профессий, сегодня уже никому не нужно доказывать.

¹ Jones S., Joss R. Models of Professionalism. In: M. Yelloly, M. Henkel (Eds) Learning and Teaching in Social Work. London; Bristol; Pennsylvania: Jessica Kingsley Publishers, 1995. P. 15–33.

² Ibid.

ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ ЗАНЯТОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Профессия или временная общественная работа для женщин?

Рынок труда в России поделен на два сектора – женский и мужской; данные исследований, проведенных во многих индустриальных странах, указывают на сходные модели сегрегации. Женщины преобладают в сфере социальной защиты, образования, здравоохранения и секторе услуг, а мужчины – в сфере управления, техники, национальной безопасности, квалифицированных рабочих профессиях. При этом женская занятость сконцентрирована в более ограниченном числе отраслей, нежели мужская, например среди женщин, не занятых в промышленности, до 90 % попадают в следующие отрасли: торговля, связь, банковская система и социальная сфера – образование, социальное обеспечение, здравоохранение¹. Традиционная женская роль матери и хранительницы очага в случае политического участия женщин или их занятости в экономике воспроизводится в форме «социального материнства», и проблема заключается в том, что именно эти сферы ответственности оцениваются российским обществом и государством как второстепенные с вытекающими отсюда последствиями – низким престижем и невыгодными условиями оплаты труда. В этой связи говорят не только о концентрации женщин в том или ином секторе экономики, но и об их геттоизации, так как на фоне увеличения доли женщин в сфере занятости «происходит их концентрация на определенных работах и должностных уровнях, например, низкооплачиваемых или наименее престижных»². Такая ситуация не является универсальной. В ряде стран, например в Скандинавии, маргинализация женщин уже считается мифом³, так как здесь изменилось положение женщины и отношение к ней общества, государства. И хотя проблема «стеклянного потолка» для шведок и датчанок отнюдь не полностью изжита, на передний план выдвигаются вопросы здравоохранения, социального обеспечения, экологии, образования, став сферой их

¹ Мезенцева Е. Б. Профессиональная сегрегация по признаку пола // Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001. С. 142.

² Там же. С. 143.

³ Темкина А. Теоретические подходы к проблеме политического участия: гендерное измерение // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной; Центр независим. соц. исслед. Вып. 4. СПб.: СФПК СПбГУ, 1996. С. 13–18.

политической и экономической деятельности. В постиндустриальном обществе возникают и осознаются новые риски, пересматриваются системы ценностей, в этом новом контексте оказывается, что женщина отвечает не за вторичные, а важнейшие по значимости сферы, а возможности социальной защиты ассоциируются не с институтом семьи, а с государством¹.

Зарубежные феминистские исследователи² продемонстрировали, что в современном обществе растет число рабочих мест, где требуются не профессиональные знания и навыки, а особые личностные качества сотрудников. Речь идет, в частности, о так называемой «эмоциональной работе», то есть тех профессиях, где акцент делается на психологической нагрузке работников. Так, в социальную службу нанимают женщин, от которых ожидается проявление эмпатии. Другие примеры лично ориентированной работы – стюардессы³, воспитатели, секретари, туристические агенты. Аналогично «эмпатийной» работе для женщин, есть специфические рабочие места для мужчин, где требуются определенные качества мужественности (например, охранник-вышибала).

Наряду с формированием сектора занятости, предполагающего лично ориентированную работу, параллельно происходит закрепление стереотипных представлений о том, что такое «мужские» и «женские» качества, которые представляются неизменными и «естественными». Британские феминистские исследования труда и занятости⁴ в конце 1980-х – начале 1990-х годов продемонстрировали, как в трудовом процессе переплетаются гендерные и капиталистические отношения. Это проявляется в том, что статус работы и ранг сотрудника имеет гендерную идентификацию.

¹ Здравомыслова Е., Темкина А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной; Центр независим. соц. исслед. Вып. 4. СПб.: СФПК СПбГУ, 1996. С. 5–12.

² Pateman С. *The Sexual Contract*. Cambridge: Polity Press, 1988; Adkins L. *Gendered Work: Sexuality, Family and the Labor Market*. Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 1995; Hochschild A. *The Managed Heart: The Commercialization of Human Feeling*. Berkeley; London: University of California Press, 1983.

³ На международных рейсах, где оплата выше, в обслуживании полета заняты и бортпроводники-мужчины.

⁴ Phillips A., Taylor B. 'Sex and Skill' // *Feminist Review*, 1986; Цит по: Andermahr S., Lovell T., Wolkowitz C. *A Concise Glossary of Feminist Theory*. London; New York: Arnold, 1997.

Если не принимать в расчет различия между мужчинами и женщинами в практиках найма, трудовых отношениях, характере занятости и размерах вознаграждения, то можно объяснить феминизацию социальной работы «естественным предназначением» женщины. Именно на таком предубеждении и основан так называемый гендерный контракт в отношениях между государством и женщиной. Государство, определив нищенские оклады работникам социальных служб, фактически действует на основании негласно действующего в обществе установления о дешевизне женского труда¹, с одной стороны, и на основании гендерной сегрегации рынка труда – с другой. Эти основания исторически связаны друг с другом еще со времен индустриальной революции², когда владельцы фабрик определили работницам задачи, подобные тем, что выполнялись женщинами дома, тем самым создали феномен «женской работы», а затем рационализировали обесценивание этой работы на основании законов и стереотипных представлений о роли женщины в обществе.

Подобным образом устроена и современная социальная служба: для социальных работников здесь созданы особые условия найма (которые определяются низкой зарплатой и текучестью кадров), отбора (требуются особые «качества души» и исполнительность), требования к работе (выслушать пожилого человека, сделать уборку, поменять постель) и режим (гибкий график). Проблема здесь заключается в том, что социальные группы, имеющие меньше возможностей устроиться на работу, будут наниматься за меньшие деньги, поэтому государство, стремящееся снизить расходы на рабочую силу в социальной сфере, будет фактически воспроизводить такой тип эксплуатации: *«Вот у нас сейчас такая проблема есть с кадрами: у нас в санитарки никто не идет. Минимальная зарплата 200 рублей, второй разряд – 210, третий – 230. Что на эти деньги можно сделать? Ничего – доехать на работу только, на транспорте. Сейчас вот у нас ни электрика, ни сантехника нет – зарплата там 300 рублей, у меня три ставки электрика, прошу, отдам, говорю, все три, могу я так сделать, – на 1000 рублей никто не идет. Я говорю, у меня у самой 1500 рублей со всеми надбавками»* (директор интерната, жен., 51 год, Среднегорск, апрель 2001).

¹ Enloe C. Blue Jeans and Bankers // Women, Culture and Society. A Reader. Rutgers University Women's Studies Program. Kendall: Hunt Publishing Company, 1992. P. 339–357.

² Начавшись в Западной Европе, эти тенденции затем проявились в США, России, Японии и других странах, где развивался капитализм.

Все это способствует тому, чтобы женщины работали с наиболее высокой производительностью, сохраняя конвенциональную феминность (то есть зависимость, эмпатию, пассивность и покорность), – и таковы решающие стратегии постсоветского социального обслуживания.

Негласное оправдание дешевизны женского труда в социальной сфере следует из устаревшей патриархатной логики, позволяющей удерживать зарплаты (как и пособия) женщин на низком уровне. Во-первых, считается, что заботиться и ухаживать за детьми, престарелыми и инвалидами – это естественное, традиционное занятие для женщин, не требующее особой подготовки. Потому все необходимые навыки социальные работники получают по месту работы и дополнительно – на краткосрочных курсах повышения квалификации. Если же специалисты имеют теоретические знания, профессиональную подготовку, это порой интерпретируется как никчемный багаж.

В противовес первому аргументу отметим, что в ряде стран дошкольные и школьные учреждения, а также семьи стараются приобщать в равной мере девочек и мальчиков к «инструментальным» и «экспрессивным» функциям, обучая их не только творчеству и рациональности, но ответственному и эмоциональному отношению к миру, как обращаться с маленькими детьми и оказывать первую помощь. В России же гендерно-сбалансированное обучение осуществляется, пожалуй, только в школах-интернатах для детей с инвалидностью, поскольку предполагается, что во взрослой жизни инвалиду любого пола понадобятся социально-бытовые навыки самообслуживания. В большинстве других случаев программы труда, факультативы и спецкурсы являются гендерно-специализированными по старинке. Это также является одним из факторов гендерной сегрегации рынка труда и причиной феминизации социальной сферы.

Еще одним гендерно-специфическим аргументом, оправдывающим низкую оплату труда социальных работников, является так называемая «идеология семейной оплаты»¹, в соответствии с которой мужчина – это кормилец семьи, главный «добытчик», а женщины предоставляют лишь временный и второстепенный источник семейного дохода. Об этом свидетельствуют данные наших кейс-стади в Среднегорске и Среднегорской области, согласно которым профессию социального работника вы-

¹ См. об этом: Воронина О. А. Феминизм: либеральное, социалистическое и радикальное направления // Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001. С. 59.

бирают либо женщины среднего и старшего возраста, которые не смогли найти работу после сокращения на предприятиях, либо молодые женщины с несовершеннолетними детьми. В любом случае в качестве привлекающих факторов при выборе места работы респонденты называли не зарплату, а удобный график и моральные причины (помощь людям): *«Вознаграждением является детская улыбка, радость ребенка, его хорошее эмоциональное состояние, душевное равновесие»* (социальный педагог, жен., 49 лет, Среднегорск, май 2001). Как видим, специалисты по социальной работе или социальной педагогике получают за свой труд символическое, а не утилитарное вознаграждение, которое и позволяет им реализовать свои «основные» женские обязанности по воспитанию собственных детей, уходу за больными родственниками и соответствие социальным ожиданиям «женского предназначения»: *«Из-за того, что резко наша экономика тогда упала, предприятия наши закрылись, мужик оказался невостребованным, и он просто ушел в депрессию. Это женщина – она человек сильный, она себя поднимет, она себя заставит ради детей на восемь работ пойти, то есть, если она была инженером, она пойдет уборщицей, потому что ей надо поднимать детей. А мужик – существо другое»* (директор социальной службы, жен., 55 лет, Среднегорск, декабрь 2001).

В интернатных учреждениях сотрудники еще могут рассчитывать на небольшие дополнительные неформальные бенефиции в форме питания в столовой: *«Если касаться нашей отрасли, то здесь очень низкая оплата труда, очень низкая. Смешная. Даже несмотря на это, люди с полной отдачей работают, плохих людей не задерживается у нас. Ну а у всех семьи, есть дети, надо их кормить, обувать, одевать, содержать. Есть и одинокие женщины или мужики у них пьяницы, ну что там говорить-то... Материальное положение – там дети не ухожены, голодные... Я уже и не ругаюсь, детишки [сотрудниц] приходят сюда, пообедают...»* (директор интерната, жен., 51 год, Среднегорск, апрель 2001).

Происходит это в условиях, когда переформулируется гендерный контракт между государством, рынком и женщиной: высокие показатели женской безработицы теперь оправдывают материнство и воспитание детей как неотъемлемые функции женщин, в отличие от советского периода. Тогда социальное большинство было убеждено в том, что главное предназначение женщин – быть матерями и женами, одновременно работая и получая зарплату, и именно это помогало им завоевать уважение общества, получить личное удовлетворение и моральное вознаграждение. Новый репертуар женских ролей по репрезентациям в средствах

массовой информации, правда, включает бизнес-женщин и женщин-политиков, но эти персонажи остаются маргинальными, уступая место доминирующим тематическим определениям женщин в программах новостей через безработицу, бедность, последствия военных конфликтов и катастроф, а в рекламе – через образы домохозяйек и девушек для развлечений. И хотя в чем-то женщина приобретает власть, например, когда солдатские матери объединяются в группу, с которой политики считаются больше, чем с иными женскими организациями, одновременно происходит исключение женщины из сферы публичного (гендерная асимметрия рынка труда) и фетишизация женского тела в рекламе товаров, интимных услуг.

Итак, переформулированный гендерный контракт позволяет государству экономить свои расходы на оплату женского труда, каковым считается труд в социальной сфере. Как показывает статистика занятости, социальная сфера дает возможности продвижения женщин на руководящие позиции, по сравнению, например, с производством, банковским делом или армией. Так, в течение всего советского и постсоветского периода среди двадцати руководителей Народного комиссариата государственного призрения, Народного комиссариата социального обеспечения, Министерства социального обеспечения, Министерства социальной защиты населения РФ и Министерства труда и социального развития РФ было девять женщин и одиннадцать мужчин. На факультетах социальной работы российских вузов обучаются в основном студенты женского пола, в том числе в Среднегорске каждый год среди абитуриентов, выбравших социальную работу, около 90 % девушек.

Среди директоров социальных учреждений, например в Среднегорской области, преобладают женщины, причем их доля превышает аналогичные показатели в составе руководителей учреждений здравоохранения и образования.

Отметим, что по данным наших кейс-стади, путь женщин к административным позициям в социальной сфере пролегает вовсе не по ступеням должностной иерархии в учреждении социального обслуживания. Иными словами, на пост директора учреждения системы труда и социального развития вряд ли можно попасть, пройдя последовательно все стадии карьеры, начиная от рядового социального работника или специалиста по социальной работе. Должность администратора социальной службы, руководителя управления является назначаемой, и сюда, как правило, попадает «человек системы» – личные, в том числе родственные, связи с вышестоящими инстанциями и опыт работы на руководящем посту в большинстве случаев здесь являются определяющими.

Поэтому говорить о карьере женщин в социальной сфере можно с большими оговорками: высокая степень женского участия в руководстве социальными учреждениями вовсе не означает таких же высоких шансов стать директором у выпускников факультета социальной работы и низовых сотрудников социальных служб.

Вообще, система новых учреждений социального обслуживания, создание которой началось в России с 1990-х годов, рассматривается политиками именно с точки зрения предоставления рабочих мест женщинам, высвобожденным с производства. Это подтверждается в частности тем, что национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли до 2000 года предполагает в том числе «создание дополнительных рабочих мест для женщин путем расширения сети учреждений социального обслуживания»¹.

Кстати, среди 18 предложений видов общественных работ Департамента занятости по Среднегорской области от 26 ноября 1999 года в том числе присутствует в перечне и тот самый «уход за больными, престарелыми, инвалидами и детьми в медицинских учреждениях и по месту жительства». Оказанием услуг по месту жительства, как известно, занимаются центры социального обслуживания населения.

Если мы переведем дословно понятие *social work* – социальная, или общественная работа, то получим именно тот образ, который устойчиво сопровождает новую профессию с момента ее появления в России в 1991 году. В программе Правительства РФ по поддержанию занятости населения (1999 год) создание рабочих мест на общественных работах в основном предполагает возможности оплачиваемого физически тяжелого труда (подсобные, вспомогательные и погрузочно-разгрузочные работы, работы по уборке, благоустройству и пр.) и не учитывает женской специфики. В дальнейшем, предлагает М. Е. Баскакова, необходимо создание общественных работ, более подходящих для женщин (уход за больными, детьми, участие в массовых статистических опросах): «В программе оказался не разработан адресный подход к созданию рабочих мест для женщин и мужчин, который учитывал бы их положение на рынке труда»². Как видим, здесь «женская работа» трактуется как обще-

¹ Баскакова М. Е. Российский механизм реализации политики равных прав и равных возможностей в сфере занятости // Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001. С. 282.

² Баскакова М. Е. Российский механизм реализации политики равных прав и равных возможностей в сфере занятости // Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001. С. 284.

ственная работа по уходу за детьми и больными, то есть как раз в разрезе тех обязанностей, которые вменяются социальным работникам в современной России.

В свою очередь, сеть социальных служб можно вполне считать системой так называемых временных рабочих мест, предоставляемых безработным на бирже труда. Оплата труда занятых здесь специалистов и социальных работников по своему размеру напоминает пособие, вдовину или даже втрое меньшее прожиточного минимума. Социальная работа не входит и в перечень должностей с ненормированным рабочим днем, при которых полагается дополнительный оплачиваемый отпуск, как у медицинских работников и учителей. В этом списке есть сотрудники домов-интернатов, но нет сотрудников центров социального обслуживания, поскольку составлялся он в незапамятные времена, когда этих учреждений не было и в помине. Таким образом, руководству данных учреждений очень трудно привлекать в свой штат работников – ни зарплата, ни дополнительный оплачиваемый отпуск стимулами здесь быть никак не могут. Отметим, что женщины, будучи основной рабочей силой в системе социального обслуживания, попали в ряды тех, кого в очередной раз сократили во время недавней реструктуризации службы занятости: *«...мы сейчас высвобождаем 173 человека, и у нас женский коллектив, и я знаю, что это такое для женщин оказаться на улице, на себе это испытываем»* (начальник департамента занятости по Среднегорской области, муж., 45 лет, ноябрь 2000).

По данным наших кейс-стади, женщины в поисках работы нанимаются в социальную службу потому, что там работают их знакомые, служба расположена поблизости от дома, а режим работы позволяет, по выражению нашего респондента, «разносите услуги» параллельно присматривать за собственным ребенком. Выпускники вузов (большинство из них молодые женщины), если и приходят в социальную службу, то в том случае, когда не смогли устроиться куда-либо еще. Такое положение дел означает, что государство относится к социальной работе по двойному стандарту: с одной стороны, существуют достаточно престижные по уровню конкурса абитуриентов программы высшего образования, магистерской подготовки по социальной работе, международные программы образовательного обмена, а с другой стороны, на практике в социальной службе выпускников профилирующих факультетов не так уж много – в первую очередь, ввиду низкой заработной платы, не соответствующей ожиданиям специалистов, которые получили за государственный (или за свой) счет профессиональную подготовку в области социальной работы. Существование двойного стандарта, видимо, вызвано

существующей структурой управления в социальной сфере и сложившейся в обществе гендерной системой. Несовершенство рынка труда обуславливает, по сути дела, дискриминацию целой профессиональной группы.

Профессионализм: опыт против образования?

Проблема дешевого женского труда в социальной сфере отзывается и на гендерном составе студентов факультета социальной работы. Практически все обучающиеся – девушки, и хотя большинство из них отлично учатся, проводят исследования, готовят проекты, получают практические навыки в области современных методов социальной работы, защищают блестящие выпускные работы, – многих из них по окончании вуза ждет невзрачная должность с незавидным окладом.

Чувство разочарования постигает не только выпускников факультета социальной работы, но еще и студентов-старшекурсников после более пристального взгляда на будущее место работы по специальности. Это чувство вызвано прежде всего несправедливо низкой материальной оценкой их труда¹. Но есть и еще один нюанс: дипломированным специалистам не предлагается творческой работы, где они могли бы применить знания и навыки по психологии, социологии, теории и методам социальной работы в непосредственном контакте с клиентами – детьми и взрослыми, при работе с группой, семьей, индивидами или занимаясь координацией услуг для клиента, организуя необходимые визиты, встречи, контакты, добиваясь соблюдения прав человека. Взамен этого молодые специалисты становятся социальными помощниками, выполняя обязанности социального работника низкой квалификации, или ведут бумаги, становясь регистраторами. В организациях, с которыми социальным работникам приходится контактировать, так же, как и в семьях клиентов, уважение – редкость: по свидетельству наших респондентов, *«людьми воспринимается наша работа как просто девочки на побегушках»* (социальный работник, жен., 22 года, Среднегорская область, июнь 2001).

В. Сударенков, руководитель отдела кадрового обеспечения Минтруда России, ни с чем подобным не сталкивался, хотя много беседовал и с выпускниками, и с преподавателями, и с руководителями социальных служб. Напротив, по его мнению, «спрос на квалифицированные кадры

¹ Понятовская О. Дипломированные уборщицы // Социономия. Приложение к журналу «Социальная защита». 2001. № 5. С. 8–10.

есть, потребность все возрастает, поскольку правительство именно сейчас стало уделять серьезное внимание социальной политике. ... Впрочем... лет 10 назад, когда специальность социальная работа была для нашей образовательной системы еще новой, мы полагали, что чем моложе социальный работник – тем лучше... Но прошедшие годы убедили нас, что для успешной социальной работы нужны не только теоретические знания, нужен жизненный опыт. К такой точке зрения склоняются и наши ученые – преподаватели МГСУ»¹. Вряд ли следует целиком разделять точку зрения чиновников, ведь сегодня от ученых скорее ожидается здоровая критика, выявление и анализ проблем, а не одобрение уже принятых решений, как было при советской власти.

В. Сударенков, кстати, и ссылается на советскую практику, когда считалось, что «выпускник вуза должен еще годика три созреть, и только тогда можно ожидать от него каких-то профессиональных результатов»². Именно так следует поступать с выпускниками учреждений профессионального образования и сейчас, а мыть полы и «помогать бабулькам» может стать неплохим тестом, так сказать, инициацией в настоящие социальные работники. Об этом сотрудник министерства предлагает предупредить студентов еще на вузовской скамье. Схема профессионального роста сильно напоминает сказку о Золушке или ее отечественный эквивалент «Морозко», и в роли доброй феи или хозяина избушки выступает директор службы, ведь дальнейший карьерный и творческий рост сотрудника целиком зависит от руководителя учреждения.

Вузовские выпускники – специалисты по социальной работе – проходят свой тернистый путь профессионала по-разному. Когда они устраиваются на работу по специальности, их творческий потенциал задействован в двух случаях: администрация службы заинтересована в сохранении и развитии кадров с профессиональным образованием по социальной работе и само учреждение предполагает возможности творческого роста и развития.

Однако такие ситуации являются редкостью, выпускники с вузовским дипломом специалиста по социальной работе не задерживаются в социальной службе более чем на один-два года. По словам одного из наших респондентов, *«выпускники социальной работы к нам не идут, хотя зарплаты у нас высокие, можем и полторы ставки дать – 700*

¹ Там же. С. 10.

² Понятовская О. Дипломированные уборщицы // Социономия. Приложение к журналу «Социальная защита». 2001. № 5.

рублей» (директор социальной службы, жен., 50 лет, Среднегорск, май 2001). Проблема низких ставок специалистов по социальной работе и социальных работников является просто вопиющей. Кстати, клиенты социальной работы в основном бедные, пожилые и инвалиды, и подчас самый бедный клиент имеет больший доход, чем зарплата, получаемая социальным работником.

Вузовские выпускники сюда не идут. Это один из главных тормозов в профессионализации социальной работы. В этом контексте высказывания чиновников о важности жизненного опыта и стажа являются оправданием сложившейся системы, когда выпускники вроде бы востребованы на рынке рабочих мест в системе труда и социального развития, но они не идут на работу по специальности из-за низкой зарплаты и невысоких возможностей роста и признания.

Внутри социальных служб складывается своя иерархия. Хотя большинство работающих здесь женщин получают низкую зарплату, все же есть должности, имеющие больший престиж, для которых разработаны особые условия, включая расчет нагрузки и оклад. Мы уже говорили о том, что в социальной службе на должность врача, психолога или учителя вряд ли примут человека без «правильного» диплома, тогда как в случае с социальным работником такая деталь, как наличие соответствующего образовательного капитала, считается необязательной¹. В этом случае более важным показателем профессионализма оказывается опыт, стаж. По свидетельству выпускницы вуза с дипломом специалиста по социальной работе, которую взяли в социальную службу на должность социолога и поручили вести учет регистрационных форм, проблемы бедности, социальной несправедливости, дискриминации здесь вообще никогда не затрагиваются, а, разбирая жизненные ситуации клиентов, специалисты по социальной работе и социальные работники в обсуждении всегда уступают ведущую роль юристу и психологу. Вся неуверенность системы социального обслуживания отражается в этом примере.

При этом фактический статус социального работника и специалиста, уровень его социальной защищенности и заработная плата остаются без изменения. Единственное решение, которое принято правительством в пользу повышения статуса социальной работы, относится к разряду декоративных – это учреждение Дня социального работника и театрализованное празднование 300-летия социальной службы России, на котором

¹ Ярская-Смирнова Е. Р. Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 89–90.

в Среднегорске, например, некоторым руководителям социальных служб и их сотрудникам были вручены грамоты и скромные денежные награды. Символические ресурсы – все, что есть в арсенале администраторов социальных служб, по словам которых, *«мы в своем ведомстве делаем единственное, что пытаемся как-то наших женщин собрать здесь хотя бы в один из праздников и поддержать только морально. Больше ничего мы не можем сделать»* (директор социальной службы, жен., 55 лет, Среднегорск, декабрь 2000).

Выводы

Социальная работа как профессия развивается в России с 1991 года, и с тех пор руководители социальных служб пытаются справиться с высокой текучестью кадров, при этом большинство занятых в социальном обслуживании не имеют формальной квалификации по социальной работе в соответствии с дипломом. Университетские выпускники факультетов социальной работы представлены в основном женщинами, что объясняется гендерной структурой образовательного и профессионального выбора. Эти молодые специалисты после окончания вуза редко поступают на работу в социальную службу ввиду чрезвычайно низкой оплаты труда профессиональных социальных работников. Сегодняшние специалисты по социальной работе и социальные работники – это женщины, которые ранее лишились работы на производстве по причине сокращения штатов на предприятии, или женщины с маленькими детьми, соглашающиеся на малооплачиваемую работу из-за гибкого графика и альтруистических соображений. Нынешние социальные работники получают вознаграждение не монетарным, а символическим способом, позволяющим им выполнять их «главные женские обязанности» – воспитывать собственных и чужих детей, ухаживать за престарелыми клиентами и больными родственниками, соответствуя социальным ожиданиям относительно женского предназначения.

Государство, устанавливая неадекватную политику заработной платы в социальной сфере, в частности для квалифицированных специалистов по социальной работе, фактически воспроизводит и закрепляет социальные предрассудки о дешевизне женского труда. Феминизация социальной работы означает низкий уровень оплаты труда и делает акцент не на формальных профессиональных знаниях и навыках, а на личностных качествах работника и эмоциональных аспектах должностных обязанностей, что, в свою очередь, усугубляет стереотип социальной работы как

«женского занятия». Наряду с предоставляемыми здесь возможностями женской карьеры, социальная сфера оказывается наименее престижной областью приложения сил молодых специалистов и людей, способных к творческому инициативному труду. Современная система социального обслуживания по сути дела порождает новые формы социального исключения, в том числе основанные на маргинализации важнейших профессиональных групп – социальных работников и специалистов по социальной работе.

Омельченко Е.Л.

МОЛОДЕЖЬ И БУДУЩЕЕ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Молодежь можно рассматривать в разных измерениях: как возрастную группу, в качестве поколенческой когорты, объединенной общими социально-экономическими, социально-культурными и общественно-политическими условиями ее формирования, как специфическую солидарность и т.д. Важно, чтобы при определении фокуса и акцента рассмотрения не произошло «потери» самого предмета исследования и его главной задачи. Исследования молодежи во все времена и во всяких обществах стимулировалось не только интересом, но и тревогой о том, что несет с собой новое поколение? Каково будущее страны, что ждет Россию?

Возрастные границы молодежной группы не строго очерчены, а обусловлены особенностями данного общества и исследовательскими целями.

Переходный возраст есть по существу сдвиг в жизненном цикле от зависимости к независимости и от безответственности к ответственности. Ясно, что характер продвижения по такого рода «социальной лестнице» различен в разных группах молодежи.

Понятие «молодежь» многозначно. Первое, на что обычно ссылаются как на объективный показатель – это *молодой возраст*, причем *разные* исследователи определяют его по-своему. Подобные разделения достаточно условны.

Нельзя же всю молодежь представить как некую гомогенную группу. Не вызывает сомнений факт существования возрастных границ, связанных с биологическими, физиологическими, психологическими особенностями телесной и сексуальной зрелости индивида, завершения форми-

рования его «Я-концепции». Очевидно, что «взросление» каждого, хотя и зависит от общих социальных условий, но далеко не напрямую.

Еще труднее уловить границы возраста в периоды общественных трансформаций, для которых характерно переосмысление большинства устоявшихся и традиционно закрепленных норм.

Механизмы включения молодежи во взрослую жизнь проявляются в целом ряде жизненных событий. Внутри этой группы следует различать социально-слоевые, профессиональные и иные образования, как, скажем, молодых «новых русских» или молодых «бедных», студентов престижных университетов и безработных, лидеров молодежных объединений и членов криминальных группировок. Специфические ценности и практики индивидов из этих групп существенно различаются, хотя все они – молодежь.

Поколенческая когорта, или просто поколение – люди, проходящие общий социально-исторический путь, насыщенный особыми и более не повторяющимися событиями большого общественного значения.

Любое поколение расчленено на социально неравные группы, что сближает в определенном смысле молодых и немолодых, принадлежащих одному социальному слою или иной общественной группе.

Изменения, происходящие в среде современной молодежи трансформирующегося российского общества, примерно совпадают с теми, которые происходят в среде других возрастных групп. Это – становление новых форм социального неравенства: личность молодых формируется в семье и в кругу сверстников, обладающих далеко не равными социальными ресурсами или, как это называет П. Бурдьё, неравными социальными, культурными и, конечно, материальными капиталами. Это – пол и гендерное самосознание: конформное принятие или сопротивление освоению заданных социальной средой ролевых требований и стереотипов, отнесенных к мальчикам-девочкам, женщинам-мужчинам.

На членах новых молодежных сообществ в меньшей степени сказывается дифференциация по обладанию первоначальным социальным ресурсом (культурным капиталом) сравнительно с самостоятельно приобретенным жизненным опытом. Юноши и девушки овладевают также иными способами обыденного «теоретизирования», сосредоточивая внимание именно на *индивидуально-особом* «приспособлении» к правилам игры в обществе риска, одним из способов которой становится *рутинизация управления риском*.

Как пережить череду неудач и преодолеть нерешительность перед новым «испытанием»? Кто может гарантировать сегодня, что получаемое образование действительно чего-то стоит, и что соответствующая

ему работа действительно будет получена? Стоит ли стремиться к созданию семьи, если все вокруг говорит о том, что это большой риск? В этой ситуации выигрыш в лотерее становится столь же реальным выходом из неопределенности, как и отчаянная борьба за успех в жизни. Испытать наркотик представляется намного менее рискованным, чем, например, взять на себя ответственность за выбор будущей профессии или о переезде из родительской семьи.

Понятие «молодежь» неизбежно ассоциируется с тем новым, что возникает в любой культуре, может появиться предощущение опасности для будущего нашего общества. Непонимание специфики современной молодежи может прямо привести к подтверждению «страшных» диагнозов современности. Среди них – рост беспорядочного потребления, не только наркотиков и алкоголя, но и вещевого. Особую опасность и тревогу вызывают увлечения экспериментальными новациями в поп музыке, видео с насилием и жестокостью, «кровавые» компьютерные игры и, конечно же, рост молодежной преступности, разложение морали. Подобные прогнозы, основанные лишь на единственно явном объединяющем молодежь признаке – возрасте, приходят в явное противоречие с представлениями о молодости, как обещаниями лучшей жизни, веры в прогресс и надежд на преодоление кризисов современности.

Современное российское общество отличается высокой степенью неопределенности во всех сферах, что приводит к увеличению как вероятных, так и реальных направлений «взросления» и к большему вееру возможных выборов, причем трудно решить какой из них окажется наилучшим.

Современная российская молодежь реализует свой формально статусный потенциал по-разному в зависимости от практикуемых стилей жизни и доступности разного рода социальных и культурных ресурсов.

Молодежь по определению является наиболее динамичной социальной группой. Когда же процесс изменения из состояния детскости и подростковости во взрослость протекает в условиях общесоциальных трансформаций, многие из ранее фиксированных тенденций претерпевают значительные изменения. В их числе: широкие масштабы досрочного ухода из школы и включение подростков в рынок труда и теневого бизнеса; рост безработицы среди выпускников средних и высших учебных заведений; утрата принимаемого массовым сознанием одобряемого в качестве «нормы», образа жизни и др.

Молодежь и подростки стали одним из самых активных и самостоятельных субъектов на расширяющемся потребительском рынке: (1) молодежь получила возможность самостоятельно зарабатывать деньги (как

легально, так и нелегально); (2) она быстрее взрослых научилась использовать возможности и нормы новых социальных сетей и коммуникаций; (3) она осваивает иные культурные пространства и новые повседневные практики, о которых их родители в своей юности не имели представления. Произошло нарушение, прерывание общего социально-культурного «транзита» - передачи опыта старших младшим, от молодежи – к подросткам, от взрослых – к молодым. Их период взросления пришелся на время радикальных экономических реформ, так что традиционные социальные институты – семья, школа, наставничество умудренных жизнью и соответствующий социальный контроль – все это либо само претерпевает трансформации, либо не вызывает доверия.

Молодость и подростковость достаточно противоречиво воспринимается старшими поколениями. С одной стороны, отторгается безудержное, беспорядочное, болезненное (как в случаях с алкоголем и наркотическими веществами) потребление; доминирующее стремление к материальным ценностям, достатку; быстрому и легкому успеху; новые сексуальные практики. Это вызывает у взрослых тревогу, моральную панику по поводу «потерянного, дегенерирующего, распущенного» поколения. С другой стороны, именно молодежь составляет подавляющее «покупательское» большинство. Молодежный рынок становится главной мишенью «быстрого» и сверхдоходного бизнеса.

В области культуры эта тенденция также заметна. С одной стороны – беспокойство и тревога взрослых по поводу «потери» современной молодежью духовности, критика непонятных и опасных форм досуга, а с другой – прямая эксплуатация имиджа молодости в рекламе, заигрывание с «актуальными», рискованными темами (сексуальность, насилие, наркотики) ради получения максимальной прибыли при постоянном росте молодежных аудиторий.

Противоречивость воззрений старших поколений на современную молодежь затрудняет взросление юношей и девушек. Трансляция нового культурного опыта происходит внутри локальных сообществ, которые вместе с расширением единого информационного пространства, включаются в глобальное виртуальное общение. Таким образом, в их экономическом и культурном арсенале оказываются разнообразные потребительские предложения, отбор и «сортировка» которых происходит по иным, чем у старших поколений, правилам.

Возможность самостоятельного заработка дает современной молодежи определенную силу и власть на потребительском рынке. При этом молодые имеют иные, по сравнению с взрослыми, представления о «правильном» распоряжении деньгами, они тратят их на «краткий гедо-

низм» - отдых и удовольствия. Их покупательские привычки являются рыночным выражением недостатка их взрослой ответственности и независимости.

Развитие подросткового рынка показало растущую важность для молодежи «групп сверстников», потребительские пристрастия которых недоступны для взрослого контроля. Подростки, включаясь в свои кампании, оказываются под давлением групповых вкусов и интересов. Коллективное потребительское сознание создает благоприятную почву для легкой манипуляции коммерческими интересами молодежи.

«Свои» могут быть виртуальными и реальными, близкими и далекими. Школьный класс, студенческая группа, дворовая компания, субкультурная или творческая группа, завсегдатаи «своих» клубов, посетители Интернет «чатов» и др. - от них ждут признаний, одобрений, их реакции помогают корректировать собственный образ.

Потребители наркотиков до начала 90-х годов преимущественно представляли молодежные субкультуры. В 90-е годы не только в России, но и на Западе картина быстро меняется. Появляется совершенно беспрецедентный феномен – широкое распространение наркотиков среди обычной¹, «приличной» молодежи. В отличие от Запада, в России клубные «развлекательные» наркотики не получили широкого распространения за исключением столичной тусовки. Расширение наркотизации в 90-х происходит за счет анаши, ее производных и героина. Стремительное пополнение молодежных рядов пробующими и употребляющими наркотики вызвало панические реакции во всем взрослом мире: тема наркотиков стала центральной. В прессе доминировала идея «изоляции», «войны с наркотиками», что невероятно затруднило общественное понимание проблемы. Реакция непредсказуемости и страха во многом и долго определяла официальную социальную политику по отношению к наркотикам и наркотизации молодежи.

Сегодня считается вполне доказанным, что половина нынешнего молодого поколения пробовала запрещенные наркотики в подростковом возрасте, а около четверти используют наркотики постоянно². Поэтому вряд ли можно объяснять эти процессы только индивидуальной патоло-

¹ Понятие «обычная» молодежь в данном контексте означает, что речь идет не о представителях каких-либо экзотических молодежных групп (хиппи, панки, скинхэды и т.д.), а о молодежном «большинстве», которое никогда не исчерпывалось представителями ярких и красочных субкультурных тусовок.

² НИЦ "Регион" к настоящему моменту провел уже целую серию исследований проблемы молодежной наркотизации.

гией. Среди молодых наркоманов есть и девушки и юноши, выходцы из различных социальных слоев.

Нормализация потребления наркотиков, особенно так называемых легких, «невредных», развлекательных, приводит к панике «взрослых». Не в меньшей степени этому способствуют и специфические черты молодежных культур конца 90-х. Среди них – «вращение» молодежного досуга вокруг *«миксовых» форм культуры*.

«Стиль жизни» - способ, которым живет индивид или группа, ценностный стержень, который направляет индивида на цель, определяет пути достижения успеха с точки зрения их приемлемости или неприемлемости в рамках его ценностного мира

Социальные и личностные барьеры не меньше, чем ресурсы обуславливают жизненные стратегии и стили. Представления о шансах на реализацию избранной стратегии жизни могут варьироваться от заниженных до адекватных и завышенных. Это связано с множеством объективно существующих экономических, культурных и других барьеров, а также с отношением к ним самих молодых людей. Отношения собственности, стратификационная и властная иерархия порождают «действительно объективные» барьеры. Гендерные и этнические отношения в большей степени конструируются в культуре, а потому возникающие в них барьеры можно назвать «символически объективными», объективными в том смысле, что реально способны «управлять» социальным поведением. И, наконец, существуют барьеры, связанные с личностными особенностями людей, волевых и безвольных, талантливых или не очень способных и т.

Понятие *«культурные молодежные сцены»* - это культурные пространства (частные и публичные, реальные и виртуальные), которые осваиваются молодежью для выражения своей идентичности. Культурные молодежные сцены – это клубы, дискотеки, дворы, шопинг центры; в географическом разрезе – столица и провинция, Россия и Запад; в субкультурном – включение в специфические виды активности, например, *рейверы, клубисты, растафариянсы, толкиенисты* и др. в стилевом – приверженность специфическим ценностям и жизненным ритмам и др.

Стержнем молодежных культурных сцен, которые осваивают (завоевывают) различные молодежные группы являются ключевые ценности этого возраста, которые во многом определяют стили жизни, которые они практикуют. Одной из наиболее яркой и часто эксплуатируемой темы в молодежных медиа проектах является тема сексуальности и новых гендерных акцентов всей палитры возможных взаимоотношений молодежи. Формирование собственного отношения к телесности, ее презентациям, понимание своей ценности и сущности в пространстве «мужест-

венность – женственность», собственной красоте, привлекательности, сексуальности становится в этот период доминирующим. Конец 90-ых и начало нового тысячелетия ознаменовались серьезными изменениями не только в индивидуальных расшифровках этих понятий, но и в культурных практиках. Ключевые изменения в этом новом пространстве напрямую связаны с новыми феноменами культурных российских молодежных сцен конца 90-ых годов.

Современная молодежь стремится отгородиться от взрослых и чужих молодежных групп, оберегая собственное групповое пространство и способствуя его привлекательности для «своих». В этом им помогают масс-медиа: компьютер и ночное радио открывают спальню для виртуальной компании, а плеер в общественном транспорте закрывает публичность «своей» музыкой. Медиа позволяют молодежи погрузиться в более широкий мир, переполненный посланиями и символами, которые обращены именно к ней. Они создают впечатление многообразия жизненных возможностей. «Клиповое» сознание, пришедшее вместе с эрой MTV и рекламой, постепенно приучило молодежь мыслить быстро, завершено, примирило с мыслью о скоротечности всего нового и только что открытого. Эти культурные стрессы от постоянных прощаний со вчерашними кумирами, еще больше, чем экономическая нестабильность и привычное сосуществование с риском, способствует формированию жизненных стратегий, построенных на принципе «здесь и теперь».

Вместе с изменениями представлений о времени изменились и принципы формирования пространственных солидарностей молодежи. Современные молодежные культуры самым тесным образом связаны с ростом индустриальных городов. Особенно мегаполисы, с их калейдоскопом самых разных групп культурной и экономической анонимностью, отсутствием постоянного соседского контроля взрослых помогают молодым людям и девушкам стать по настоящему «современными».

Молодые люди, переживавшие дефицит общественного (социально важного) диалога, все активнее включаются в медиа пространство, где частное и публичное перемешаны.

Молодое поколение как нечто целое (что весьма условно) более приспособлено к социальным изменениям, не будучи отягощенным прошлым, советским опытом. Определенная открытость и гибкость сознания помогает современным юношам и девушкам быстро освоится с преимуществами новой социально экономической ситуации. Однако когда мы приближаемся к стилистым нюансам, то становится понятно, что эффективная реализация этих преимуществ дается не всем. В конкурентной борьбе на рынке труда ситуацию, в которой оказываются молодые специалисты зачастую описывают в терминах

зависимости, неопытности и бесправия. В определенных исторических обстоятельствах образовательный статус (власть образованных) может обеспечивать больший доступ к ресурсам, чем власть и собственность. Уровень и качество формального образования становятся сегодня специфическим видом престижного потребления, способствующего самоизоляции определенных социальных групп и сдерживающих стратификационную мобильность других.

Первым статусным и стилевым «разделителем» выступает высшее или среднее специальное образование. Оно сказывается на разности шансов в получении определенных привилегий на рынке труда. Диплом о высшем образовании уже сам по себе рассматривается как ценность вне зависимости от качества образования. Наличие вокруг этого символа различных теневых практик (например, покупки диплома на черном рынке) подтверждает высокий престиж формального образования. С одной стороны, высшее образование становится более доступным, благодаря распространению различных форм платного обучения, а с другой, по той же причине – менее доступным. Бесплатное, престижное и действительно качественное образование, которое будет востребовано на рынке труда завтра, далеко не все могут себе позволить.

Не менее значимым «разделителем» становится *готовность и способность* индивида реализовать свой образовательный потенциал. К активным формам относятся практика самостоятельного поиска и устройства на работу, к пассивным – использование родственных и других связей.

Западные и российские ученые по-разному понимают смысл *культурной глобализации*. На Западе ее интерпретируют как однонаправленное движение новых культурных течений и тенденций от «центра» к «периферии». Когда периферия не критично впитывает культурные влияния, то это описывается в терминах *культурного империализма* (насиленная *вестернизация, макдоналдизация* и т.д.). Когда новые культурные тенденции перерабатываются, видоизменяются и им придается новая форма, то процессы рецепции описываются теориями культурной *«гибридизации»*. Другие варианты получили названия *«созревания»* и *«креолизации»*. В них подчеркивается патерналистская функция западной (американской) культуры, которая «помогает» неразвитым, отсталым странам войти в глобальный культурный контекст, оплодотворяя их местные культуры прогрессивными идеями и образцами.

В отличие от Запада, в России глобализация часто понимается как политический, или даже идеологический вызов, инициированный и проводимый Западом. Главная роль в западной экспансии приписывается Америке, прежде всего Голливуду, и американской поп культуре, а гло-

бальная информационная сеть трактуется как проводник этой культуры и идеологии.

Специфика отношения молодежи к западному влиянию достаточно ярко проявилась в одном из наших исследований¹ при анализе отношений различных групп к «наступлению Запада». Оказалось, что далеко не все влияния просто впитываются некритично, не все влияния и перерабатываются в некоей самоизоляции. Отсеивание, фильтрация западных культурных влияний происходит не только на уровне государственной идеологии, но и группового или индивидуального опыта, на основе реального знакомства с Западом или его мифами.

Оказывается, что глобальная система вместе с ее информационными технологиями благодаря увеличению культурных выборов предоставляет молодежи больше возможностей для самореализации. Вместе с тем расширение этого пространства привело к разрушению традиционных представлений о таких понятиях, как «мы» и «они», «здесь» и «там», играющих ведущую роль в формировании молодежной идентичности.

Образы «других», «чужих» - тех, по отношению к которым выстраивается собственная идентичность в терминах «свой», «наши», «мы», - очень важны в период взросления. Часто образ себя и своей группы строится как зеркальное отражение образов «чужаков».

«Альтернативная» молодежь склонна искать по настоящему созидательный подлинный голос *здесь*, у себя и одновременно критически принимает как *совковую* культуру, так и коммерческую западную или «ново-русскую».

Отношение современной российской молодежи, особенно ее авангарда, к коммерческой культурной продукции с Запада можно назвать сопротивлением лишь отчасти. Хотя тема Запада остается одной из наиболее часто упоминаемых в молодежной среде, Запад нельзя назвать объектом только симпатии, или только антипатии, *российская молодежь продолжает смотреть на Запад, но все меньше стремится иммигрировать его*.

Появляющееся на исторической сцене поколение молодых несет свое представление о будущем.

Во-первых, любые молодые, будь они «бунтарями и мятежниками»,

¹ Совместный проект Центра Русских и Восточно-Европейских исследований (Бирмингемский университет, Великобритания) и НИЦ «Регион»: «Образы Запада: принятие и сопротивление провинциальной российской молодежи» (Leverhulme Trust, F/94/VJ, Великобритания, 1996-99. Руководитель – доктор Хилари Пилкингтон).

«строителями коммунизма», «сексуальными революционерами» или «кибер-панками» – все они вырастают. Именно им принадлежит будущая власть, их ценности становятся частью ценностей общества.

Во-вторых, нынешнее молодое российское поколение очень неоднородно, что требует внимательного изучения. Практически невозможно выделить некую группу, ценности и практики которой можно было бы назвать доминирующими. Дифференциации проходят по разным, часто не пересекающимся векторам. Помимо классических оснований, таких, как место в социальной структуре, все более значимыми становятся и другие. Среди них: уровень и качество полученного образования, практикуемые той или иной когортой легальные и нелегальные стратегии «выживания» на рынке труда, гендерные различия и стилевые профили, в которых выражается доступность и характер использования культурных ресурсов, доминирующие потребительские практики, характер освоения современной полистилической, по выражению Л. Ионина, культуры, включение в реальные или виртуальные сообщества, локально-территориальные особенности жизнедеятельности и др.

Можно сказать, что в среде молодежи есть как минимум пять типологических групп: две «авангардные», одна консервативная и две экстремистски настроенные.

«Авангардные» группы представляются полярными. Одну составляет молодежь, так сказать, прозападного стиля жизни, которая упорно овладевает знаниями и навыками, необходимыми в конкурентном обществе; это те, кто настроен на обогащение своего социального ресурса или капитала, каковой они смогут вложить в обеспечение своего будущего. Противоположная типологическая группа – «пофигисты» и «нормализующие риски».

Третья, консервативная, группа молодежи продолжает хранить старые рутинные привычки и обычаи. Кто-то стремится вернуться не только к родительским, но и «дородительским», традиционным или религиозным ценностям.

Четвертую и пятую группы образуют левые и правые экстремисты. Кое-где возрождаются пионерские и комсомольские отряды и организации, есть и молодые коммунисты и столь же радикальные профашистские группировки. Можно, видимо, предположить, что формируется и шестая категория – подрастающий резерв бандитских и прочих криминальных группировок.

Жизненные стратегии этих групп существенно разнятся, как и их стилевые практики. Главный вопрос: какая из типологических групп молодежи будет лидировать в ином жизненном цикле, когда сегодняшние

молодые станут родителями нового молодого поколения, преподавателями и журналистами, политиками и наемными работниками?

Взросление, хотя и происходит по неким внутренним законам, тем не менее, «разворачивается» вовсе не в вакууме, а внутри зрелого, взросло-го большинства. Без специальных усилий общества и государства вряд ли можно с точностью предсказать исключительно светлое будущее России. Оно не в малой степени будет определяться тем, какой, или каким стилевым группам государство отдаст предпочтение, помогая, поддерживая, наставляя, а каким будет противостоять некое общественное согласие, мешающее развитию и распространению негативных ростков и тенденций.

ЧАСТЬ II.
ПРОГРАММЫ СПЕЦКУРСОВ, ПРОЧИТАННЫХ
ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ СЕМИНАРА

С.И. Голод

Программа курса

Социально-психологические проблемы сексуальности

Тематический план

Тема I. Введение в проблему

Тема II. Сексуальность первой трети XX в. в России

а. Эрос и сексуальность на рубеже XIX-XX вв.

б. Сексуальная революция 20-х годов.

Тема III. Тенденции сексуального поведения молодежи
(50-90-е годы XX в.)

а. Девственность и целомудрие

б. Ценностные ориентации и факторы сдерживания от «добрачной» активности

в. Мотивы и добрачные сексуальные практики

Тема IV. Субкультурная дифференциация полов и сексуальное поведение

а. Психоэмоциональная специфика сексуальности мужчин и женщин

б. От двойной к единой морали

в. Сексуальная эмансипация женщин и «цена» тела

г. Мужчина и женщина: сближение или расхождение?

Тема V. Карнавальность любви и оргийность секса

а. Любовные культуры

б. Взаимосвязь любовных этнокультур

Литература к теме V

Вишневский А.Г. Страсть и супружество // Социологические исследования. № 2. 1986.

Голод С.И. Сексуальность в контексте культуры // Ты, Эрот... Тематический выпуск журнала «Искусство Ленинграда». № 4. 1991.

Давыдов Ю.Н. Семья и страсть // Социологические исследования. №

3. 1985.

Дюби Ж Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции // Одиссея. М.: Наука, 1990.

Льюис К. Любовь // Вопросы философии. № 8. 1989.

Ортега-и-Гессет Х. Этюды о любви // Звезда. № 12. 1991.

Пас О. Стол и постель // Человек. № 1. 1994.

Пас О. Солнечная система // Иностранная литература. № 7. 1997.

Русский Эрос, или Философия любви в России. М.: Прогресс, 1991.

Рюриков Ю.Б. Мед и яд любви (семья и любовь на сломе веков). М.: Молодая гвардия, 1990.

Фридман Р.А. Любовная лирика трубадуров и ее истолкование // Уч.записки Рязанского пед. ин-та. Т.36, вып. 1. М.: Просвещение, 1965.

Фромм Э. Искусство любви. М.: Знание, 1990.

Тема VI. Социологические аспекты проституции в России

а. История проституции

б. Стратификация и мобильность российских проституток (конец XIX - начало XX вв.)

в. «Борьба» с проституцией в 20—30-е годы XX в.

г. Проституция и разврат (вторая половина XX в.)

д. Преодолима ли проституция как социальный институт?

Литература к теме VI

Броннер В.М., Елистратов А.И. Проституция в России. М.: Издательство Наркомздрава РСФСР, 1927.

Василевский Л.А., Василевский Л.М. Проституция и новая Россия. Тверь: Издательство «Октябрь», 1923.

Гибиани А.А., Мануильский М.А. Цена «любви» (Обследование проституции в Грузии) // Социологические исследования. № 6. 1987.

Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб.: Петрополис, 1998.

Кузнецов М. Проституция и сифилис в России. Историко-статистические исследования. СПб.: Типография В.С.Балашева, 1871.

Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX - 40-е гг. XX вв.). М.: Прогресс-Академия, 1994.

Проституция и преступность. Проблемы. Дискуссии. Предложения. М.: Юридическая литература, 1991.

Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. СПб.: Издательство К.Риккера, 1888.

Тема VII. Адюльтер: тенденции и нормы

Тема VIII. Сексуальная свобода и социальный контроль

а. Табу и экзогамные запреты

б. Обычаи и традиции

в. Мораль – основа сексуального плюрализма

А.А. Овсянников
Программа спецкурса
«Социология брендинга в маркетинге»

Пояснительная записка

Автор программы: доктор экономических наук, профессор, вице-президент российского общества социологов, академик АН высшей школы **Овсянников Анатолий Александрович**.

Требования к слушателям: освоение курсов по общей социологии, социальной психологии, проектированию социологических исследований.

Аннотация: программа спецкурса является программой специализирующей дисциплины. Она одновременно дает синтез уже имеющихся социолого-экономических знаний и предлагает специальные методы практической деятельности на товарных, финансовых и др. рынках, а также в области некоммерческого маркетинга (политический маркетинг, региональный маркетинг, социальный маркетинг). Программа построена по принципу развертки материала от его модели к его составным частям, что позволяет понять идеи моделей брендинга и на этой основе накапливать знания и умения (в том числе и самостоятельно).

1. Учебная задача спецкурса

1.1. Цель спецкурса состоит в освоении приёмов, моделей и технологий брендинга как системной технологии организации обменной деятельности фирмы на рынке с целью роста влияния (популярности) у клиентов, снижения рисков и реализации преимуществ перед конкурентами. Важно здесь показать, что бренды являются товарами, а процесс их создания является инвестиционным.

1.2. Задачи обучения:

- освоить системообразующее ядро маркетинговой коммуникации как деятельности, осуществляемой посредством обмена;
- научиться проектировать бренды и освоить технологии позиционирования товаров.

2. Основными учебниками по спецкурсу являются:

- Ж.-Ж. Ламбен «Стратегический маркетинг»
- Ассэль Г. «Маркетинг: принципы и стратегия»
- Е. Дихтль, Х. Хершген «Практический маркетинг»
- Х. Швальбе «Практика маркетинга»
- А. Вайсман «Стратегия маркетинга»
- Д. Фоли «Энциклопедия знаков и символов»

3. Тематический план спецкурса

№	Тема	Объем часов
1.	Система маркетинга. Системообразующее ядро (модель маркетинга). Базовые технологии маркетинга. Позиционирование. Сегментирование	2
2.	Маркетинговые воздействия и коммуникации. Потребности. Брэндинг и его модели	2
3.	Технологии и модели брэндинга. Реклама. Проектирование рекламной кампании. Антиреклама.	4
Итого		8

Обучение состоит из цикла лекционных занятий и практического обсуждения «кейсов».

Е.Л. Омельченко

Программа спецкурса «Молодежь и будущее России:
современные молодежные практики
в контексте общественных трансформаций»

1. Определение молодежи, молодежных культур и молодежных практик в современном российском контексте. Этапы взросления: образование, досуг, работа. Новые смыслы понятий поколение и когорта. Типы современных молодежных солидарностей.

2. Стили жизни как новый социально-культурный ресурс реализации жизненных стратегий современной молодежи: статус, шансы и успех в контексте рынка труда молодых специалистов.

3. Общество риска и индивидуализация. Стилиевые контексты молодежного потребления. Российская молодежь в пространстве наркотизации: практики и символика.

4. Основные векторы измерения молодежных культурных сцен: глобальное и локальное, частное и публичное.

5. «Инновации» и «традиции» в прочтении гендера и сексуальности.

6. Современные методы изучения молодежных практик: исследовательский интерес и исследовательская «власть»: проблемы, находки, потери.

Форма проведения занятий.

2 лекции (4 часа), дискуссия (2 часа), мастер класс (2 часа). В лекциях предполагается раскрыть ключевые моменты предложенной программы.

Дискуссия – вокруг самых спорных моментов. Мастер класс – по методам исследования.

Е.Р. Ярская-Смирнова

Программа спецкурса «Социологические подходы к анализу профессионализации социальной работы»

1. **ФУНКЦИОНАЛИСТСКИЙ**: характер разделения труда в обществе, социальные потребности и функции профессий
2. **АТРИБУТИВНЫЙ**: характеристики идеального типа профессии
3. **КРИТИЧЕСКИЙ**: борьба за монополию экспертизы
4. **ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ**: культурные практики, организационная культура

Profession – это занятие (occupation) представителей среднего класса, характеризующееся высоким уровнем технической и интеллектуальной компетентности

1. Функциональная социальная работа и дисфункциональное социальное окружение

Профессионализация – это *позитивный и прогрессивный процесс*, который обеспечивает «общее здоровье социального тела» и способствует осуществлению социальных преобразований таким образом, чтобы социальный конфликт и дезинтеграция оставались минимальными. Явные и латентные функции социальной работы

2. Что стало с атрибутами?

Профессионализация – процесс, посредством которого некий вид занятий может с успехом претендовать на статус профессии и, следовательно, на награды и привилегии, соответствующие этому статусу

Список Флекснера

- вовлеченность в интеллектуальную деятельность,
- предполагающую индивидуальную ответственность;
- привлечение науки и обучение в практических целях;
- применение знаний посредством технологий, передаваемых через образование;
- самоорганизация;
- альтруистическая мотивация;
- наличие профессионального самосознания.

Список Миллерсона

- применение навыков, основанных на теоретических знаниях;

- образование и подготовка (тренинг) по этим навыкам; компетентность профессионалов, удостоверенная экзаменами;
- правила поведения, которые утверждают профессиональную общность (и утверждаются профессиональным сообществом);
- исполнение услуг ради общественного блага; профессиональная ассоциация, которая организует своих членов.

3. Определение границ социальной работы: символическая борьба за ресурсы

Профессионализация – процесс создания и контроля рынка определенных услуг, предоставляемых данной профессией, а в конечном итоге – стремление к достижению высокого статуса и восходящей социальной мобильности самих профессионалов.

Каждая профессия стремится ясно очертить круг вопросов, относящихся к сфере ее компетентности, ограничивая профессиональный взгляд на мир и монополизировав профессиональное знание как собственность.

Требование юридически подкрепляемого права на уникальную компетентность есть базовая стратегия профессионализма, а существенной частью этого процесса выступает контроль рекрутирования (профессионального отбора).

Профессиональный контроль

При пересечении сфер ответственности разных профессий возникает конфликт из-за отличий в системах ценностей. При этом каждая группа настаивает на легитимности своей собственной теоретической парадигмы или методов работы.

Достижение профессионального статуса должно исключать внешние оценки качества услуг, гарантировать высокие материальные награды и гарантировать безопасность тем, кто допущен к практике, как владельцам этого капитала.

Отсюда возникают серьезные конфликты между профессионалами и теми, кто посягает на их монополию статуса и экспертизы.

4. Читая профессиональный опыт...

Профессионализация социальной работы – внутренние смыслы организационной культуры социальной службы, повседневной рабочей рутины тех, кто представляет низовой уровень социальной политики.

Этнографические исследования организаций: ценности, смыслы, неформальные правила, нормы; обращение к теоретическим знаниям, спо-

соб профессионального развития; идентичность: образ «Я»; структура власти; формы контроля.

ВЕРБАЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

- Жаргон, меморандумы (их стиль и язык)
- Пословицы, привычные поговорки, лозунги, крылатые фразы, метафоры
- Прозвища людей и оборудования
- Легенды, поучительные или предостерегающие истории, рассказы о личном опыте
- Шутки, забавные анекдоты, насмешки, «дурацкие истории»
- Убеждения, суеверия, слухи
- Рифмы, стихи, песни
- Церемониальные речи, выступления

ДЕЙСТВИЯ

- Развлечения, отдых, игры
- Практические шутки (сыграть с кем-то шутку), проделки, шалости с посвящением новичков
- Празднования, торжественные события, вечеринки
- Жесты
- Совместная еда
- Ритуалы, обряды повышения, проводов на пенсию
- Собрания коллектива, вручения наград, церемонии
- Обычаи, социальная рутина
- Конвенциональные техники выполнения работы (то, как принято делать работу)

ОБЪЕКТЫ

- Архитектура, дизайн рабочего места, убранство офисов
- Качество и распределение оборудования
- Организационные уставы, инструкции, руководства, листки новостей
- Доски объявлений (расположение, содержание, эстетика внешний вид)
- Плакаты, фотографии, выставленные памятные вещи
- Костюм, униформа фирмы, стандартный наряд
- Полученные награды или выполненные работы
- Декорация персонального рабочего места или оборудования
- Граффити
- Ксерокопируемый фольклор (создание, коллекция, дисплей, рас-

пространение)

ИНТЕГРАЦИЯ ПОДХОДОВ

Критерии	Типы профессионализма и профессиональной деятельности			
	практический профессионал, мастер-ремесленник	технический эксперт	эксперт-менеджер	рефлексивный практик
Роль теоретических знаний	Низкая	Высокая	Низкая	Высокая
Отношения с клиентами	Жесткий контроль	Демонстрация мастерства, власти и экспертизы	Бюрократические	Партнерство и диалог рефлексивный контакт
Образ Я (ценности и нормы, неформальные правила и смыслы)	Мастер-ремесленник	Эксперт	Оператор	Фасилитатор
Метод профессионального развития	На личном опыте методом проб и ошибок с незначительным вниманием к построению моделей профессиональной практики	Метод обучения в формальных академических условиях	На личном опыте	Обучение, опосредованное опытом, использует рефлексивно опыта других, кейс-стади, моделирование практических ситуаций и реальную практику

Рефлексивный практик

- Цикл практического обучения (experiential learning), которое включает конкретный опыт, рефлексивное наблюдение, теоретическую концептуализацию и активное экспериментирование, восприимчивое к специфическим контекстам и ситуациям профессиональной практики.

- Важность обучающего опыта как средства достижения и оттачивания профессиональной компетентности.

- Модель рефлексивного практика предполагает комбинацию теоретического и практического знания, профессиональных ценностей, когнитивной и поведенческой компетентности в специфических ситуациях, требующих достижения взаимопонимания и договоренности.

II. Гендерный анализ занятости в социальной сфере

Профессия или временная общественная работа для женщин? Гендерная специфика рынка труда. Социальное материнство; эмоциональная работа. Гендерный контракт в отношениях между государством и женщиной. «Мужские» и «женские» качества в трудовом процессе; условия найма, требования к работе и режим. Временная общественная работа. «Путь наверх» в социальной службе. Иерархия внутри социальных служб.

Объяснения низкой оплаты «женского труда»

- естественное, традиционное занятие для женщин, не требующее особой подготовки
- «идеология семейной оплаты»
- моральное вознаграждение
- более легкие, по сравнению с «мужскими», задания, не требующие навыков или физической силы

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ЧАСТЬ I. СТЕНОГРАММЫ ЛЕКЦИЙ И ОБСУЖДЕНИЙ	4
Материалы круглого стола СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	4
Выступление В.А. Ядова «Модернизация и трансформация: постановка проблемы»	5
Выступление Э. Панкокке «Трансформация в реальных социальных процессах»	20
Выступление О. Хаберля «Политические трансформации в Европе»	27
Комментарий проф. Овсянникова	30
Выступление Е.Р. Ярской-Смирновой «Трансформация и культурный шок»	32
Выступление Е.Л. Омельченко «Молодежь в трансформирующемся обществе»	35
<i>С.И. Голод</i> ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ	41
Лекция 1. Моногамная семья: кризис или трансформации?	41
Лекция 2. Перспективы семьи XXI века	54
Лекция 3. Нелегитимные сексуальные стандарты	66
<i>А.А. Овсянников</i> СОЦИОЛОГИЯ БРЭНДИНГА В МАРКЕТИНГЕ	81
Введение	81
Лекция 1. Брэндинг в маркетинге	86
Лекция 2. Атрибуты бренда	97

<i>Ярская-Смирнова Е.Р.</i> СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ.....	117
Функциональная социальная работа и дисфункциональное социальное окружение	117
Что стало с атрибутами?	122
Определение границ социальной работы: символическая борьба за ресурсы.....	125
Читая профессиональный опыт.....	127
Выводы	131
ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ ЗАНЯТОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ	133
Профессия или временная общественная работа для женщин?	133
Профессионализм: опыт против образования?.....	141
Выводы	144
<i>Омельченко Е.Л.</i> МОЛОДЕЖЬ И БУДУЩЕЕ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	145
ЧАСТЬ II. ПРОГРАММЫ СПЕЦКУРСОВ, ПРОЧИТАННЫХ ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ СЕМИНАРА	156
<i>С.И. Голод</i> Программа курса Социально-психологические проблемы сексуальности.....	156
<i>А.А. Овсянников</i> Программа спецкурса «Социология брендинга в маркетинге»	159
<i>Е.Л. Омельченко</i> Программа спецкурса «Молодежь и будущее России: современные молодежные практики в контексте общественных трансформаций»	161
<i>Е.Р. Ярская-Смирнова</i> Программа спецкурса «Социологические подходы к анализу профессионализации социальной работы»	162

Социальные процессы современной России:
трансформации и перспективы
Материалы научно-практического семинара
(Нижний Новгород, 11–13 сентября 2002 г.)

Редакция:

Блонин Владимир Александрович
Иудин Александр Анатольевич
Курамшев Александр Васильевич
Шпилёв Дмитрий Анатольевич

Подписано в печать 11.11.2002 г. Формат . Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Таймс. Уч.-изд.л. Усл.печ.л. Тираж 300 экз. Заказ

Изд. НИСОЦ, лицензия: ЛР-071682 выдана 15.06.98 Госкомитетом печати РФ

Типография Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37.
